

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 3 (9)

Academic Journal

Series:

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ

№ 3 (9)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтис (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.

Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гушин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), Е.В. Барышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.Н. Жукова, канд. полит. н. (РГГУ),
И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ),
С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен революции в культурно-исторической динамике социальных трансформаций

С.С. Новосельский

Консервативные модели противодействия революционному движению в 1905 г. (на материалах деятельности Е.В. Богдановича и его сподвижников)	9
--	---

А.Б. Асташов

Дезертиры в революции 1917 г.	18
------------------------------------	----

Е.А. Долгова

«Научная работа в эпоху революции»: Московский психологический институт в 1914–1923 гг.	30
---	----

Т.С. Молодчикова

Х. Васконселос и проблема индейского образования в послереволюционной Мексике	41
--	----

Культурные парадигмы практик революции и эволюции: востоковедческий аспект

Н.А. Филин

Воплощение образа иранской Исламской революции 1979 г. в современной политической жизни страны	47
---	----

В.А. Федянина

Формирование представлений о России в учении японского нового религиозного движения <i>Кофуку-но кагаку</i>	56
--	----

Динамика общественно-политических процессов

Д.В. Лукьянов

О пользе «коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна	65
--	----

А.П. Логунов

Политическое измерение исторического	74
--	----

<i>Д.В. Плотников</i>	
Группы интересов как объект научного исследования: на пути к теоретико-методологическому синтезу	87
<i>А.К. Дениева</i>	
Политико-коммуникативное взаимодействие государства и общества в современной России	95
<i>А.Р. Акрамов</i>	
Сравнительная характеристика посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ: 2000–2001	108
<i>И.Б. Антонова</i>	
Нужна ли революция в методиках преподавания иностранного языка: роль коммуникации и прагматические аспекты проблемы	118
Современные проблемы системы международных отношений и международного сотрудничества	
<i>С.И. Сурчина</i>	
Взаимодействие России и МАГАТЭ в области радиационной безопасности	128
<i>О.А. Хлопов</i>	
Энергетическая безопасность: факторы риска и проблемы сотрудничества	138
Abstracts	148
Сведения об авторах	155

СОДЕРЖАНИЕ

Revolutions, Social Transformations and Cultural Changes

S. Novoselskiy

- Conservative model of counteractions of the revolutionary movement
in 1905 (on materials of general's E.V. Bogdanovich
and his fellow campaigner's activities) 9

A. Astashov

- Deserters in the revolution of 1917 18

E. Dolgova

- “Scientific work in the era of revolution”. The Moscow psychological
Institute in 1914–1923 30

T. Molodchikova

- José Vasconcelos and the problem of Indian education
in post-revolutionary Mexico 41

Cultural paradigms of Revolution and Evolution: Oriental aspect

N. Filin

- Implementation of image of the 1979 Iranian Islamic revolution
in the modern political life of the country 47

V. Fedianina

- The teaching of the Japanese new religious movement *Kofuku-no kagaku*.
Creating the image of Russia 56

The Dynamics of Political and Social Processes

D. Lukyanov

- Benefit of “communicatologic” understanding Thomas Kuhn's conception
of scientific revolutions 65

A. Logunov

- Measuring history politically 74

<i>D. Plotnikov</i>	
Interest groups as the object of scientific research: towards a theoretical and methodological synthesis	87
<i>A. Denieva</i>	
Political communicative interaction of state and society in contemporary Russia	95
<i>A. Akramov</i>	
Comparative characteristics of the addresses by President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2000–2001	108
<i>I. Antonova</i>	
Do we need the revolution in the methods of teaching of a foreign language: Impact of communication and pragmatic aspects of challenge	118
The actual issues of International Relations and International Cooperation	
<i>S. Surchina</i>	
Cooperation between the IAEA and the Russian Federation in radiation safety	128
<i>O. Khlopov</i>	
Energy security: risk factors and the problems of cooperation	138
Abstracts	148
General data about the authors	157

Феномен революции в культурно-исторической динамике социальных трансформаций

С.С. Новосельский

Консервативные модели противодействия революционному движению в 1905 г. (на материалах деятельности Е.В. Богдановича и его сподвижников)

В статье анализируются характер и результаты общественно-политической деятельности участников монархического движения в 1905 г., группировавшихся вокруг салона генерала Е.В. Богдановича. Особое внимание уделяется проектам мер противодействия революционному движению, разрабатывавшимся некоторыми из них, главным образом Б.В. Никольским. На основании привлечения архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, делается вывод о том, что консервативные модели противодействия революционному движению в 1905 г. не имели у власти успеха.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, Е.В. Богданович, Б.В. Никольский.

Широко известный салон генерала Е.В. Богдановича играл заметную роль в деятельности консервативного направления общественно-политической мысли в России в конце XIX – начале XX в. Политические взгляды и деятельность генерала и его сподвижников являлись предметом анализа в отечественной историографии¹. Однако вопрос о том, насколько соответствовали друг другу воззрения власти и ее апологетов на способы решения одной из важнейших государственных задач – противодействия революционному движению в 1905 г., – до сегодняшнего дня оставался вне поля зрения исследователей.

Среди постоянных участников салона были близкие ко двору В.А. Дедюлин, А.А. Мосолов, М.С. Путятин, Б.В. Штюмер, а также

участник Петергофских и Царскосельских совещаний о проектах создания Государственной думы и организации парламентских выборов А.С. Стишинский². И хотя тот факт, что взгляды участников кружка не имели поддержки в среде высшей бюрократии, признавался даже современниками, сочувствовавшими их идеям³, идеологические оппоненты Богдановича отдавали ему должное как одному из составляющих официальной политики Николая II⁴.

Революционный кризис 1905 г., несомненно, способствовал активизации консерваторов в разработке проектов его преодоления и поиске путей ознакомления власти с этими проектами. Так, гофмейстер Штюрмер, указывая в своей записке по делам печати на острую необходимость противодействия революционной агитации, особо отмечал роль, которую могли бы сыграть в этом процессе патриотические издания генерала Богдановича⁵. Следует отметить, что по итогам работы Особого совещания по делам печати под председательством Д.Ф. Кобеко проект Штюрмера (так и оставшийся неосуществленным) был признан приоритетным, а кандидатура его автора рассматривалась в качестве руководителя Бюро печати, которое предполагалось создать в будущем⁶.

И все же наиболее существенным «каналом связи» приверженцев монархических взглядов с властью продолжали оставаться всеподданнейшие записки и письма по различным вопросам внутренней и внешней политики, адресованные непосредственно императору. Под такими записками нередко стояла подпись Богдановича, хотя он далеко не всегда являлся их автором. В историографии отмечалось, что определенное участие в составлении записок Богдановича принимал приват-доцент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, поэт и литературный критик Б.В. Никольский, занявший в 1905 г. должность личного секретаря генерала⁷. Однако анализ документов личного фонда Никольского в ГА РФ свидетельствует о том, что его роль отнюдь не сводилась к записи соображений Богдановича под диктовку и приданию им литературной формы. Никольский являлся автором как минимум четырех содержащих предложения различных мер по борьбе с революционным движением «записок Богдановича», в текст которых генералом впоследствии вносились лишь редакционные правки. Эта работа в известной степени вскружила голову прежде далекому от власти Никольскому. На страницах своего дневника он отмечает стремительный рост собственного политического влияния⁸, констатирует, что является незаменимым в решении важнейших государственных вопросов⁹, и даже полагает, что с января 1905 г. ведет государственную политику наравне с Д.Ф. Треповым, Путятиным и Богдановичем¹⁰.

Поводом к одной из таких записок послужил исход Цусимского сражения. Поданная царю 21 мая 1905 г., она была составлена Никольским 18 мая и в тот же вечер слегка отредактирована автором совместно с Богдановичем¹¹. В ней Никольский прогнозирует рост «крамольного движения» в связи с военными неудачами и указывает на то, что отныне крамола представляет угрозу не только основам самодержавного строя России, но и дальнейшему существованию самой династии Романовых¹². В противовес «парламентской трагикомедии» автор предлагает сделать ставку на сильную, «карательную» власть, которой жаждет народ¹³. Главная опасность, по мнению Никольского, заключается в том, что основным претендентом на власть в сложившейся ситуации становится председатель Комитета министров С.Ю. Витте, ведущий «двойную игру»: «Правительству он импонирует умением якобы ладить с оппозицией, оппозиции же он импонирует своим высокопоставленным положением»¹⁴. Отстранение Витте от занимаемых им государственных должностей и его переход в открытую оппозицию правительству, согласно утверждению автора, лишат Витте какого бы то ни было влияния как во властных структурах, так и в среде, противодействующей им. Любопытно, что, призывая в своей записке царя к решительным действиям, Никольский не особенно верит в то, что Николай II откликнется на его призыв. Упрекая царя в глупости, невежестве и бездарности, Никольский на следующий день по составлению всеподданнейшей записки отметит в своем дневнике, что средствами к спасению династии могли бы стать не только демонстративная казнь некоторых великих князей, Витте и заключение мира с Японией до разгрома на суше¹⁵, но и самоубийство самого Николая. «Но где ему!»¹⁶, – с горечью замечает Никольский.

Другая «записка Богдановича» была составлена Никольским 30 июня 1905 г. по случаю восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»¹⁷. Она является продолжением серии всеподданнейших докладов, представленных Богдановичем по итогам его поездки по югу России в конце 1904 – начале 1905 г.¹⁸ Основная мысль этих докладов сводилась к нехватке, наряду с репрессивными, «хирургическими» мерами, «профилактических» мероприятий для борьбы с революционным движением, под которыми Богданович в первую очередь понимал широкое развертывание политической и религиозной пропаганды, явно намекая на желательность своего активного участия в этом деле¹⁹. Сокрушаясь о том, что в ряде южнороссийских городов не были своевременно применены меры административной высылки, усиления полицейского контроля, а также ликвидации некоторых печатных изданий²⁰, Никольский устами Богдановича призывает к консолидации разрозненных

местных властей и расширению их полномочий в борьбе с революционным движением²¹.

Конкретные меры для достижения этой цели Никольский излагает в следующей своей всеподданнейшей записке от 16 августа 1905 г., в которой настаивает на необходимости улучшения материального положения низших чинов полиции для противодействия революционному движению²². Основываясь в своих рассуждениях на впечатлениях генерала Богдановича о поездке по делам издания «листочков и брошюр» в Тамбовскую, Царицынскую, Харьковскую, Полтавскую губернии и Юго-Западный край, автор на сей раз прибегает к аргументам чисто экономического характера. На примере Полтавской губернии Никольский указывает на то, что размер зарплаты городского (12 рублей в месяц) при возможности за аналогичный период, не рискуя жизнью, заработать на сборе урожая от 45 до 60 рублей, крайне негативно отражается на составе местной полиции и эффективности ее работы²³. Тезис автора прост: укрепление силовых структур для борьбы с революционными всплесками обойдется дешевле, чем ликвидация их последствий²⁴.

Заключение Портсмутского мирного договора стало еще одним поводом для генерала напомнить о себе. Во всеподданнейшей записке от 25 сентября 1905 г., автором которой вновь выступил Никольский²⁵, главной угрозой стабильности и порядка в государстве провозглашается возвращающаяся с Дальнего Востока армия, где «не удалось еще свить себе прочного гнезда революционной пропаганде»²⁶. Армию эту, согласно утверждению автора, необходимо во что бы то ни стало подготовить к сложившейся за время Русско-японской войны в стране атмосфере «брожения, агитаций и тревожных политических настроений, неразрывно связанных с новыми порядками государственной жизни»²⁷. Вполне естественно, что наиболее подходящей кандидатурой для выполнения этого поручения Никольский называет Богдановича и ходатайствует об оформлении генералу командировки в действующую армию, для того чтобы «потолковать с солдатами, с офицерами, по крайней мере, с начальниками отдельных частей, и, во всяком случае, со всеми полковыми командирами»²⁸. Однако это ходатайство, вероятнее всего, по причине весьма существенных расходов на его осуществление, а также физической невозможности претворения в жизнь задуманного Богдановичем предприятия вполне предсказуемо осталось неудовлетворенным.

Общественно-политическая деятельность Никольского в 1905 г. не ограничивалась составлением всеподданнейших записок для генерала Богдановича. Никольский стремился довести до сведения императора свои соображения о возможных путях преодоления

революционного кризиса как посредством собственных проектов, подаваемых на высочайшее рассмотрение, так и через приближенных ко двору единомышленников. 24 января 1905 г. в письме к князю Путятину Никольский называет Витте главным противником самодержавия и виновником сложившегося в стране политического кризиса: «На вопли “долой самодержавие” у русского человека может быть лишь один ответ: долой Витте. Это не конец, разумеется, всего, что им посеяно, но *только* это было бы началом такого конца»²⁹. Тем самым автор письма выражает не только собственную точку зрения, но и взгляд, присущий подавляющему большинству представителей консервативного направления общественно-политической мысли, а также отдельным высшим сановникам³⁰. Путятин ознакомил Николая II с содержанием письма³¹, которое, по словам императора, было «искренно и горячо написано»³². Удостоившись в начале апреля личной получасовой аудиенции у Николая II, Никольский назвал происходившие в стране события «гнусным походом» против самодержавия, в котором каждый стремится, по примеру Витте, урвать себе часть властных полномочий. По свидетельству самого Никольского, подобная оценка деятельности председателя Комитета министров вызвала у царя «сочувственное кивание и какое-то незначительное слово согласия и одобрения»³³.

Однако свою главную задачу Никольский видит в участии в разработке проекта Государственной думы. С этой целью он встречается с министром внутренних дел А.Г. Булыгиным и отстаивает в разговоре с ним идею привлечения выборных в Государственный совет, которое, по мнению Никольского, помогло бы «обезвредить рескрипт 18-го февраля»³⁴. Идея Никольского не находит поддержки у министра, который не привлекает его к участию в работе «булыгинского совещания», о чем Никольский будет впоследствии сожалеть, утверждая, что, несмотря на принципиальные расхождения с Булыгиным во взглядах на Государственную думу, он непременно принял бы предложение участвовать в ее разработке, если бы такое предложение последовало³⁵. В то же время любопытно, что петербургская молва, согласно утверждению Никольского, приписывала именно ему авторство Манифеста 18 февраля 1905 г.³⁶

Никольский не отчаивается и составляет собственный проект о «привлечении выборных людей». Саму записку, которая была напечатана в июне 1905 г. без цензуры в количестве 25 экземпляров³⁷, обнаружить не удалось. Однако проект Никольского, подготовленный им к началу апреля³⁸, был в мае представлен на высочайшее рассмотрение³⁹. Никакой реакции императора на записку не последовало⁴⁰. При этом можно смело утверждать, что она

вызвала одобрение в высших консервативных кругах. Так, по словам Никольского, Путятин уверял его, что «записка именно есть идеал того, о чем он думал»⁴¹. У собравшихся на одном из вечеров у А.П. Игнатьева, на котором среди гостей присутствовали, в частности, В.Г. Глазов, П.Л. Лобко, С.А. Толь, записка также встретила «сильное сочувствие»⁴². Но в то же время Никольский вынужден констатировать в телеграмме, направленной Путятину на следующий день после своего выступления у Игнатьева: «Общее мнение, что поздно»⁴³.

Содержание записки Никольского представляется возможным частично реконструировать по другим источникам. Так, в ходе одного из собраний кружка Игнатьева в марте 1905 г. Никольский высказывает мысль о том, что главными орудиями противодействия революции должны стать сословность и христианская мораль⁴⁴. Схожие идеи отстаивались консерваторами в ходе Петергофских совещаний о проекте Государственной думы, проходивших 19–26 июля 1905 г. Представители традиционалистского политического мышления (А.А. Нарышкин, А.А. Бобринский, те же Игнатьев, Стишинский и Лобко)⁴⁵ в ходе обсуждения настаивали на сословном характере выборов в Государственную думу⁴⁶, широкое представительство в которой, по их мнению, должно было быть предоставлено не только дворянству и крестьянству, но и духовенству⁴⁷. Консервативная партия в итоге потерпела поражение, но следует отметить, что одним из источников, оказавших влияние на формирование тех воззрений, которые отстаивались традиционалистами перед императором, вполне могла являться записка Никольского.

В результате провала всех инициатив и предложений Никольского стало полное разочарование последнего в Николае II. Тяготясь своими монархическими пристрастиями, Никольский в дневнике не стесняется в выражениях и даже намекает на царевбийство как на выход России из революционного кризиса: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен: он – прости меня Боже – полное ничтожество! <...> Одного покушения теперь мало, чтоб очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское»⁴⁸. Следует отметить, что подобная оценка личности императора вполне согласуется с общими настроениями, царившими в 1905 – начале 1906 гг. в монархических кругах, в которых Николай II подвергался едва ли не более ожесточенной критике, чем в среде либералов⁴⁹.

Любопытно, что при минимальном влиянии, которое оказывали на государственную политику представители консервативного направления общественно-политической мысли (в том числе, генерал Богданович и его приближенные), их роль существенно

преувеличивалась и даже демонизировалась в либерально настроенных кругах. В ноябре 1905 г. в печать попала адресованная Витте записка горнопромышленника Ф.А. Львова, в которой Богданович представлен руководителем весьма многочисленной вооруженной контрреволюционной организации. Ее ядро, по сведениям автора записки, составляли чины жандармско-полицейского управления, а региональная сеть поддерживалась усилиями наиболее консервативно настроенных губернаторов (П.А. Столыпина, П.Г. Курлова, А.А. Лопухина и других)⁵⁰. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. целью организации, согласно утверждению Львова, стала уже не контрреволюция, а «контрконституция», а ее дальнейшая активность грозила России «кровавой баней» и возвратом назад, в объятия революции⁵¹. Очевидно, что даже при наличии желания организовать нечто подобное Богданович не располагал для этого соответствующими материальными и кадровыми ресурсами. Однако заявления об угрозе союза власти с «черной сотней», звучавшие на страницах не только столичных, но и региональных печатных изданий⁵², весьма красноречиво иллюстрируют картину восприятия консерваторов в глазах общественного мнения.

Итоги общественно-политической активности завсегдатаев салона Богдановича, а также самого «генерала от Исаакиевского собора» в 1905 г. были неоднозначны. С одной стороны, Богданович являлся во многом номинальной, символической фигурой, чья деятельность зачастую сводилась к лоббированию собственных издательских проектов, составлявших для генерала один из основных источников дохода. Меры противодействия революционному движению, разрабатывавшиеся сподвижниками Богдановича (в первую очередь Никольским), не находили у власти сочувствия и поддержки. Самодержавие показало себя гораздо более прогрессивным, нежели его консервативно настроенные приверженцы, в правительственных сферах доминировали уже совсем иные тенденции. В то же время кружок Богдановича являлся для деятелей монархического толка тем интеллектуальным полем, где аккумулировались и формулировались проекты и предложения, с которыми они обращались к власти. Подобная подготовительная работа способствовала становлению базы, на основе которой происходило формирование правых партий и общественных организаций, которым предстояло сыграть существенную роль в политике новой, думской России. Пока же, в 1905 г., власть и общество находились в поисках консенсуса, который не всегда являлся достижимым: консервативные и либеральные элиты пугали власть смутой и анархией, усматривая ее причины друг в друге и сталкиваясь лицом к лицу с общим врагом – революцией.

- ¹ См.: *Стогов Д.И.* Крестный отец Союза русского народа: Генерал Евгений Васильевич Богданович (1829–1914) // Правая Россия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. С. 320–340; *Он же.* Личность политика-монархиста Б.В. Никольского и революционные события 1905–1907 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XI Междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 февр. 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 444–449; *Он же.* Салон генерала Е.В. Богдановича в борьбе за сохранение Империи // Имперское Возрождение. 2007. № 6 (14). С. 60–69.
- ² См.: *Стогов Д.И.* Салон генерала Е.В. Богдановича в борьбе за сохранение Империи. С. 64.
- ³ См.: *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Полит. энцикл., 2015. С. 66–67.
- ⁴ См.: *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 185.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 228. Л. 53.
- ⁶ Там же. Л. 55.
- ⁷ См.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 13–14.
- ⁸ См.: *Никольский Б.В.* Дневник: 1896–1918: В 2 т. / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2: 1904–1918. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 33, 37, 45, 57.
- ⁹ Там же. С. 34.
- ¹⁰ Там же. С. 59.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1277. Л. 16.
- ¹² Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 1 об.–2.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1284. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 13–22 об.: Всподданнейшие доклады генерал-лейтенанта Богдановича от 19 декабря и 26 ноября 1904 г., 1 февраля 1905 г. об исполнении особого поручения в Николаеве, Севастополе, Одессе в 1904–1905 гг.
- ¹⁹ Там же. Л. 13–14, 21 об.
- ²⁰ Там же. Л. 9 об.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1283.
- ²³ Там же. Л. 2 об.–3.
- ²⁴ По подсчетам Никольского, повышение жалования штатным чинам и агентам полиции, по крайней мере, в два раза будет стоить бюджету 1,5–2 млн рублей ежегодно, в то время как «история с «Князем Потемкиным» обошлась России в несколько десятков миллионов» (ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1283. Л. 3).

²⁵ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1307. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 23.

²⁷ Там же. Л. 23 об.

²⁸ Там же. Л. 24.

²⁹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1118. Л. 3–3 об.

³⁰ В частности министр народного просвещения В.Г. Глазов, обсуждая в начале марта 1905 г. с Никольским фигуру Витте, сетовал: «Вы не можете себе представить, как он нам мешает». В то же время Глазов признавал, что противники Витте не имеют возможности открыто противостоять ему, поскольку «государь велит действовать по соглашению» (*Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 37).

³¹ Вероятно, это произошло 31 января 1905 г., когда Николай II оставил в своем дневнике запись: «Разговаривал долго с Путятиным» (Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. Т. 2: 1905–1918. Ч. I: 1905–1913. С. 18.

³² *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 42.

³³ Там же. С. 50.

³⁴ Там же. С. 33.

³⁵ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1118. Л. 8.

³⁶ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 37, 39.

³⁷ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 635. Л. 7–7 об.

³⁸ Там же. Д. 1118. Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 635. Л. 3 об.

⁴⁰ *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 56.

⁴¹ Там же. С. 45.

⁴² ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1166. Л. 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 41.

⁴⁵ См.: *Кириянов И.К., Лукьянов М.Н.* Российская бюрократия в условиях кризиса, 1905–1906 // Политическая и духовная культура Европы (новое и новейшее время): Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1992. С. 68–69.

⁴⁶ См.: Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 20, 26–28, 68, 69, 79, 81, 87, 142–143.

⁴⁷ Там же. С. 83.

⁴⁸ *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 55.

⁴⁹ «Пока у нас этот царь, порядка в России не будет, нечего его ожидать», – отметил 16 февраля 1906 г. в своем дневнике супруга генерала Богдановича (*Богданович А.В.* Три самодержца: Дневники генералыши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 293).

⁵⁰ Наша жизнь. 1905. 19 нояб. С. 2.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: П.А. Столыпин: Переписка. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. С. 600.

Дезертиры в революции 1917 г.

Статья посвящена анализу дезертирства в ходе русской революции 1917 г. Работа основана на новых, впервые привлекаемых в научном исследовании архивных документах. Главным объектом являются причины, формы, динамика проявлений дезертирства в армейских частях на фронте и в тылу. Предмет анализа – влияние дезертирства на боеспособность армии и развитие революционного движения внутри страны, эффективность борьбы военного руководства с помощью «демократических» методов с этим видом воинского преступления. Автор приходит к выводу, что военным властям не удалось эффективно использовать как идейные, так и правовые меры, включая «революционные суды», против дезертирства, превратившегося в важный фактор разложения армии и углубления революции.

Ключевые слова: стихийность масс, Русская революция 1917 г., боеспособность и разложение русской армии, дезертирство, «революционные суды».

В революции 1917 г.¹ всегда важным был вопрос стихийности, несознательности и, наоборот, организованности, осмысленности действий масс². Важнейшее значение для успеха Февральской революции было участие в ней тысяч дезертиров в Петрограде. Именно они проводили наиболее бескомпромиссную линию борьбы с самодержавием. Только после успеха солдатского бунта подавляющее большинство солдат Петроградского гарнизона, оказавшихся вне закона, т. е. в сущности такими же дезертирами, искало легитимации своих действий в деятельности Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов³. Так стихийность масс привела к активизации социально-политических сил по созданию новой «демократической России». Однако дезертирство продолжало не только существовать, но и оказывало серьезное влияние на социально-политические процессы в армии и стране в целом в 1917 г. Величина, направленность, значение этого влияния недостаточно изучены в научной литературе. Тем более остается неясным вопрос эффективности борьбы с дезертирством

новых «демократических» властей. В данной статье, основанной на впервые привлекаемых материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), автор проводит анализ дезертирства, его размаха, значения в углублении революции, а также итогов борьбы с ним.

После Февральской революции дезертирство из армии продолжалось, проявляясь как в старых, так и в новых формах. Дезертирство явное включало прямой уход из войск, особенно во время наступлений и отступлений, бродяжничество, побеги из маршевых рот, из мест лечения, а также не вернувшихся или задержавшихся в период поездки в отпуска для поправления здоровья после болезни, а также после отпуска на полевые работы. Первоначальной волне дезертирства способствовали атмосфера эйфории на фронте, ощущение вседозволенности, падение контроля со стороны начальства, а также желание лично поучаствовать в событиях путем поездок в штаб воинского формирования, ближайший город или даже в Петроград. Согласно официальным данным, количество дезертиров из армий в первые месяцы после Февральской революции до середины мая резко возросло, составив 86 тыс., т. е. почти половину всего дофевральского их количества. При этом основная часть дезертиров, около 80 %, пришлась на запасные и ополченческие части⁴. На Северном фронте за этот период дезертирство увеличилось по сравнению с периодом с 1 января по 1 марта в 3,5 раза в войсковых частях и почти в 6 раз в запасных и ополченческих, а всего по фронту – в 5 раз, с 5 до 25 тыс. чел., в то время как на Юго-Западном фронте за последнюю декаду апреля было задержано 4627 чел.⁵

С середины мая до августа 1917 г. количество дезертиров на фронте уменьшилось, хотя и оставалось большим: около 3 тыс. на Северном и Румынском, и 12–20 тыс. на Западном и особенно на Юго-Западном фронтах в месяц⁶. Уменьшение дезертирства в этот момент было связано с подготовкой к июньскому наступлению, которое, как ожидалось, приведет к успеху и к окончанию войны. После июня количество дезертиров на фронте вернулось к цифрам до переворота: 1–4 тыс. в войсковых и запасных частях⁷. Это явилось следствием провала наступления и увеличением негативных настроений на фронте. Всего же за период с 1 марта по 1 августа 1917 г. количество задержанных дезертиров составляло 170 тыс. чел., т. е. было почти равно их количеству до Февральской революции⁸.

По видам дезертирство после Февраля значительно расширилось. Прежде всего это поездки в отпуска с обязательными задержками, что практически сходило солдатам с рук еще до революции⁹.

После Февраля именно по линии отпусков солдаты-крестьяне усиленно добивались для себя «прав». В результате в ряде армий комитеты приняли решения отправлять в отпуска по 100 чел. («старослужащих», т. е. старше 40 лет) от каждого пехотного полка¹⁰. Как правило, они не являлись к необходимому сроку, опаздывая на 10–60 дней и даже требуя продления отпуска до конца полевых работ. В ходе этих работ солдаты на селе, кроме собственно занятий по хозяйству, вели активную политическую деятельность в качестве членов продовольственных комитетов, советов крестьянских депутатов, комитетов отпускников¹¹.

Множество солдат и офицеров, врачей и военных чиновников проводили время в заседаниях комитетов, советов, различных делегаций и тому подобных революционных армейских организаций непосредственно на театре военных действий. Практически они были исключены из боевого состава, что начальством рассматривалось как еще одна форма дезертирства¹². Почти каждая запасная бригада в Петроградском и Двинском военных округах в тылу на осень 1917 г. насчитывала таких комитетчиков от 300 до 1000 чел.¹³ На Юго-Западном фронте только во фронтовых частях в составе выборных армейских организаций их насчитывалось 72 тыс.¹⁴ Еще одной формой ухода от боевой деятельности были переходы в национальные части, что затронуло сотни тысяч человек, переходивших из части в часть и с одного фронта на другой. Эта форма дезертирства охватила множество лиц не только русского подданства: поляков, сербов¹⁵. Особенно много дезертиров насчитывалось в украинских частях¹⁶.

Дезертирство оказывало крайне негативное влияние на боеспособность армии и дестабилизировало общественно-политическую ситуацию внутри России. Дезертиры, вливавшиеся постоянно в армию, порою являлись прикрытием для проникновения на передовую позицию шпионов, политических агитаторов и других преступных элементов. Это требовало их тщательной проверки¹⁷. Так, например, в сводке по Западному фронту был зафиксирован упадок боевого духа в 10-й армии: «Армия не может выздороветь, пока зараженный тыл будет посылать ей маршевые роты, оставленные из пораженцев и большевиков»¹⁸. Но и, будучи задержанными на фронте, дезертиры доставляли массу проблем: негде было их содержать, особенно в районах, где не дислоцировались запасные части, неясно было, куда направлять осужденных¹⁹. Создавались трудности для слушания дел о дезертирах не «своих» полков, куда «командировали» задержанных из различных тыловых учреждений²⁰.

Еще больше было проблем и от дезертиров в отношении мирного населения, причем как на театре военных действий, так и вне

его. Так, начальство Западного фронта было озабочено тем, что ряд уездов наполняются дезертирами, которые терроризировали и грабили население. Ввиду того, что в первое время после Февральской революции полиция и стражники были упразднены, временно исполнявший обязанности главкома армиями Западного фронта приказывал принять энергичные меры к прекращению дезертирства и очищению тыла от дезертиров²¹. В некоторых городах дезертиры могли оказывать воздействие на конкретную политическую ситуацию. Особенно их влияние сказывалось в сельской местности, где они, как правило, занимались хулиганством, вели антивоенную агитацию, в целом подрывали порядок, опираясь на родственников, знакомых. Местные комитеты общественной безопасности (например, в Холме, Бендерах) принимали решения об экстренных и энергичных мерах к розыску и задержанию дезертиров, привлекая для этого сельское начальство (деревенских и сельских старшин и милиционеров), комитеты эвакуированных, строго внушая и разъясняя им важность искоренения дезертирства. В резолюции Холмского комитета общественной безопасности подчеркивалось: «Промедление ликвидации дезертирства деморализует армию и окончательно подрывает основы государственно-гражданского долга в населении»²². Власти на местах требовали посылки военных отрядов, так как не могли своими силами справиться с дезертирами. Таким образом, население деревень втягивалось в вопросы войны и мира. Некоторые Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стали принимать свои меры против дезертиров, включавшие запрет всех отпусков, введение караулов на железнодорожных станциях, военного контроля для проверки увольнительных билетов на транспорте, ужесточение правил выдачи сопроводительных документов для солдат, передачу задержанных на распределительные пункты²³.

Первоначальные меры борьбы с дезертирством включали нравственное воздействие пропагандистской кампании с призывами вернуться в армию, чтобы «защитить родину и революцию»²⁴. В ряде армий Юго-Западного фронта старшие офицеры проводили беседы о текущих событиях, наблюдали за неблагонадежными солдатами; отправлялись дозоры и караулы на важнейшие пути и станции железных дорог; объявлялся розыск по месту жительства родных дезертиров с извещением их о поступках родственников на фронте или лишением пайков; расклеивались в населенных местах на родине подробные сведения о дезертирах²⁵. Резко был усилен контроль на поездах²⁶.

Попытки регулировать проблему дезертирства правовыми мерами начались в первые дни революции. Уже 11 марта главком

армиями Северного фронта Н.В. Рузский приказал освободить из-под стражи дезертиров, как привлеченных к ответственности, так и осужденных к исправительным наказаниям, включая и осужденных на каторгу, при условии их раскаяния и желания заслужить прощение боевой службой. Все дела по дезертирам и их наказание откладывались до окончания войны²⁷. Важнейшим актом контроля и борьбы с дезертирством была предложенная 16 марта начальником военных снабжений армий Северного фронта Н.А. Даниловым амнистия вернувшимся в течение конкретного срока. После этого срока предполагалось «строгое преследование самовольно отлучившихся и уклоняющихся по закону с тщательным выяснением всех таких лиц на местах»²⁸. В результате этого предложения уже на следующий день на заседании Временного правительства было принято постановление об «амнистии». Оно предусматривало освобождение от суда и наказания дезертиров и уклоняющихся от военной службы с условием, что не позже 1 мая 1917 г. они добровольно явятся на места призывов или в свои части²⁹. Однако эффект от амнистии оказался не таким, как от нее ожидали. Поэтому уже 4 апреля в воззвании Временного правительства был определен новый срок возвращения – 15 мая³⁰. В свою очередь, такой пересмотр закона вызвал возражение у главкома армиями Юго-Западного фронта А.И. Деникина, который считал, что таким образом роняется авторитет власти, возникают двусмысленности и т. п.³¹

Далеко не все дезертиры воспользовались полученной возможностью своей легализации. По данным главкома Западным фронтом, только незначительная часть дезертиров в апреле возвратилась в строй. Так, в пределах Петроградского военного округа с 1 апреля по 15 мая вернулось около 3500 дезертиров. В запасной батальон Павловского полка гвардии за это время вернулось 102 чел. В батальон же Преображенского полка дезертиры вовсе не явились³².

В ходе ожидания результатов амнистии власти не прекращали борьбу со злостными дезертирами. Однако наплыв дезертиров на этапные части привел к серьезному сбою в системе задержания и судопроизводства над ними: на местах не хватало частей для облавы и запасных частей для содержания задержанных, корпусные суды не справлялись с самовольщиками. Ввиду истечения к 15 мая последнего срока явки дезертиров Военный министр приказал принять самые энергичные меры для задержания дезертиров и привлечения их к ответственности по всей строгости закона³³. Но и после этого срока количество задержанных дезертиров продолжало оставаться очень высоким. Скапливаясь тысячами в различных городах и на фронте, они становились инициаторами беспорядков³⁴.

Это привело к необходимости создания особых судов, поскольку прежние военно-окружные и корпусные суды по своему составу не годились³⁵. Не позднее 22 мая главнокомандующими Северного фронта возбудил ходатайство об учреждении особых временных судов во всех тыловых гарнизонах для ускорения рассмотрения дел дезертиров³⁶. 28 мая Временное правительство приняло положение о таких судах до организации корпусных и военно-окружных судов на новых началах. По проекту, разработанному в Главном военно-судебном управлении (ГВСУ), в такие суды должны были входить, кроме председателя, по одному представителю от офицеров (по возможности юристов) и солдат, назначаемых по указанию военно-общественных организаций (советов, комитетов и т. п.). Производство в этих судах подчинялось общему порядку, установленному для корпусных судов. При этом ГВСУ спрашивал у Временного правительства утверждения этой временной меры и распространения ее и на местности вне театра военных действий (т. е. внутри империи) с введением ее в действие по телеграфу³⁷.

Временные суды для дезертиров начали организовываться на фронтах и в тыловых округах по всей стране. Перед новыми судами, кроме непосредственной борьбы с дезертирством, ставилась задача действовать «в полном соответствии с идеальным требованием права о равенстве всех граждан перед лицом закона». Новый главный военный прокурор В.А. Апушкин требовал от судов «не преследовать солдат», «проникнуться широким пониманием демократических начал, на которых строится отныне жизнь русского народа и его обновленной революцией армии»³⁸. Однако в ряде районов образование особых судов для дезертиров встретило «неодолимые препятствия». На местах распоряжение о судах застало армейские штабы «совершенно врасплох». Местные общественные комитеты безопасности, советы, как оказалось, не могли представить в состав суда лиц по требованиям суда, тем более трудно было обеспечить защиту и состав присяжных заседателей. Ощущалась и нехватка юристов, или не было данных об их наличии, особенно в войсках. Не было самой базы сведений о количестве дезертиров, их различных категориях, указаниях, как поступать с дезертирами, которые уже числились за полковыми судами. К тому же продолжал действовать военно-окружной суд с участием присяжных заседателей. Возникла проблема суждения за самовольную отлучку или побег, вопрос, как поступить с теми, кто явился спустя несколько дней после назначенного дня амнистии 15 мая, что требовало наведения массы справок. В результате даже в таких военных округах, как Московский, в конце июня особые суды вообще

не открылись³⁹. Все это потребовало согласований, уточнений с вышестоящими инстанциями.

К августу выяснилось, что и особые суды действуют медленно, всего 50–60 чел. в неделю при наличии нескольких сот подсудимых. Между тем число вновь задерживаемых, в виду массы самовольно оставивших свои части под предлогом уборки урожая в тыловом районе, а также бежавших из войскового района во время июньского отступления, продолжало нарастать⁴⁰. Появились сообщения и о насилии против суда, о пропаганде среди солдат не подчиняться суду и вообще закону. Возник даже вопрос об охране подсудимых, назначении судебных заседаний в спокойных, безопасных местах, необходимости избегать концентрации подсудимых и арестованных⁴¹. В этой ситуации в Политическом кабинете Военного министерства появились сомнения в самой необходимости временных особых «демократических» судов. Опасались, что новые суды не смогут гарантировать правосудия и не будут авторитетными. Однако на местах продолжали считать возможным использование временных судов в целях более быстрого разрешения накопившихся дел⁴².

В то же время, согласно докладу комиссара Северного фронта В.Б. Станкевича военному министру А.Ф. Керенскому в августе 1917 г., беседы с представителями военного суда показывали картину «полнейшей растерянности и сознания невозможности удовлетворительно справиться с поставленными задачами». Проблема была в несогласованности множества постоянно прибывающих новых законоположений, приказов, инструкций и распоряжений. Отсутствие кодификации лишило судебную деятельность надежной и твердой юридической основы. А «полное незнание» командного состава и представителей войсковых комитетов с новой военно-судебной организацией, недостаточность личного состава по количеству и по качеству дела эфемерной надеждою на демократизацию судебного ведомства⁴³.

Существовала, однако, еще одна, крайняя, мера для обуздания не спадавшей волны дезертирства – смертная казнь. Однако восстановленная 12 июля эта высшая мера наказания на фронте не применялась к массе дезертиров. Эта мера использовалась только в рамках действия чрезвычайных временно-революционных судов за преступления, совершенные непосредственно на передовой линии: за побег к неприятелю или с поля сражения, самовольную отлучку из караула с поста в виду неприятеля и т. п.⁴⁴

В условиях парализации действий постоянных (военно-окружных, корпусных), временных (для дезертиров) и чрезвычайных (временно-революционных) судов резко обострилась проблема

пополнения армии из состава дезертиров («ленинцев») и арестованных (преступников, направлявшихся на фронт для «искупления себе прощения»).

Начальство Северного фронта констатировало в августе 1917 г., что «ежедневно с этапов в части прибывает много дезертиров самого хулиганского типа и таким образом в части все время вгоняются вредные гнойные образования. Все это самым тяжелым образом отражается на той созидательной работе, которая идет в частях». В связи с этим предлагалось всех задержанных и доставленных на этап дезертиров и бродящих отправлять не в части армии, а в запасные полки фронта⁴⁵.

Порой военное командование вообще отказывалось от пополнений, одновременно остерегаясь и накапливания преступного дезертирского элемента в запасных частях. Дело было еще и в охране арестованных, что ослабляло войсковые части, отвлекая из их состава большое число военнослужащих. В частях указывали, что пополнения состоят в значительной степени из дезертиров и арестованных. По существу, этот контингент требовал применения к ним ускоренного суда, однако суды не справлялись с таким наплывом. С другой стороны, по мнению начальников корпусов, дивизий и полков, в подавляющем большинстве эти люди были не способны к исправлению, «нравственные отбросы солдат», люди с «растяжимой совестью», которые развращали солдатскую массу. Положение становилось угрожающим. Преданных России, свободе и революции солдат части не получали⁴⁶.

Это привело к идее создания особых тыловых частей из всех задержанных дезертиров, дела которых еще не внесены в суд, и тех, которые будут задержаны. Но в этом случае встал вопрос о содержании дезертиров. Ряд высших начальников (Данилов) поставили вопрос о возвращении к порядку, установленному приказом по Северному фронту № 915 1916 г., т. е. не отправлять на фронт дезертиров, а выдерживать их в особых ротах запасных полков. Там дезертиры были бы в изоляции, выяснялось бы их прошлое с последующей передачей их суду. Способные же готовились бы к отправке в армию, а закоренелые подлежали бы длительному оставлению в этих частях, носивших, по существу, характер исправительных, но без формального осуждения. В вопросе о пополнениях Данилов ссылался на мнения начальников на местах, готовых уменьшить армию даже вдвое, лишь бы избавить ее от преступного элемента из числа дезертиров⁴⁷. Уже с июля некоторые командующие военными округами стали издавать приказы, согласно которым все задержанные дезертиры должны назначаться в ближайшие запасные части для направления их в действующую армию

с первыми маршевыми ротами. Остальные же дезертиры поступали в спецчасти, где и ожидали суд⁴⁸. Такие части предлагалось создать в ближайших к месту задержания дезертиров районах на театре военных действий. При этом в частях устанавливались бы особые порядки: лишение младшего командного состава унтер-офицерских или ефрейторских званий, перевод их на оклад рядового, лишение всех политических и других прав, включая и наделения земель, сообщение списков таких нарушителей на родину⁴⁹. Ряд командиров предлагали создать особые дисциплинарные полки, переработав положение о дисциплинарных батальонах. В этих частях не предусматривалось выборных организаций (комитетов и судов). В них вводился суровый режим: увольнения лишь с разрешения начальства, ограниченное посещение казарм посторонними, запрет на отпуска. В этих частях предполагалось организовать суды по типу военно-революционных, «из представителей военно-судебной власти» и представителей войсковых организаций с включением для каждого дела в состав судейской коллегии присяжных заседателей по жребию двух офицеров и двух солдат (а не представителей комитетов). Для госпиталей и санитарных учреждений должны были создаваться дисциплинарные госпитали со строгим режимом⁵⁰. Другие начальники прямо предлагали организовать особые рабочие команды с введением в них особого режима применительно к дисциплинарным батальонам, куда и направлять преступный элемент из армий⁵¹. По существу, это означало создать глубоко в тылу концлагеря. Все указанные проекты разрабатывались уже в июле–августе и могли быть осуществлены только при кардинальной перемене дисциплинарной политики в армии. Провал Корниловского выступления практически похоронил эти проекты.

Согласно сведениям комиссаров и дежурных генералов фронтов, в европейской части театра военных действий количество дезертиров в сентябре–ноябре 1917 г. было невелико, по несколько десятков человек в неделю на каждую армию или по несколько сотен на каждом фронте (500–700–1000 чел.)⁵². Случаи дезертирства тонули в массе инцидентов, отказов выхода на занятия и т. п., в «острой жажде мира» и в целом в ожидании близкого конца войны⁵³. Только на Кавказе отмечалось усиление дезертирства – до 5 тыс. чел. во второй половине октября⁵⁴. Но в некоторых запасных частях Петрограда количество дезертиров на полк составляло в августе 1917 г. 500–1000 чел.⁵⁵ В Двинском военном округе количество задержанных дезертиров поднималось в ноябре до 2000 чел.⁵⁶ В условиях массового разложения армии, ее «революционизирования» в конце 1917 г. проблема дезертирства

как таковая практически исчезла. В первые месяцы после Октябрьского переворота количество дезертиров значительно увеличилось. Так, в армиях Северного фронта за последнюю неделю 1917 г. в дезертиры подалось почти 3 тыс. чел.⁵⁷ В начале января эта убыль составляла почти полторы тыс. человек, далее 2,2 тыс. чел. и нарастала до 3,7 тыс. чел. в конце января⁵⁸. Правовым проявлением легализации дезертирства в виде прекращения военных действий и подготовки сепаратного мира стал декрет Совнаркома о суде от 22 ноября 1917 г., упразднявший все военные и морские суды всех наименований и приостанавливавший производство всех военно-судебных дел, в том числе по дезертирству⁵⁹.

Так закончился эксперимент по борьбе с дезертирством путем «демократизации» армии. Военному командованию не удалось ни перекрыть доступ дезертирам в армию, ни обеспечить эффективный контроль над ними в запасных батальонах, где дисциплинарный режим был слабее по сравнению с царской армией. Как и в случае с ситуацией до Февральской революции дезертиры накануне Октябрьского переворота стали важной частью разложения армии уже на всем театре военных действий, включая и ближайшие к нему военные округа. Тем самым «стихийность» солдатских масс, не желавших воевать, а стремившихся к выполнению своих социальных чаяний, полностью совпала с революционными проектами, повлиявшими на изменение судьбы армии и всей страны.

Примечания

¹ Автор придерживается представлений о событиях в России 1917 г. как единой Русской революции (Великой Российской революции) 1917 г. с рядом этапов, важнейшими из которых были Февральская и Октябрьская революции (соответственно Февральский и Октябрьский перевороты). См.: *Шубин А.В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014.

² Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сб. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 9, 17, 39, 51, 66, 96, 112, 133, 154–156, 317, 320.

³ См.: *Астахов А.Б.* Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестн. Твер. гос. у-та. Сер. «История». 2017. № 1. С. 17–38; *Астахов А.Б., Булдаков В.П.* Война в столице империи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 748–756.

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М., 1925. С. 26.

- ⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 110, 111 об.
- ⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 91.
- ⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 49 об., 51 об.; 66–66 об., 71; Оп. 2. Д. 822. Л. 127, 145, 147, 153, 157, 158, 163.
- ⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 года... С. 26.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 23, 28; *Стетун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995. С. 285.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 585.
- ¹¹ Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1851. Л. 187–188.
- ¹² Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 107.
- ¹³ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 160, 174, 176.
- ¹⁴ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. С. 206–208. Всего Н.Н. Головин насчитывает на ноябрь 1917 г. свыше двух млн легальных и скрытых дезертиров. Однако эти данные не подтверждаются приведенным материалом.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. Л. 53–53 об.; Д. 330. Л. 21 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 790. Л. 5, 143.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 145–145 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 58.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 288. Л. 817.
- ²⁰ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 27 об.
- ²¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 58.
- ²² Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 1377–1378; Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 36–36 об.
- ²³ Там же. Д. 300. Л. 182.
- ²⁴ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3037. Л. 355–358 об., 359–366 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 77, 98–98 об.
- ²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1760. Л. 10, 12; Оп. 2. Д. 822. Л. 76–77.
- ²⁷ Там же. Ф. 2033. Оп. 1. Д. 231. Л. 189.
- ²⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 60.
- ²⁹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Составлен Отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 281; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 57.
- ³⁰ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 288; РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41: Приказ по армии и флоту № 5 от 5 мая 1917 г.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 91.
- ³² Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 273. Л. 13, 16, 20, 35.
- ³³ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁴ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁷ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 4–5, 8–9, 25–31, 36–36 об., 45, 48, 78–78 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 23. Л. 55–56.

- ³⁹ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 64–66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 95–95об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 134–134об.
- ⁴² Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 23. Л. 22–23.
- ⁴³ Там же. Л. 62об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 14–14об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 172, 175.
- ⁴⁶ Там же. Л. 154–157об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 140–142, 147, 149.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 107–109.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 176.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 33. Л. 355.
- ⁵¹ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 148–148 об.
- ⁵² Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 172–184, 173.
- ⁵³ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 45–165.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 177
- ⁵⁵ Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1851. Л. 24–27, 29–33, 222–240, 244–250об.; Д. 1851. Л. 251–276, 277–290об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 75–143; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 195. Л. 411–728; Д. 304. Л. 975–1455.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 352. Л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Л. 9, 16, 25, 29
- ⁵⁹ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 141.

Е.А. Долгова

«Научная работа в эпоху революции»:
Московский психологический институт
в 1914–1923 гг.

В статье анализируется записка философа, психолога, организатора психологической науки Г.И. Челпанова «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой», выявленная в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки; устанавливается факт русско-американской научной переписки Г.И. Челпанова с профессором Корнелльского университета Э.Б. Титченером; восстанавливаются исторические обстоятельства создания документа.

Ключевые слова: история науки, Г.И. Челпанов, Э.Б. Титченер, Психологический институт им. Л.Г. Щукиной, Корнелльский университет, Принстонский университет, «Ено Hall», лаборатории, эксперимент, рефлексология, реактология, субъективный метод.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ) был обнаружен любопытный документ под названием «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой»¹. Автор его – психолог и философ Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) – известен как организатор научно-исследовательской работы, особенно в области экспериментальной психологии. Его главной заслугой является создание крупного экспериментально-психологического центра – Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете (был открыт в 1914 г.). Документ представляет собой черновой недатированный автограф и содержит краткое описание работы институции с 1914 по 1923 г.

© Долгова Е.А., 2017

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-78-10202, «Российская социогуманитарная наука новейшего времени как мобилизационный проект: институциональное, наукометрическое и социальное измерение».

Ссылка в тексте документа на «последний» июльский номер «American Journal of Psychology» за 1924 г. с пометой «Вы выражаете желание узнать о судьбе московского Психологического института со времени Мировой войны, когда у нас прервалась связь с Америкой» позволила предположить, что обнаруженный документ является черновиком письма Г.И. Челпанова на русском языке одному из его американских коллег. Просмотр указанного номера журнала, действительно, выявил наличие заметки под названием «The new Princeton Laboratory», в которой автор, под псевдонимом «Е. В. Т.» описывающий основание в Принстонском университете новой психологической лаборатории, упоминал московский Психологический институт и выражал желание узнать, в каком состоянии он находится сейчас². Имя работающего под псевдонимом автора журнальной заметки и адресата письма Г.И. Челпанова оказалось легко установимо: им был известный американский психолог-эксперименталист, профессор Корнелльского университета, давний знакомый Г.И. Челпанова Эдвард Бредфорд Титченер (1867–1927).

В описи бумаг Э.Б. Титченера в Корнелльском университете было обнаружено указание на наличие двух писем Г.И. Челпанова: одно датировано 16 октября 1910 г., второе – 25 октября 1924 г.³ На мой взгляд, в основу последнего письма и был положен документ на русском языке «О судьбе московского Психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой». И в фонде Г.И. Челпанова в НИОР РГБ было обнаружено ответное письмо Э.Б. Титченера⁴. Таким образом, факт научных контактов можно считать установленным. Обратимся к историческим обстоятельствам.

В каком контексте упоминался Э.Б. Титченером Московский психологический институт? Описывая проект новой лаборатории Принстонского университета «Ено Hall» (названной по имени главного ее мецената mr. H.L. Eno), Титченер отмечал ее исключительное материальное оснащение: «Здание в готическом стиле, 28 футов в длину и 36 – в ширину, с двумя эркерами на обеих сторонах, будет состоять из 38 комнат, не считая туалетов, гардеробных и складских помещений: предусмотрены две лекционные комнаты, библиотека и комната для семинарских занятий, пять лабораторий для студентов, семь кабинетов для ведения исследований дипломированными специалистами, шесть кабинетов для преподавателей, три – для редакции, большой зал, три темные комнаты, звукоизолированные комнаты, три комнаты для изучения животных, механическая мастерская, комната для механика, три комнаты для оборудования и главное складское помещение. Лаборатории для студентов, кабинеты и преподавательские

комнаты должны быть одинаковыми по величине и образцу, поэтому они могут использоваться как взаимозаменяемые»⁵ (здесь и далее перевод с английского мой. – Е. Д.). Ученый подчеркивал, что основанная лаборатория «Епо Hall» – первое (на американском континенте) и второе (в мире) специально спроектированное здание для нужд научной психологии. Руководствуясь принципами научной этики, Э.Б. Титченер отмечал, что первенство в этом отношении принадлежало не американским ученым, а русскому профессору Г.И. Челпанову, сумевшему добиться реализации подобного проекта ранее («первая независимая лаборатория была построена в Москве примерно 15 лет назад профессором Г. Челпановым»). Для американского психолога оказалось важным подчеркнуть заслугу русского коллеги и задать вопрос, как живет московский институт сейчас, ведь на письма его Г.И. Челпанов не отвечал («письма, адресованные профессору Челпанову, остались без ответа»)⁶.

Институт, о котором упоминал Э.Б. Титченер, был основан Г.И. Челпановым в 1910 г. при историко-филологическом факультете Московского университета на базе психологического семинария, действовавшего с 1907 г. при кафедре философии. Практическая направленность работ семинария (он был ориентирован на научные экспериментальные исследования в противовес обсуждению теоретических вопросов) и необыкновенно яркий педагогический талант Г.И. Челпанова⁷ привели к тому, что в 1909 г. число его участников превысило 40 человек. Популярность его привлекла внимание и меценатов – в 1910 г. владелец художественной галереи, член Московского психологического общества С.И. Щукин перечислил Московскому университету 100 тыс. рублей для устройства специального института психологии (с просьбой, чтобы ему было присвоено имя его покойной жены, знаменитой московской красавицы Л.Г. Щукиной)⁸.

Составляя проект устройства института, Г.И. Челпанов взял за основу организацию работы психологической лаборатории Вильгельма Вундта в Лейпцигском университете, а также изучил систему работы психологических исследований при Гарвардском, Стэнфордском и Корнелльском университетах. Летом 1910 г. Г.И. Челпанов посетил ведущие психологические лаборатории немецких университетов (Штумпфа (Берлин), Кюльпе (Бонн), Марбе (Вюрцбург)), лично беседовал с В. Вундтом. А в 1911 г. объездил психологические институты Америки (Нью-Йорк, Чикаго, Гарвард, Бостон и др.), особенно ценным он как раз посчитал ознакомление с работой лаборатории Э.Б. Титченера в Корнелльском университете⁹.

В январе 1911 г. началось строительство здания Института, в ноябре того же года оно было закончено и началось его оборудование. Как и писал Э.Б. Титченер, здание Московского психологического института стало первым в мире, построенным по специальному плану: все европейские и американские институты переделывались и приспособлялись из старых помещений. По величине здания и по количеству комнат (их было 59) это учреждение было самым большим. Первый этаж предназначался (помимо административных помещений) для чтения общих курсов психологии и заседания Московского психологического общества (большая аудитория на 300 человек), а также для библиотеки с читальным залом и комнаты для семинарских занятий. Второй этаж планировался исключительно для практических занятий. Помимо малой аудитории, где имелись приспособления для практических занятий, допускающих возможность работы многих специалистов (до 18 одновременно), имелось 10 небольших специально оборудованных лабораторий. Третий этаж предназначался для научных исследований по экспериментальной психологии. Здесь были оборудованы комнаты для акустических исследований (в частности, комната с двойными стенами, внутри переложенными пробковым слоем), для оптических исследований, фотографическая комната. В полуподвальном помещении расположились столярная и механическая мастерские. Для проведения научных исследований и практических занятий имелось свыше 150 специальных приборов.

Хотя уже в 1913 г. в письме к философу Г.Г. Шпету Г.И. Челпанов писал: «Институт наш функционирует вовсю. Третий этаж заполнен: разрабатывается 17 тем. Второй этаж, practi[cum] функционирует очень хорошо. К сожалению, аудитория, наша auditorium maximum, оказывается мала. Но уже теперь неисправимо»¹⁰, официальное торжественное открытие Психологического института состоялось лишь 23 марта 1914 г. (по желанию С.И. Щукина оно было приурочено ко дню св. Лидии – дню ангела его покойной жены). Многие ораторы подчеркивали мировое значение открытия института и выражали пожелание, чтобы он сделался центром, объединяющим русских психологов. Так, сохранилось письмо физиолога, лауреата Нобелевской премии по медицине И.П. Павлова к Г.И. Челпанову от 24 марта 1914 г., в котором он писал: «Что нам русским надо – сейчас в особенности – это пропаганда научных стремлений, обильные научные средства и страстная научная работа... После славных побед науки над мертвым миром пришел черед разработки и живого мира, а в нем и венца земной природы – деятельности мозга. Задача на этом последнем пункте так невыразимо велика и сложна, что... все работники мысли, с какой бы

стороны они ни подходили к предмету, все увидят нечто на свою долю, и доли всех рано или поздно сложатся в разрешении величайшей задачи человеческой мысли. Вот почему я, исключаящий в своей лабораторной работе над мозгом малейшее упоминание о субъективных состояниях, от души приветствую Ваш Психологический институт и Вас как его творца и руководителя и горячо желаю Вам полного успеха»¹¹. Важно отметить, что И.П. Павлов стоял на совершенно иных, нежели Г.И. Челпанов, исследовательских позициях: его работы поддерживали подход объективной психологии и были близки к бихевиоризму Д. Уотсона.

Предметом экспериментальной работы в Психологическом институте с первых дней его функционирования были память (сотрудник Н.А. Рыбников, соотношение механического и логического запоминания), мышление (В.Е. Смирнов, особенности процесса абстракции), эмоции (А.А. Каэлас, природа и выражение эмоций), внимание (Н.Ф. Добрынин, колебание внимания), роль упражнений в совершенствовании психических процессов (Н.П. Ферстер), особенности волевых процессов (П.А. Шеварев, феноменологические ступени волевого акта) и др. Интенсивно исследовался процесс ощущений (Г.И. Челпанов разрабатывал психофизические методы для исследования глазомера, С.В. Кравков изучал взаимодействие ощущений), реакции (К.Н. Корнилов). Всего к 1917 г. в Институте разрабатывалось 24 темы. На семинарах по теоретической психологии были обсуждены 20 сообщений, по экспериментальной – 12¹². Результаты исследований публиковались на страницах собственного печатного издания «Труды Психологического института имени Щукиной при Московском университете» (первый том которого Г.И. Челпанов в 1914 г. отправил Э.Б. Титченеру¹³). Кроме того, публикации результатов исследований сотрудников института находили место на страницах философских, психиатрических, педагогических и некоторых других журналов¹⁴.

Институт, безусловно, был первым в России и одним из наиболее крупных в масштабах мировой науки психологических «учебно-учебных» учреждений и не мог не привлекать внимания научного сообщества. Именно поэтому Э.Б. Титченер упомянул о нем в своей заметке в «*American Journal of Psychology*», одновременно известив Г.И. Челпанова о посланных ему письмах, на которые не получил ответа. Легко представить чувства Г.И. Челпанова, обнаружившего в 1924 г. в авторитетном издании адресованную ему заметку американского коллеги. Наверное, как минимум он нашел в ней подтверждение того, что работа руководимой им институции в предшествующий период, в трудную «эпоху революции», была интересна его коллегам-психологам вне зависимости от разделявших их

национальных и государственных границ. Чувство ответственности за судьбу руководимого им института, вероятно, и стало причиной написания и, как мне кажется, отправки Э.Б. Титченеру заметки о его работе «с начала Мировой войны и прекращения связи с Америкой», несмотря на то что директором института с 1923 г. Г.И. Челпанов уже не являлся.

Как писал Г.И. Челпанов, с 1914 по 1917 г. занятия в институте шли «почти нормально», был проведен ряд исследований. Для их публикации в 1917 г. был основан журнал «Психологическое обозрение», но в 1917 и 1918 гг. удалось выпустить всего три книги этого издания. После этого (вследствие «бумажного голода». — *Е. Д.*) институт не мог публиковать свои исследования, за исключением очень немногих работ, которые вышли в форме брошюр, а частью были напечатаны в немецких журналах¹⁵. В 1918 г. советское правительство выделило 100 тыс. рублей на расширение механической мастерской¹⁶. Приобретение приборов на эту сумму довело мастерскую до «исключительно высокой степени совершенства». 1918 и 1919 годы были весьма неблагоприятными для научных занятий «вследствие совершенного отсутствия отопления». В 1920 г. в составе института было открыто отделение прикладной психологии и психологии труда — «количества сотрудников и помещений оказалось вполне достаточно для осуществления этой задачи»¹⁷. В 1922 г., «несмотря на прошлые технические трудности», была закончена конструкция универсального психологического прибора, «могущего представить большой интерес также и для американских психологов-педагогов». В 1922 г. правительство провело первую большую реформу Психологического института: он был превращен в специальный Исследовательский институт, который объединил все психологические учреждения Москвы¹⁸. В 1923 г., по словам Г.И. Челпанова, «по случаю совершенного переустройства государственного строя в России и науки, и в их числе психология, должны были преобразоваться согласно принципам философии марксизма. Правительство признало, что материализму Маркса соответствует только объективная психология (рефлексология Бехтерева, учение об условных рефлексах Павлова, бихевиоризм Уотсона). Вследствие этого прежний персонал Института, состоящий из психологов-интроспективистов, уступил свое место психологам-объективистам»¹⁹.

Присущее Г.И. Челпанову чувство внутреннего достоинства и, вероятно, боязнь возможной перлюстрации не позволили ученому жаловаться американскому коллеге на трудности быта эпохи Революции и Военного коммунизма. Мы не находим в его заметке указаний ни на голод, ни на инфляцию, ни на перебои с транс-

портом, ни на необеспеченность одеждой, ни на недостаточность пайков ЦеКУБУ и ожидание «гуверовских посылок», которыми пестрят дневники тех лет²⁰, – как помеха научной работе упоминаются лишь трудности с «отоплением». Нет сообщения об отмене ученых степеней и званий, появлении на университетской скамье студентов-«рабфаковцев», закрытии историко-филологического факультета Московского университета и переводе Психологического института в структуру общественно-педагогического отделения Факультета общественных наук (ФОН). Нет и личной трагедии Г.И. Челпанова – ареста отца и расстрела старшего брата по обвинению в контрреволюционной деятельности в 1920 г. Письмо содержит лишь краткий отчет о проделанной работе и обещание в одном из ближайших писем прислать чертеж психологического прибора, «могущего представить большой интерес также и для американских психологов-педагогов»²¹. Однако, обратившись к отчетам 1-го МГУ за 1917–1919 гг., можно судить, что в годы революции и Гражданской войны деятельность Психологического института сократилась. Так, в 1919 г. в лабораториях экспериментальной психологии исследовались лишь семь тем, в семинаре по теоретической психологии участвовали всего восемь человек, в практикуме по экспериментальной психологии было только 12 участников²².

В первые годы после революции содержание и направление работы института носили тот же характер, что и в предреволюционные годы. До конца 1920 г. действовали старые учебные планы и программы²³. Хотя, безусловно, Г.И. Челпанов отделял исследуемую им философскую проблематику от строго научного, экспериментального метода института, нельзя не отметить темы прочитанных им в эти годы публичных и, что важнее, учебных лекций в стенах института. Так, в 1919 г. Г.И. Челпановым были предложены темы «Природа души», «О тождестве Я», «О сознании», «Взаимодействие души и тела», «О персональных чувствах», «О методах или источниках психологии»²⁴, в 1920 г. – «Этика, ее задачи и особенности»²⁵, в 1921 г. – «Высшие эстетические чувства», «Развитие симпатии», «О природе социальных чувств», «Понятие альтруизма и эгоизма»²⁶. Конечно, эти лекции читались с субъективистских позиций, с точки зрения безусловного признания роли души в психологии. Популярность же и особую актуальность в это время приобрели близкие бихевиоризму механистические и, важно подчеркнуть, материалистические учения – рефлексология В.М. Бехтерева и учение об условных рефлексах И.П. Павлова. Они настаивали на «прикладной пользе» философии, предлагали конкретный ответ на технологический «запрос» на практикоориентированный характер научных исследований, поставленный перед русским обществом,

пережившим Первую мировую войну, революцию и гражданское противостояние²⁷. Важно отметить, что конфликт научных течений не выходил за рамки научной дискуссии: выше цитировался приветственный адрес И.П. Павлова Г.И. Челпанову на открытие Психологического института; в НИОР РГБ было обнаружено письмо, в котором Г.И. Челпанов в качестве эксперта поддержал проект В.М. Бехтерева: «...рассмотрев план академика В.М. Бехтерева об устройстве Института по изучению мозга и психической деятельности, нахожу, что учреждение подобного Института у нас в России заслуживает всяческого поощрения, так как Институт мозга может иметь огромное научное значение и практическое значение. Можно надеяться, что в руках такого всемирно известного исследователя, как профессор академик Бехтерев, деятельность Института будет вполне успешна. Смета, представляемая профессором Бехтеревым, является весьма умеренной»²⁸.

Перелом в работе института Г.И. Челпанова начался только в 1920–1921 гг. – кроме вопросов общей психологии, он стал разрабатывать, например, приобретающую особую актуальность психологию труда (это нашло отражение и в тематике читаемых им лекций: в 1920 г. – «Ближайшие задачи психологии труда»²⁹, в 1921 г. – «О мотивах труда», «Проблема мотивов труда как основа социальной педагогики»³⁰), внимание привлекла и проблема экспериментально-педагогических методов. Однако некоторое изменение вектора исследований не означало принятия Г.И. Челпановым материалистической, объективистской трактовки психологии. По воспоминаниям философа Г.О. Гордона, «Георгий Иванович Челпанов делал судорожные попытки удерживать за собой институт. Он выпускал брошюры, в которых доказывал, что марксизм – это спинозизм, что ему делать в обычной и экспериментальной психологии совершенно нечего, а задача его – занятия социальной психологией, и великодушно предлагал открыть в своем Психологическом институте... отделение социальной психологии, куда и пустить парочку-другую ручных марксистов, а все остальное оставить под его эгидой, сохранив в неприкосновенности основное направление и сложившиеся уже традиции института. Дело было безнадежное, но он пытался бороться до конца»³¹. Однако 15 ноября 1923 г. Г.И. Челпанова на посту директора института сменил К.Н. Корнилов, его бывший ученик, предложивший в качестве материалистической основы работы института учение «реактологии»³². При этом из института оказались уволены или покинули его вслед за Г.И. Челпановым многие его старые сотрудники. Институт был переименован в Государственный институт экспериментальной психологии

Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

Как писал Г.И. Челпанов, «теперь нам приходится уходить, не выполнив и четверти того, что мы надеялись выполнить. Мы стойко вынесли и бедствия войны, и все невзгоды бурного периода революции. Мало того, мы даже немножко выросли в это необыкновенно тяжелое для науки время. И вот теперь в эпоху мирного строительства революции мы должны уходить и прерывать незаконченную работу! С этим, конечно, трудно смириться. Когда тяжелая колесница революции в своем порывистом шествии давит и виновных и ни в чем не повинных, мы готовы с этим мириться. В этом мы видим что-то непреодолимое! Но когда в мирное время разрушается с таким трудом созданное культурное дело, да и разрушается без всякой надобности, то мы с этим никак примириться не в состоянии»³³. Потеря созданного им института обернулась и другой, личной для исследователя, утратой. В 1917 г. на страницах учрежденного им журнала «Психологическое обозрение» Г.И. Челпанов, словно предчувствуя, писал: «Психолог должен иметь дело с двумя лабораториями. Одну из них он носит всегда с собой, другую он не может понести с собой, но в ней он обязательно должен провести часть своей жизни»³⁴. Именно возможности работы во второй, созданной благодаря его усилиям, лаборатории ученый оказался лишен. В 1926 г. он подал прошение о зачислении в Государственный институт экспериментальной психологии в качестве хотя бы штатного или сверхштатного сотрудника для того, чтобы пользоваться оборудованием, однако получил отказ³⁵. Не встретил поддержки и предложенный им проект организации Института социальной психологии в 1926 г.³⁶

Г.И. Челпанов прожил до 1936 г., по воспоминаниям Г.О. Гордона, «он сильно одряхлел, как говорили, и болел: вынужденное безделье и постоянное огорчение из-за потери деятельности, которую он так любил, подкосили его»³⁷. А в 1927 г. умер его собеседник Э.Б. Титченер – в отправленной в ответ на его заметку в «*American Journal of Psychology*» записке Г.И. Челпанова «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой» 1924 г. ни слова не было сказано о том, что на момент написания ее автор уже не являлся его директором.

Процедура исследовательского поиска непредсказуема. Порой, обнаруживая в архивной описи документ с пометкой «без даты» и вписывая его шифр в листок читательского требования, не представляешь, какие ниточки потянет за собой обнаруженное свидетельство. Так, случайно выявленный в фонде Г.И. Челпанова в НИОР

РГБ документ заставил обратиться к издательскому портфелю «The American Journal of Psychology», затем – к бумагам американского психолога-эксперименталиста Эдварда Б. Титченера в коллекции Корнелльского университета и, наконец, вернул назад, в НИОР РГБ, позволив установить факт и интересные исторические обстоятельства русско-американской научной переписки в 1924 г.

Примечания

- ¹ НИОР РГБ. Ф. 326: Г.И. Челпанов. К. 37. Д. 93.
- ² The new Princeton Laboratory / E.B.T. [Edward Bradford Titchener] // The American Journal of Psychology. Vol. 35, no. 3. (Jul., 1924). P. 465.
- ³ Division of Rare and Manuscript Collections Cornell University Library. [Электронный ресурс] URL: <http://rmc.library.cornell.edu/EAD/htmldocs/RMA00545.html> (дата обращения 22.04.2017).
- ⁴ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 38. Д. 64.
- ⁵ The new Princeton Laboratory... P. 465. Факультет психологии Принстонского университета будет занимать здание «Eno Hall» вплоть до 1963 г. (Leitch A. Eno Hall [Электронный ресурс] // URL: http://almagest.princeton.edu/CampusWWW/Companion/eno_hall.html [дата обращения 22.04.2017]).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ракитина О.В. Г.И. Челпанов, И.П. Павлов и В.М. Бехтерев как научные руководители: сравнительный анализ // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 6. С. 278–279.
- ⁸ Здесь и далее описание института см.: Челпанов Г.И. Психологический институт имени Л.Г. Щукиной при императорском Московском университете: история, описание устройства и организации занятий. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1914.
- ⁹ См.: Программа лекции «Об американских университетах и чему учит нас пример Америки» [1912] // НИОР РГБ. Ф. 236. К. 37. Д. 87.
- ¹⁰ Чубаров И. Предисловие к публикации писем Г.И. Челпанова, Л.И. Шестова, Б.В. Яковенко, Р.О. Якобсона и других к Г.Г. Шпету // Логос. 1992. № 3. С. 243–263.
- ¹¹ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 35. Д. 71. Л. 1.
- ¹² Никольская А.А. Институт психологии в составе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1982. № 3. С. 71.
- ¹³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 2об.
- ¹⁴ См., например, роспись статей в приложении: Сидорчук И.В., Долгова Е.А. Из истории одной инициативы: к 110-летию издания «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» // Вопр. психологии. 2014. № 5. С. 128–137.
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 2об.
- ¹⁶ Сохранились счета: НИОР РГБ. Ф. 326. К. 35. Д. 147.

¹⁷ Там же.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 1об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Так, в своих воспоминаниях Ю.П. Анненков описывает следующий случай: «На встрече в доме искусств Г. Уэллсу, посетившему Петроград осенью 1920 года, пришлось выслушать выступление писателя А.В. Амфитеатрова: “Вы не можете подумать, что многие из нас, и, может быть, более достойные, не пришли сюда позвать вашу руку за неимением приличного пиджака и что ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть перед вами свой жилет, так как под ним нет ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, бельем”...» (см.: *Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: В 2 т. Т. 1. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 31. Подобные описания см.: Гиппиус З.Н. Петербургские дневники: 1914–1919. Нью-Йорк: Орфей, 1982; Чуковский К.И. Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: ПРОЗАиК, 2011; Одоевцева И.В. На берегах Невы: [Воспоминания]. М.: Худож. лит., 1988).*

²¹ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 1об.

²² Цит. по: *Никольская А.А.* Указ. соч. С. 71.

²³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 39. Д. 33.

²⁴ Там же. К. 41. Д. 2, 10, 19, 33, 39, 48, 49, 69, 73.

²⁵ Там же. Д. 8.

²⁶ Там же. Д. 17, 24, 48, 54.

²⁷ Подробнее о работе одной из таких лабораторий и проводимых в ней исследованиях П.А. Сорокина (изучение голода, рефлексологии профессиональных групп) в 1919–1922 гг. см.: *Долгова Е.А.* Изучение социальной проблематики в Лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева // Журн. социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3 (86). С. 25–31.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 236. К. 37. Д. 21. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 15. Л. 3.

³⁰ Там же. К. 33. Д. 7, 9.

³¹ *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // *Вопр. психологии.* 1995. № 1. С. 84–96.

³² Об этом см.: *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Вокруг Челпанова: новые документы о психологической дискуссии 1923–1924 гг. // *Арзамасские чтения-2: основные направления развития отечественной и зарубежной психологии: Материалы Всеросс. методолог. семинара. М.: АГПИ, 2011. С. 106–118; Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? // *Вопр. психологии.* 1996. № 1. С. 85–96;

³³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 60. Л. 1об.–3об.

³⁴ *Челпанов Г.И.* Об аналитическом методе в психологии // *Психолог. обозрение.* 1917. № 1. С. 3–17.

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 12.

³⁶ Там же. Л. 3об.

³⁷ *Гордон Г.О.* Указ. соч. С. 96.

Т.С. Молодчикова

Х. Васконселос и проблема индейского образования в послереволюционной Мексике

Статья посвящена анализу идей известного мексиканского философа, педагога, политического деятеля Хосе Васконселоса относительно проблемы индейского образования в Мексике в послереволюционные годы. Период следующий за Мексиканской революцией ознаменовался кардинальными политическими и социокультурными изменениями в стране, которые были необходимы для создания единой мексиканской нации. Идеологическая база образовательных и культурных проектов была разработана выдающимися мексиканскими философами и педагогами, среди которых особое место занимает Хосе Васконселос.

Ключевые слова: Мексика, Хосе Васконселос, индейская интеграция, индихенизм, образование, социокультурные изменения.

Возникшая в последние годы дискуссия относительно реформы Министерства культуры Мексики, инициированная президентом Энрике Пенья Ньето в 2015 г. и предполагающая создание Секретарии по делам культуры взамен Секретарии народного образования, основанной в 1921 г. по инициативе Хосе Васконселоса, заставляет исследователей лишний раз обратиться к истории развития системы образования в Мексике и ее исторической связи с общекультурным контекстом.

Хорошо известно, что любая социально-политическая революция в любой стране и в любую эпоху подрывает основы не только политического строя, но неизбежно влечет за собой «культурную революцию», которая охватывает практически все области функционирования общества: идеологию, культуру и, конечно, образование. И, как правило, образовательные реформы исторически следуют путем расширения сферы образования, что с особенной убедительностью доказывает деятельность Хосе Васконселоса.

© Молодчикова Т.С., 2017

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-300045).

Мексиканская революция 1910–1917 гг. придала импульс многочисленным политическим, экономическим и социокультурным изменениям в стране. Одной из самых важных задач нового правительства было создание единой мексиканской нации, которое немыслимо без включения в общекультурный контекст индейского населения страны. Известный представитель движения индигенизма Гонсало Агирре Белтран полагал, что самым важным инструментом социальных преобразований является образование: «Образование – это не просто процесс передачи культурного наследия от одного поколения другому, но также беспрестанная сила, обеспечивающая изменения и обновление»¹.

Одним из первых шагов навстречу конструированию новой социополитической реальности были создание в 1921 г. Секретарии народного образования (*Secretaría de Educación Pública* или SEP) и появление в 1923 г. проекта под названием «культурные миссии». Главной задачей «культурных миссий» стала подготовка сельских учителей, которые потом должны были распространять знания (испанский язык, основы гигиены, ведение сельского хозяйства) среди представителей своей общины.

Идеологическая и интеллектуальная база проекта «культурных миссий» была разработана различными мексиканскими философами, педагогами и просветителями той эпохи; одним из самых ярких представителей этого поколения был Хосе Васконселос.

Хосе Васконселос родился в Оахаке в 1882 г. Еще в подготовительной школе будущий мексиканский философ увлекался изучением работ Платона, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Канта, Ф. Гегеля и многих других известных мыслителей. Свое образование Хосе Васконселос продолжил в Национальной школе юриспруденции, где получил специальность адвоката.

Однако Хосе Васконселос приобрел всемирную известность далеко не благодаря своим успехам на адвокатском поприще. Он стоял у истоков формирования мексиканской философии, предложил оригинальную идею «космической расы»² (*la raza cósmica*), а также прославился своими идеями культурных преобразований и образовательными проектами.

Необходимо отметить, что Хосе Васконселос занимал многие политические и административные должности, связанные с системой образования в Мексике: Первый секретарь народного образования, ректор Национального университета Мексики, а также выступал с лекциями во многих университетах мира.

Для Васконселоса как философа было необходимо создать и утвердить национальную мексиканскую философию, которая была бы не простым подражанием западноевропейским и североамери-

канским идеям, но смогла бы охватить всю тотальность мексиканской культуры и предложить новые формы мышления³.

Некоторые исследователи называют Хосе Васконселоса «апостолом образования»⁴. Действительно, для мексиканского мыслителя образование было не чем иным, как практическим применением философии. Таким образом зародилась идея о том, что всеобщее образование должно стать главной задачей государства. Позиция Хосе Васконселоса относительно «индейской проблемы» основывалась на идее интеграции коренного населения в национальное цивилизационное пространство, популяризации среди индейского населения рационального, практического мышления для того, чтобы положить конец религиозному фанатизму и пагубным привычкам и распространить нормы бытовой и личной гигиены⁵. Необходимо отметить значимость проблемы образования в Мексике в первые послереволюционные годы: три четверти населения (порядка 15 000 000 жителей страны) не имели доступа к государственной системе образования⁶. Ситуация усугублялась еще и тем, что в Мексике существовали многочисленные этносоциальные группы (группы индейского населения), пространственно и культурно разделенные между собой и остальной частью страны.

Итак, тотальная ликвидация неграмотности и просвещение индейского населения стали двумя первоочередными задачами Секретарии народного образования Мексики в 20-е годы XX в. Для реализации этих задач были созданы специальные департаменты: Департамент по делам индейского образования и Департамент по борьбе с неграмотностью. В своей работе «Катастрофа» Хосе Васконселос сформулировал основную цель работы Департамента по делам индейского образования следующим образом:

Я настаиваю, что для Департамента по делам индейского образования не существует никакой иной цели, как подготовить индейцев к поступлению в обычную школу, дав им прежде основные знания испанского языка. Для меня является неприемлемой североамериканская и протестантская практика выделения проблемы индейского образования в сферу, отдельную от основной части населения⁷.

Хосе Васконселос выступал с резкой критикой политики США по отношению к коренному населению, прежде всего осуждал создание индейских резерваций. Для мексиканского философа единственно возможной формой образования являлась постепенная интеграция коренного населения во все сферы жизни общества с целью создания единой мексиканской нации. Все эти идеи касательно образования вытекали из собственной философии Хосе

Васконселоса, представленной в его многочисленных произведениях, в частности в «Космической расе» (1925).

В «Космической расе» автор детально изучает проблему нации и национальности на ибероамериканском континенте. Согласно Васконселосу, главная миссия латиноамериканских народов состоит в том, чтобы создать «пятую расу», которая представляет собой синтетическую, интегральную расу, состоящую из крови и генов всех народов⁸. Речь идет о смешении четырех рас – белой, черной, индейской и монгольской, – которые сформируют новую, ибероамериканскую расу: «Смесь рас, появившаяся согласно закону социального удобства и красоты, приведет к формированию нового типа человека, бесконечно превосходящего всех, ранее существовавших»⁹.

Поэтому все стремления Хосе Васконселоса как философа, политика и педагога были направлены на создание единой национальной культуры, и главным механизмом объединения различных этнических групп являлось создание интегрированной системы образования.

Вопрос непосредственно индейского образования был разработан Хосе Васконселосом в книге «Индология», впервые изданной в 1926 г. По мнению автора, образование на американском континенте как некая организованная система появилось благодаря усилиям католических миссионеров¹⁰. Очевидно, что слово «миссия» применительно к «культурным миссиям» первой половины XX в. было выбрано не случайно. Сам Хосе Васконселос полагал, что работа католических миссий XVI в. должна стать примером для всех современных педагогов:

Они приехали не для того, чтобы обучать чтению или письму, и не для того, чтобы распространять испанский язык или католическую веру. Деятельность этих искусных учителей охватывало всё вышеназванное и даже больше; это была грандиозная социальная работа, значение которой сохраняется до сих пор¹¹.

Образование в предыдущие эпохи рассматривается как процесс вовлечения коренного населения в европейское цивилизационное пространство со всеми присущими ему атрибутами: язык, религия, искусство, методы ведения сельского хозяйства, технологии и т. д.

Однако в ходе этих размышлений Хосе Васконселос сталкивается с очень серьезной проблемой, связанной с этической стороной вопроса. Вне всякого сомнения, идеологической основой просветительской работы католических миссионеров в XVI в. было представление о превосходстве европейской культуры над местной.

В этом смысле любые проявления индейской культуры были под запретом (хотя, безусловно, никогда не переставали существовать). Хосе Васконселос относительно этической стороны работы миссионеров высказывался вполне определенно: мы не можем обвинять проповедников в разрушении индейской культуры; даже если многое было уничтожено под влиянием простого религиозного фанатизма, то, что осталось, сохранилось только благодаря работе миссионеров. В словах мексиканского философа действительно много правды, вспомнить хотя бы таких миссионеров-исследователей, как фрай Диего де Ланда, написавший фундаментальную работу о майя Юкатана¹², во многом благодаря которой стала возможна дешифровка письма майя, или Бернардино де Саагуна – первый антрополог Нового Света, который описал политику, обычаи, искусство и язык ацтеков¹³.

При этом, следуя традиции католических миссионеров XVI в., сам Хосе Васконселос в XX столетии все еще не признавал равенства европейской и индейской культур:

К сожалению, на наших землях не существовало никаких элементов, которые могли бы соперничать и тем более превосходить христианскую цивилизацию. Ни на что не годная техника и наивность наших индейских мифов не вызывали у завоевателей даже простого любопытства¹⁴.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что философия Хосе Васконселоса, согласно которой предполагалась метисация Мексики как единственный способ создания «космической расы» и модернизации страны, стала идеологической базой политики мексиканского правительства в послереволюционные годы. Именно концепция интеграции индейского населения, что характерно для Мексики, в общеобразовательный процесс явилась символом завершения социально-политической трансформации. Идея всеобщего образования приобрела характер национального проекта и превратилась, по мнению ряда исследователей, в настоящий «образовательный крестовый поход»¹⁵, что полностью соответствовало духу революционных преобразований.

-
- ¹ *Aguirre Beltrán G.* Teoría y práctica de la educación indígena // Revista Mexicana de Sociología. 2004. Vol. 16. № 2. P. 225.
 - ² *Vasconcelos J.* La Raza Cósmica. Misión de la raza iberoamericana. Notas de viajes a la América del Sur. Barcelona: Agencia Mundial de Librería, 1926.
 - ³ *López J.* José Vasconcelos y la educación mexicana // Historia de la Educación Latinoamericana. 2005. Vol. 7. P. 142.
 - ⁴ *Lazarín Miranda F.* José Vasconcelos. Apóstol de la educación // Casa del Tiempo. 2009. Vol. 3. № 4. P. 11.
 - ⁵ *Vaughan M.K.* La política cultural en la revolución. Maestros, campesinos y escuelas, 1920–1940. México: Secretaría de Educación Pública y Fondo de Cultura Económica, 2000. P. 51.
 - ⁶ *Gamboa Herrera J.I.* Los primeros pasos de las Misiones Culturales y sus huellas en la educación rural de San Luis Potosí, 1923–1932: TESIS. Que para obtener el grado de Maestro en Historia. San Luis Potosí, 2009. P. 40.
 - ⁷ *Vasconcelos J.* El desastre. México: Trillas, 1998. P. 62.
 - ⁸ *López J.* Op. cit. P. 156.
 - ⁹ *Vasconcelos J.* La Raza Cósmica... P. 30.
 - ¹⁰ *Vasconcelos J.* Antología de textos sobre educación. México: Secretaría de Educación Pública. Fondo de Cultura Económica, 1981. P. 148.
 - ¹¹ *Ibid.* P. 149.
 - ¹² *Ланда Д. де.* Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.
 - ¹³ *Sahagún B. de.* Historia General de las cosas de la Nueva España. México: Editorial Porrúa, 1999.
 - ¹⁴ *Vasconcelos J.* Antología de textos sobre educación... P. 152.
 - ¹⁵ *Meneses Morales E.* Tendencias educativas oficiales en México, 1911–1934: la problemática de la educación mexicana durante la revolución y los primeros lustros de la época posrevolucionaria. México: Centro de Estudios Educativos, Universidad Iberoamericana, 1986. P. 311.

Культурные парадигмы практик революции и эволюции: востоковедческий аспект

Н.А. Филин

Воплощение образа иранской Исламской революции 1979 г. в современной политической жизни страны

Произошедшая в 1979 г. Исламская революция в Иране стала первой в XX в. успешной попыткой реализации построения государства на религиозных, а не светских принципах. За прошедшие годы страна успешно смогла сохранить свою идеологию, одним из элементов которой было создание нужного образа революции в массовом сознании. Серьезный научный интерес вызывает ответ на вопросы: что собой представляет процесс воплощения этого образа в политической жизни страны и каким образом осуществляется это воплощение?

Ключевые слова: Иран, ислам, шиизм, революция, Рухолла Хомейни.

11 февраля 1979 г. в Иране произошла Исламская революция, приведшая к падению шахского режима. К власти пришла религиозная элита, возглавляемая аятоллой Рухоллой Хомейни. Это событие предвзяло год активных массовых протестов, количество которых в насильственных и ненасильственных формах составляло более 1300 случаев¹. Произошедшее стало первым случаем в регионе Ближнего и Среднего Востока в XX в., когда изменение социально-политических приоритетов в отдельной стране произошло не на основании тенденций к секуляризации (начиная с Конституционной революции в Иране 1905–1911 гг., включая разнообразные попытки демократических и социалистических преобразований в арабских странах), а на религиозных принципах.

© Филин Н.А., 2017

Исследование выполнено при поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации (грант № МК-5496.2016.6).

Образование Исламской Республики Иран является переломным моментом в истории ближневосточного региона в частности и мира в целом. Это была первая успешная попытка в истории XX в. создания теократического государства, построенного на принципах ислама шиитской направленности. В дальнейшем ислам стал одной из важнейших идеологических систем, на основании которой осуществлялись многочисленные политические проекты. В этом плане иранский опыт является примером долгосрочного существования государства, жизнь которого основана на теократических началах. Более того, за последние 38 лет, несмотря на американские санкции, противоречивое отношение к стране в мире, внутренние проблемы, Иран смог сохранить внутреннюю политическую стабильность.

Одним из ее элементов является создание и поддержание положительного образа Исламской революции, что осуществляется различными инструментами политической пропаганды.

Наиболее последовательно идею идеализации революционных событий 1978–1979 гг. воплощали высшие руководители страны, начиная с Рухоллы Хомейни. На рис. 1 приводится одно из его высказываний, наглядно характеризующих создание сакрального образа Революции.

Бывший президент Ирана Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) называл победу Исламской революции под руководством аятоллы Хомейни величайшим чудом в современной истории. По его словам, «сегодня, вопреки пожеланиям врагов, Исламская революция в Иране крепка и стабильна и Иран уверенно идет по пути независимости и совершенствования, а корни Исламской революции настолько сильны и прочны, что мы не испытываем никакого беспокойства относительно ее будущего»².

Следующий за ним президент Мохаммад Хатами (1997–2005) заявлял, что иранцы привязаны к исламской революции и исламу и должны защищать свой политический строй всеми силами. «Мы революционеры, и неважно, как нас называют другие, – говорил он. – Если, не дай Бог, мы упустим исламскую республику, это станет огромным несчастьем, и мы должны знать, что не можем забыть эту революцию с ее величием, поскольку она наша историческая сущность»³.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) считал, что нет никакого беспокойства относительно будущего революции и страны. Исламская революция, по его мнению, есть продолжение движения божественных пророков и непрерывное историческое движение иранского народа для достижения высоких божественных и человеческих ценностей, т. е. установления единобожия,

*Рис. 1. Текст: Я революционер. «Эту великую Божью благодать (Исламскую революцию) не отдавайте легко [букв.: задешево]». Имам Хомейни
Фотография сделана в Тегеране 23 февраля 2016 г.*

свободы и справедливости. Революция есть результат бесподобного жертвования собой народа, пришедшего в движение под руководством одного божественного человека. Создавшее историю движение нации взяло истоки из глубины его души, его духовного преобразования и совершенствования. Революция есть движение историческое и создающее будущее. Революция принадлежит иранскому народу, а ее результат есть божья милость в сочетании со стремлением иранцев защитить ее результаты и готовностью принести себя в жертву ради ислама. По его словам, «сегодня иранская нация еще более сознательна, революционна и решительна, чем в 1979 г. Пока есть Бог, есть имам Времени и народ, великая Исламская революция продолжается. Революция никогда не потерпит поражения и не исчезнет»⁴.

По словам нынешнего президента Ирана Хасана Роухани, сегодняшние проблемы в стране являются теми же самыми, что и во время Исламской революции, – прогресс, духовность, справедливость и свобода. Также к ним добавляются вопрос национальной целостности и достижение полноты исламского и республиканского правления. «Тот путь, который был пройден за последние 38 лет, мы должны продолжить большими шагами, чтобы достичь

окончательных целей. Исламская революция – поворотная точка в истории нашей страны. Революция 1979 г. освободила Иран от зависимости перед США и иностранцами и вручила судьбу народа в распоряжение самого народа»⁵.

Верховный лидер страны Али Хаменеи по поводу Исламской революции высказался следующим образом: «Молодые люди, которые не поняли эпохи победы Революции и не видели годы до победы, знайте, что если бы не было Исламской революции и нашего великого имама, не было ислама на знаменах революции и не было перемен в этой стране, не было бы никакой надежды, что ад, устроенный США и диктатурой правления жестокого Пехлеви, прекратится»⁶.

Большая часть иранского экспертного сообщества поддерживает высказывания своих лидеров. Исходя из преобладающих в научной мысли страны воззрений, Исламская революция есть движение, которое одновременно с возникновением оказало влияние на народные массы с помощью научной, экономической, культурной и интеллектуальной элиты, а затем, установив связь между элитами и народом, смогла охватить и политическую элиту страны. Благодаря этому идея Исламской революции была представлена мировой общественности в качестве цивилизационного подхода, а не идеологического, что включало в себя новую интерпретацию ислама и шиитских идей⁷.

Считается, что Исламская революция имеет нематериальную особенность, уходящую корнями в революционные и исламские ценности, которые она сохранила в течение всей истории Исламской Республики Иран. Дискурс Исламской революции смог противостоять вызовам, которые создали страны Запада, в особенности США со своей системой либеральных ценностей⁸.

Многие иранские политологи полагают, что Исламскую революцию можно назвать величайшим событием в развитии шиитского ислама XX и XXI вв. Она способствовала становлению Ирана в качестве мирового шиитского геополитического центра, а также содействовала идейному и политическому росту и подъему шиитов в странах региона Ближнего и Среднего Востока, объединяя их с помощью идеологии сопротивления. Исламская революция, с одной стороны, обратила внимание мирового сообщества на шиизм, а с другой – укрепила веру в себя шиитского населения и способствовала их политической активности в различных мусульманских странах⁹.

Исламская Республика Иран в качестве источника распространения революции, основанной на религиозных и культурных учениях, отправила исламскому миру духовное и культурное

Рис. 2. Текст: *Разрушения, возникшие во Франции.* (На рисунке схематично изображено много убитых людей и схематично показана высылка: человек пинком выгоняет другого человека с чемоданом). Более полувека [после революции Франция] переживала волнения. В это время очень много людей было убито или выслано из страны. *Разрушения, возникшие в Алжире.* (На рисунке – машина для укладки асфальта и асфальтоукладчик за работой). Только через 19 лет улицы столицы начали асфальтировать. *Разрушения, возникшие в СССР.* (На рисунке – большая фигура человека с пистолетом, справа от него много убитых). Много людей было убито, и снова возник царский режим [против которого революционеры боролись]. Сталин был настоящим царем. *Разрушения, возникшие в Иране.* (На рисунке – слева – немного убитых; справа – здание со слабыми разрушениями [или, может быть, это – строящееся здание?]). Уровень разрушений был гораздо меньше, чем в остальных революциях, и потраченное [на революцию] время также было гораздо меньше. Очень мало людей погибло.

Фотография сделана в Тегеране 24 февраля 2016 г.

послание и на этом пути использовала различные маршруты и инструменты, чтобы суметь донести нужное послание исламским странам. Исламская революция, предоставляя образец правления на основе ислама, поставила под вопрос образцы западного и восточного устройства. «Ее победа в Иране привела к тому, что народ, который не был осведомлен о своем могуществе, пришел в движение, основываясь на правильном исламе, движение, охватившее не только шиитов, но и суннитов, поскольку послание Имама Хомейни

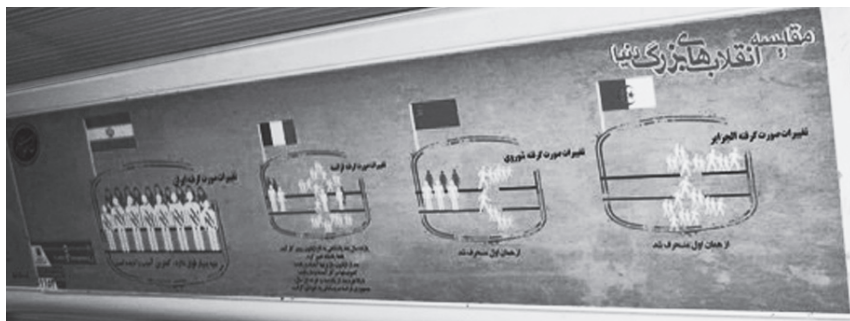

Рис. 3. Текст: Изменения, произошедшие в Алжире. С самого начала [революция] отклонилась [от правильного пути]. Изменения, произошедшие в СССР. С самого начала [революция] отклонилась [от правильного пути]. Изменения, произошедшие во Франции. Через 11 лет к власти пришел король по имени Наполеон. [Таким образом, в результате революции] всего лишь изменился король. После Наполеона снова приходили и уходили Бурбоны; пришли к власти и коммунисты, но быстро ушли! Пока в конце концов после 100 с небольшим лет Французская Республика не взяла управление страной в свои руки. Изменения, произошедшие в Иране. Имеют очень прочное основание, [страна] понесла [букв.: увидела] минимальный ущерб.

Фотография сделана в Тегеране 24 февраля 2016 г.

было обращено ко всему миру и единству мусульман. Важнейшим достижением Исламской революции для мусульманских народов мира, для угнетенных народов мира было воспитание нового человека, способного выстоять против гнета»¹⁰.

Победа Исламской революции в Иране по разным причинам нашла широкое отражение в регионе Ближнего и Среднего Востока. Во-первых, революция, произошедшая в Иране, сравнима с революциями во Франции и России. Во-вторых, она обладает международным и трансграничным размахом. В-третьих, по причине стратегического положения Ирана в регионе, т. е. в Персидском заливе и Среднем Востоке, любые структурные изменения в Иране оказывают влияние на весь регион¹¹.

Подобное сравнение революций в разных странах с Исламской революцией 1979 г. является одним из приемов официальной пропаганды в Иране, ставящей целью описать преимущество иранского опыта. В феврале 2016 г. в Тегеране в разных частях города, а также в общественном транспорте можно было наблюдать наличие плакатов, подтверждающих уникальность собственной революции. Примером может служить рис. 2, который называется

Рис. 4. Текст: Мероприятия, проведенные в Алжире. Надпись на схеме: Революционная, антиимпериалистическая позиция была отброшена. Основной текст: На президентских выборах победили мусульмане, но после переворота все они были брошены в тюрьмы. [На самом деле, здесь ошибка: в 1991 г. в Алжире состоялись парламентские, а не президентские выборы, но, впрочем, на них действительно победил Исламский фронт спасения (ИФС), и премьер-министр действительно отменил их результаты и арестовал лидеров ИФС]. *Мероприятия, проведенные в СССР.* Надпись на схеме: Сотни тысяч людей были казнены, лидеры были казнены или бежали. Основной текст: Все главные (букв.: первого уровня) лидеры революции сразу были казнены теми людьми, которые потом стали их наследниками, или бежали, и часть их была убита в изгнании. *Мероприятия, проведенные во Франции.* Выдающиеся революционеры – почти без исключения, – были казнены! Отдавшие приказ об их казни были людьми, которые обвинили первых революционеров в соглашательской политике и лишили их жизни. *Мероприятия, осуществленные в Иране.* Написание Конституции за короткое время и вынесение ее на голосование. Выборы президента. Ежегодное проведение выборов [разного уровня] при [большом] участии народа.

Фотография сделана в Тегеране 24 февраля 2016 г.

«Сравнение великих революций мира»: французской, алжирской, русской и иранской.

Этой же теме посвящены рис. 3 и 4, которые также называются «Сравнение великих революций мира».

В целом можно констатировать политику полной сакрализации и идеализации образа Исламской революции 1979 г. в современной политической жизни страны, что происходит как на официальном уровне, через речи ведущих политических деятелей страны, так и на уровне ведущих политологов и экспертов. Также этому способствует наглядная агитация.

- D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D8%A2%DB%8C%D9%86%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D9%86%D9%82%D9%84%D8%A7%D8%A8-%D9%88-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1-%D9%86%DA%AF%D8%B1%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D9%88%D8%AC%D9%88%D8%AF-%D9%86%D8%AF%D8%A7%D8%B1%D8%AF (дата обращения: 01.04.2017).
- ⁵ См.: Роухани: во многих сферах мы в первой десятке стран мира [Роухани: дар бесияри аз заминэ ха джозве 10 кешварэ авале джахан хастим] // Информационное агентство Тасним, 10.02.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/11/22/1324031/%D8%B1%D9%88%D8%AD%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AA%D8%A7%D8%B2%D9%87-%DA%A9%D8%A7%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%A2%D9%85%D8%B1%DB%8C%DA%A9%D8%A7-%D8%A8%D8%A7-%D8%B2%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D8%AD%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D9%85-%D8%B3%D8%AE%D9%86-%D8%A8%DA%AF%D9%88%DB%8C%D9%86%D8%AF-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D8%A7%D8%B2-%D8%B2%D9%85%DB%8C%D9%86%D9%87-%D9%87%D8%A7-%D8%AC%D8%B2%D9%88-10-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%88%D9%84-%D8%AC%D9%87%D8%A7%D9%86-%D9%87%D8%B3%D8%AA%DB%8C%D9%85> (дата обращения: 01.04.2017).
 - ⁶ См.: Выступление на годовщине смерти имама Хомейни [Баяанат дар сальгярдэ эртэхале хазратэ имам хомейни] // Сайт Канцелярии духовного лидера Исламской Республики Иран Сейеда Али Хаменеи, 04.06.2002. [Электронный ресурс] URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3126> (дата обращения: 01.04.2017).
 - ⁷ См.: *Дэхири М.Р.* Исламская революция и участие элиты [Энгэлабэ эслами ва таамоле нохбэган] // Мысль Исламской революции [Андишее энгэлабэ эслами]. 2004. № 11, 12. Осень–зима. С. 34.
 - ⁸ См.: *Фирузабади Д., Джалааль С., Зебхи Р.* Исламская революция в Иране и неблагоприятность существующей системы международных отношений [Энгэлабэ эслами ва адамэ матлюбиатэ назмэ моуджут] // Исследования исламской революции [Моталеатэ энгэлабэ эслами]. 2012. № 3. Зима. С. 87.
 - ⁹ См.: *Карими Дж., Хамиди А.Р., Хамиди Х.Р.* Отражение иранской Исламской революции в геополитике шиизма [Базтабэ энгэлабэ эсламие иран бар жеополитике шиэ] // Исламские социальные исследования [Пожухэшхае эджтэмаие эслами]. 2011. № 91. Ноябрь–декабрь. С. 159–160.
 - ¹⁰ См.: *Мусави С.Р.* Исламское пробуждение и влияние на него на Среднем Востоке Исламской революции в Иране [Бидарие эслами ва таасирэ энгэлабэ эсламие иран бар ан дар хаварэмианэ] // Культура исследования [Фарханге пожухеш]. 2011. № 12. Осень. С. 95–122.
 - ¹¹ См.: *Барзгар Э.* Прогноз влияния Исламской революции в Иране на Средний Восток [Пишбиние таасиратэ энгэлабэ эсламие иран бар хаварэмианэ] // Политическое знание [Данэше сиаси]. 2009. № 9. Весна и лето. С. 34.
 - ¹² См.: Текст выступления Хатами в Тегеранском университете [Соханрание хатами дар данэшгахэ техран] // Информационное агентство Алеф, 25.12.2008. Код новости: 36659 [Электронный ресурс] URL: <http://alef.ir/vdci3qap.t1aqw2bcct.html?36659> (дата обращения: 01.04.2017).

Формирование представлений о России в учении японского нового религиозного движения *Кофуку-но кагаку*

В статье рассматривается отражение представлений о России в политическом аспекте учения нового японского религиозного движения *Кофуку-но кагаку*. Это недавно появившаяся в России религиозная школа мало известна в нашей стране, поэтому в статье также кратко характеризуются основные положения ее учения. Анализ работ основателя *Кофуку-но кагаку* Окава Рюхо позволяет проследить, как в рамках теоретических положений учения формируется образ России для предлагаемых путей разрешения внешнеполитических и внутриполитических проблем Японии.

Ключевые слова: новое религиозное движение, буддизм, доктринальный комплекс, Окава Рюхо, внешняя политика, Россия

Актуальность темы определяется возрастающей ролью религий в жизни современного общества. Процессу секуляризации противостоят религиозный фундаментализм и непрерывно нарождающиеся новые религиозные движения (далее – НРД). Негативный стереотип по отношению к НРД не мешает их успешному функционированию в обществе. Это происходит благодаря активной миссионерской деятельности, экстравагантности вероучения и культовой практики, а также неразделенности общественной, религиозной и политической деятельности. Именно эта особенность НРД, взаимопроникновение религиозного и политического, освещается в данной статье на примере отношения к России в новом японском учении *Кофуку-но кагаку*¹.

Кофуку-но кагаку (幸福の科学), «Наука счастья», *Happu Science*, – успешно действующая на территории Японии религиозная организация буддийского толка (основана в 1986 г.). *Кофуку-но кагаку* и связанные с ней организации образуют «Хэппи Сайенс Групп». В группу входят издательства, занимающиеся выпуском журналов и книг на различных носителях, радиовещанием и созданием фильмов; образовательные учреждения (школы и частное

учебное заведение, пытающиеся быть признанным как университет); политическая партия – «Партия реализации счастья» (*Кофуку дзицугэн то*, Happiness Realization Party)². Точные сведения о численности членов *Кофуку-но кагаку* отсутствуют. Указываются следующие данные: 400 тыс. – 500 тыс. или 100 тыс. – 300 тыс. в конце 1990-х. На выборах в Палату представителей в 2009 г. «Партия реализации счастья» набрала 459 387 голосов³.

В своем исследовании мы опираемся на работы основателя этого религиозного движения Окава Рюхо; на официальные сайты *Кофуку-но кагаку* на различных языках; на работы японских и западных исследователей; на личное общение с представителями *Кофуку-но кагаку* при посещении главного храма в Токио в 2013 г.; на личный опыт при посещении семинаров филиала *Кофуку-но кагаку* в Москве. Мы используем взаимосвязанный комплексный метод, включающий в себя прямое наблюдение и анализ письменных источников.

Кратко охарактеризуем основные положения учения *Кофуку-но кагаку*. Основатель *Кофуку-но кагаку* – Окава Рюхо (1956 г.р.), выпускник юридического факультета престижного Токийского университета. В 1981 г. он начал общение с духовным миром и оставил постоянное место работы. Поначалу Окава Рюхо в качестве ченнелера (от англ. *chanel*; т. е. организация устойчивого канала связи между человеком и нечеловеческим сознанием) получал и передавал откровения и духовные послания от Христа, Сократа, Лао-Цзы и других значимых в истории человечества людей. Однако после создания им в 1986 г. своей религиозной организации он начал позиционировать себя в качестве учителя, а не просто посредника для общения с высшими силами. В конце 80-х годов он осознал себя воплощением Будды, и его учение толковалось как новая интерпретация буддизма. Однако учение является синкретичным и объединяет в себе буддийские, синтоистские и христианские элементы. Эта попытка сплава политеизма восточных культов и монотеизма авраамических традиций является еще одной особенностью НРД. В 1991 г. созданная Окава Рюхо религиозная организация была зарегистрирована юридически под название *Кофуку-но кагаку*. С того же времени Окава Рюхо стал трактовать свою сущность как воплощение Эль Кантарэ. Это основное почитаемое божество, воплощавшееся на Земле, т. е. в нашем трехмерном мире, в Будду Шакьямуни, Гермеса, а сейчас – в Окава Рюхо, который несет миссию направлять все человечество к счастью. Таким образом, он – живой Бог и харизматический лидер, который несет человечеству новое откровение⁴, что также является яркой особенностью НРД.

На данном этапе *Кофуку-но кагаку* ставит универсальные цели: создание утопии (счастья для всех) на земле, постижение духовности и мудрости этого и иного миров (наш трехмирный мир и иные измерения, т. к. Вселенная многомерна). Богатейшая, сложнейшая и иногда противоречивая космология в учении *Кофуку-но кагаку* является прекрасным материалом для экранизации в *анимэ*⁵. Отметим, что *Кофуку-но кагаку* не пренебрегает такой возможностью взаимодействия с аудиторией и выпустила несколько *анимэ* на японском языке: «Перерождение Будды», «Законы вечности: мир глазами Эль Кантарэ», «Золотые законы: история глазами Эль Кантарэ», «Гермес: ветер любви» и др. Два из них, «Законы вечности» и «Законы вселенной», демонстрировались с субтитрами на русском языке в России.

Поведение адептов *Кофуку-но кагаку* регулируется четырьмя основными принципами. Это любовь, мудрость, раскаяние (самоанализ, осознание) и прогресс (愛 *ай*, 知 *ти*, 反省 *хансэй*, 発展 *хаттэн*). Человек осознает, что сопричастен божеству, после чего ведет себя альтруистично и отдает свою любовь другим людям; он упорно постигает истину буддийского учения, шлифует и совершенствует свою душу и готов действовать на благо всего общества. Любой, кто верит в учение Окава Рюхо, Эль Кантраэ, и хочет следовать ему⁶, может присоединиться к *Кофуку-но кагаку*.

С начала 90-х годов *Кофуку-но кагаку* ведет активную деятельность за рубежом и имеет десятки филиалов в обеих Америках, Европе, Африке, Азии и Океании, с 2013 г. – в России (зарегистрирован как «ХЭППИ САЙЕНС МОСКВА»). С началом международной деятельности учение было систематизировано, в изданиях 90-х годов в ранние труды Учителя Окава Рюхо были внесены терминологические изменения, сделаны добавления. Можно сказать, что основы учения изложены в трех книгах «законов»: «Законы Солнца», «Золотые законы», «Законы вечности».

Мы можем предположить, что во многих странах деятельность филиалов и отделений *Кофуку-но кагаку* начиналась среди проживающих там этнических японцев. В России же «Хэппи сайенс» начал свою работу в совершенно чуждой этнокультурной среде, и эта работа планировалась заранее. Так, еще до открытия филиала в России на русском языке издавались книги Окава Рюхо. Например, в 2007 г. издательство «Попурри» (Минск) выпустило «Законы Солнца», а в 2012 г. издательство «Весь» (СПб) – «Непоколебимое мышление». Отметим, что в издательстве «Весь» в 2013 г. также вышло значительное количество работ Окава Рюхо: «Наука о счастье», «Непоколебимый разум», «Золотые законы», «Законы счастья».

На русском языке также изданы следующие книги Окава Рюхо: «Настоящие взаимоотношения души и тела», «Сила влияния», «Законы вечности», «Сила исцеления», «Толстой – слова для жизни», «Президент Путин и будущее России», «Новое послание ангела-хранителя президента Путина», «Дипломатическая стратегия в период, требующий терпения, – духовное послание Черчилля».

Таким образом, в России филиал *Кофуку-но кагаку* занимается традиционной для этой организации деятельностью: изданием и распространением работ Окава Рюхо.

Учение *Кофуку-но кагаку* является для адептов руководством во всех сторонах жизни, как индивидуальной, так и общественной. *Кофуку-но кагаку* уделяет большое внимание внутренней и внешней политике Японии. Окава Рюхо излагает трактовку современной международной ситуации в весьма специфической форме: в записях многочисленных откровений от духовных сущностей. Это записи интервью с ангелами-хранителями важных политических деятелей всех времен (Уинстон Черчилль, Барак Обама, Ким Чен Ын, Джордж Вашингтон, Генри Киссинджер, Дональд Трамп, Родриго Дутерте, В.В. Путин и другие).

На русском языке изданы (в Японии) три интервью с ангелом-хранителем В.В. Путина: «Президент Путин и будущее России» (2012), «Новое послание ангела-хранителя президента Путина» (2014), «Недовольство Путина японской политикой» (2016).

Интервью в данном случае – это духовное послание сущностей из иных измерений, в которых пребывают части одной духовной сущности, можно сказать, части одной души/духа. «...Духи человека, как правило, составляют группу из шести сущностей, и один из “братьев-духов”, остающихся в ином мире, служит ангелом-хранителем. Таким образом, ангел-хранитель – это, по существу, часть собственного духа человека. Следовательно, “слова ангела-хранителя” являются, так сказать, доступом в подсознание данного человека, и их содержание можно считать тем, что думает данный человек в подсознании (истинные намерения)», – поясняется на русскоязычном сайте «Хэппи сайенс»⁷.

Таким образом, утверждается, что путем интервью с президентом России В.В. Путиным Окава Рюхо раскрывает его истинные намерения. Общаться и беседовать с духами могут многие медиумы. Согласно учению *Кофуку-но кагаку*, Окава Рюхо отличается от медиумов, которые просто входят в транс и бессознательно передают слова духа. В *Кофуку-но кагаку* разработана сложная иерархия посредников с потусторонним миром, на вершине которой находится Окава Рюхо⁸.

Первое интервью «Президент Путин и будущее России. Интервью ангела-хранителя президента Путина» (в японском варианте «Президент Путин и будущее империи»)⁹ записано 6 марта 2012 г., т. е. сразу после переизбрания В.В. Путина на выборах президента России 4 марта 2012 г. Одно из электронных изданий *Кофуку-но кагаку*, The Liberty Web, так описывает историю появления этой книги:

Президент Путин... возродил сильную Россию, сумев преодолеть экономическую и политическую нестабильность и повысив рост ВВП в пять раз за время своего президентского правления в течение 8 лет. Весьма вероятно, что президент Путин продолжит править еще два срока, всего 12 лет, до 2024 г. Какой будет эта империя? Каково отношение Путина к Си Цзиньпину, который, по-видимому, станет следующим главой Китая, и как тесно Путин будет сотрудничать с Китаем? Как Россия будет строить отношения с США и Японией? Для ответа на эти вопросы и для планирования стратегии Окава Рюхо, основатель и президент *Хэнти сайенс*, пригласил ангела-хранителя президента Путина в Главный офис 6 марта 2012 г.¹⁰

Второе интервью «Новое послание ангела-хранителя президента Путина. Интервью-2 ангела-хранителя президента Путина»¹¹ было записано 18 апреля 2014 г. Напомним, что 21 марта того же года президент В.В. Путин подписал закон о ратификации договора о присоединении Крыма и Севастополя к России. На этот раз ангел-хранитель президента России В.В. Путина сам явился поговорить с Рюхо Окава. Это случилось после того, как ангел-хранитель президента США Обамы в интервью с основателем *Кофуку-но кагаку* назвал аннексию Крымского полуострова Украины злом. Ангел-хранитель президента В.В. Путина утверждал, что недалёковидная политика стран ЕС и США (имеется в виду изоляция России) приведет к укреплению связей между Россией и Китаем и возобновлению «холодной войны».

Последнее интервью «Недовольство Путина японской политикой»¹² записано вечером 6 мая 2016 г., т. е. сразу после завершения встречи премьер-министра Абэ и президента В.В. Путина. Это интервью явно ориентировано на «внутренний рынок» Японии, чтобы на примере России показать несостоятельность политики Абэ и представить Окава Рюхо как наиболее подходящего кандидата на роль главы японского государства.

В названных трех интервью Окава Рюхо пишет об экономике России, ее отношениях с различными странами, уделяя при этом большое внимание Японии, противоречиям России и Америки,

положению на Украине, взаимодействию с Китаем, Северной Кореей и Ираном.

Анализ текста работ Окава Рюхо показывает, что для него Россия равна В.В. Путину, «самураю нашего времени» (с обложки третьего интервью). Путин, способный проявить политическую волю, быстро принимать единоличные решения, представляет собой сильную Россию, которая может реагировать на сложные вызовы. Такой демонстрацией воли и решительности стало присоединение Крыма:

Дело в том, что Крым – это в какой-то мере цивилизационный эксперимент. Я (В.В. Путин. – В. Ф.) знал, что подвергнусь критике, но хотел немного показать: Россия может действовать в критический момент!¹³

Решительному, действующему смело и единолично В.В. Путину противопоставляется премьер-министр Японии Абэ. Окава Рюхо не просто критикует, а негодует по поводу методов принятия решений в правящих кругах Японии: традиционном долгом согласовании на различных уровнях. Абэ не может действовать единолично, не может быть сильным лидером и создать сильную Японию, а Окава Рюхо может, вернее, мог бы. Слабость Японии и сила Россия в данный момент объясняются качествами ее лидеров, и Окава Рюхо предлагает себя на роль создателя сильной Японии.

В первом и втором интервью есть разделы о давней духовной связи В.В. Путина и Японии¹⁴. Это перевоплощения: в прошлой жизни Владимир Путин воплощался в одного из сёгунов рода Токугава, т. е. в восьмого сёгуна Ёсимунэ (занимал должность сёгуна, 1716–1745), он же «буйный сёгун», как его прозвали в популярном в Японии сериале конца XX в. Токугава Ёсимунэ, талантливый политик и администратор, известен своими финансовыми реформами.

Еще ранее В.В. Путин воплощался в Японии также как восьмой сёгун, но уже династии Асикага: Асикага Ёсимаса (занимал должность сёгуна, 1449–1473). Вне пределов Японии В.В. Путин появлялся в Римской империи как Август Октавиан (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.). Согласно учению *Кофуку-но кагаку*, хорошие перерождения свидетельствуют о высоком потенциале и правильном пути развития данной духовной сущности. Мы видим положительный образ В.В. Путина, прекрасно расположенного к Японии.

Это именно прекрасное, а не просто дружеское расположение, закрепленное теоретическими положениями учения *Кофуку-но кагаку*. Ангел-хранитель В.В. Путина предлагает следовать за Японией в духовной, экономической и других сферах. В.В. Путин

называет Японию «великой страной» и подчеркивает, что она может и должна стать образцом духовности во всем мире. Ангел-хранитель В.В. Путина также поведал, что хочет сделать японский язык дополнительным общеупотребительным языком; хочет изменить Россию, заимствовав японский образ мышления и японский опыт проведения реформ, опыт управления и ведения хозяйства. Государство и экономика России будут развиваться по мере проведения японизации¹⁵. Европейские исследователи отмечают элементы национализма во всем учении *Кофуку-но кагаку*, и не только в той части, которая касается внешней политики. Они объясняют это осознанием успехов японской экономики¹⁶. На доктринальном уровне это подкрепляется утверждением, что многие высшие духовные сущности переродились в современной Японии.

Во всех интервью постоянно подчеркиваются две особенности Японии: успешная экономика и развитая духовность. О последней свидетельствуют не только перерождение высших духовных сущностей в Японии, но и ее долгая история (Окава Рюхо сравнивает ее с краткой историей США). Лучшим выражением этой высокой духовной традиции является учение *Кофуку-но кагаку*. Еще и по этой причине ангел-хранитель президента Путина, верующего православного, явился беседовать в религиозную организацию¹⁷.

В беседах уделяется внимание и вопросу заключения мирного договора между Россией и Японией. Окава Рюхо отмечает угрозу Японии со стороны Северной Кореи и Китая и убежден в необходимости добрососедских отношений с Россией для противостояния указанным странам. Ангел-хранитель В.В. Путина говорит, что хочет заключить мирный договор с Японией для того, чтобы «разбить Северную Корею»; для выработки действий в случае объединения Севера и Юга Кореи; для сдерживания притязаний Китая на господство в Азии, Африке и Тихоокеанском регионе¹⁸; для перехода к переговорам, направленным на развитие экономического сотрудничества с Японией.

Затрагивается также и проблема территориального размежевания России и Японии. Вопрос о возвращении четырех островов Японии считается само собой разумеющимся. Рассматриваются только условия их возвращения: это вопрос денежной или иной компенсации со стороны Японии. Ангел-хранитель В.В. Путина утверждает:

Намерение вернуть четыре северных острова у меня есть. Но если будут слухи, что «их забрали просто так», то по всей стране пройдут мощные демонстрации протеста. Этого нельзя допустить. Поэтому тщательно обдумайте, что же Япония может предложить для того, чтобы народ России был удовлетворен и мы были в равном счете¹⁹.

Подводя итог, обобщим основные темы, затрагиваемые в трех интервью. Это характеристика президента России В.В. Путина, а также его экономических и политических планов; оценка развития экономики России и ее политического положения; проблема Северной Кореи; отношения между Россией и Японией; трехсторонние отношения России, Китая и Японии, а также России, Японии и Америка; принадлежность Курильских островов. Начиная со второго интервью рассматривается также проблема санкций после присоединения Крыма.

В целом образ России в учении *Кофуку-но кагаку* положительный и привлекательный, что не характерно для Японии²⁰. Россия подается через личность В.В. Путина, и сильный лидер означает сильную Россию. Согласно работам Окава Рюхо, из этого для Японии вытекают два следствия. Первый относится к проблемам внешней политики: Японии экономически и политически выгодно дружить с сильной Россией, чему способствует прояпонски настроенный президент Путин. Второй касается внутренней политики Японии: сильный лидер в Японии, такой, как, например, Окава Рюхо, тоже мог бы создать сильную Японию.

Описание международного положения дается явно небеспристрастно, что обусловлено элементами национализма в учении *Кофуку-но кагаку*. В центре политической картины находится Япония, а другие страны, в том числе Россия, изображаются лишь постольку, поскольку затрагивают интересы Японии. Оригинальная трактовка представителями *Кофуку-но кагаку* внешнеполитической ситуации в мире прочно увязана с религиозными положениями этого учения.

Примечания

- ¹ В Японии термином НРД (син сюкё) называются религиозные течения, возникшие во второй половине XIX в. Религиозные движения, возникшие в конце XX в., называются новыми новыми религиозными движениями (син син сюкё). В связи с этим Кофуку-но кагаку в Японии считается новым НРД.
- ² Партия была создана в 2009 г. для участия в выборах в августе 2009 г. Она не зарегистрирована как национальная политическая партия, потому что в ней нет 5 действующих депутатов, и на сегодняшний день в парламенте не представлена.
- ³ Pokorny L., Winter F. "Creating Utopia": The History of Kofuku no Kagaku in Austria, 1989–2012, with an Introduction to Its General History and Doctrine // Hödl H.G., Pokorny L. (eds). Studies on Religion in Austria. Vienna: Praesens, 2012. Vol. 1. P. 40.

- ⁴ Рюхо Окава: Основатель и Генеральный директор Хэппи Сайенс Груп. (Happy Science Group) // Официальный сайт «Хэппи сайенс» на русском языке. URL: <http://blog.livedoor.jp/hsmoscow/archives/1379764.html> (дата обращения 27.03.2017). Нумата Кэнъя. Кофуку-но кагаку-но кэнкю (Исследование Кофуку-но кагаку) // Момояма гакуин дайгаку сякайгаку ронсю (Собрание работ по социологии Университета Момояма гакуин). Идзуми: Момояма гакуин дайгаку, 1990. С. 81–112.
- ⁵ Кофуку-но кагаку активно и успешно использует новейшие средства коммуникации для рекламы своего учения, пояснения его отдельных положений и для миссионерской деятельности, что также является характеристикой НРД.
- ⁶ Вступить в Кофуку-но кагаку // Официальный сайт Кофуку-но кагаку на японском языке. URL: <https://happy-science.jp/joinus/> (дата обращения 27.03.2017).
- ⁷ Коротко о книгах мастера Рюхо Окава, которые изменят вашу жизнь в лучшую сторону // Официальный сайт «Хэппи сайенс» на русском языке. URL: <http://gyuho-okawa.ru/> (дата обращения 27.03.2017).
- ⁸ Answers to Questions on Spiritual Messages Part 1 [Электронный ресурс] // The Liberty Web. URL: <http://eng.the-liberty.com/2012/2444/2/#sm01> (дата обращения 27.03.2017).
- ⁹ Окава Рюхо. Росиа Путин синдайторё то тэйкоку но мирай (Новый президент России Путин и будущее империи). Токио: Кофуку-но кагаку, 2012; Окава Рюхо. Президент Путин и будущее России. Интервью ангела-хранителя президента Путина. Токио: Хэппи Сайенс, 2012.
- ¹⁰ President Putin and the Future of Russia. An Interview with the Guardian Spirit of Vladimir Putin [Электронный ресурс] // The Liberty Web. URL: <http://eng.the-liberty.com/2012/2744/> (дата обращения 27.03.2017).
- ¹¹ Окава Рюхо. Путин дайторё-но синсюгорэй мэссэджи (Новое послание ангела-хранителя президента Путина). Токио: Кофуку-но кагаку, 2014; Окава Рюхо. Новое послание ангела-хранителя президента Путина. Интервью-2 ангела-хранителя президента Путина. Токио: Хэппи Сайенс, 2014.
- ¹² Окава Рюхо. Недовольство Путина японской политикой. Токио: Хэппи Сайенс, 2016.
- ¹³ Окава Рюхо. Новое послание ангела-хранителя президента Путина. С. 139–140.
- ¹⁴ Удивительные прошлые жизни господина Путина // Окава Рюхо. Президент Путин и будущее России. С. 127–140; У Путина было много реинкарнаций в Японии? // Окава Рюхо. Новое послание ангела-хранителя президента Путина. С. 159–184.
- ¹⁵ У Путина было много реинкарнаций в Японии?.. С. 148–158.
- ¹⁶ Matsunaga L. Spiritual Companies, Corporate Religions: Japanese Companies and Japanese New Religious Movements at Home and Abroad // Clarke P.B. (ed.) Japanese New Religions in Global Perspective. Richmond: Curzon Press, 2000. P. 29.
- ¹⁷ Окава Рюхо. Президент Путин и будущее России. С. 117.
- ¹⁸ Окава Рюхо. Новое послание ангела-хранителя президента Путина. С. 134–138.
- ¹⁹ Окава Рюхо. Президент Путин и будущее России. С. 141.
- ²⁰ Кузьминков В.В. Россия и Япония: продолжающийся диалог культур // Диалог культур. Культура диалога / [ред. Е. Г. Тарева, Л. Г. Викулова]. М.: МГПУ: Языки народов мира, 2016. С. 302.

О пользе «коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна

Фрагментация научного дискурса и относительный статус профессиональных научных сообществ характеризуют современную постнеклассическую модель развития социально-гуманитарного знания, которая формируется в парадоксальной обстановке множества совершаемых «научных революций». Концепция и категориальный аппарат развития науки и научного знания Т. Куна дает возможность проанализировать смысл и содержание полученных результатов «коммуникативного поворота» и «коммуникативной революции» в гуманитарном познании. С позиций формирующегося коммуникатологического дискурса в статье делается попытка современного прочтения и «переключения гештальта» в восприятии знаменитой концепции американского философа.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, научная революция, коммуникативная революция, коммуникативистика, коммуникатология, парадигма, научное сообщество.

Коммуникативистика, усиленно стремящаяся до сих пор стать коммуникатологией, представляет сегодня разнородное и фрагментированное междисциплинарное пространство в социальных и гуманитарных науках, в котором «коммуникативный подход»¹, «теории коммуникации»², феномен «коммуникативной революции»³, а также разнородные «добавления» к слову «коммуникация» представляют собою весьма распространенное явление⁴ и т. н. интеллектуальный тренд, сравнимый по частоте словоупотребления разве что с 1970-ми годами и куновским понятием «парадигма». Между тем многие научные работы, призывающие и желающие приблизить нас к пониманию *логоса* коммуникативной проблематики, отличаются странная двойственность. С одной стороны, особняком стоят труды социальных философов, рефлексирующих свой «объект» в широких горизонтах современной социологии,

политической теории, соотношения культурных и моральных практик, кибернетических и нейропсихофизиологических подходов, чьи имена в историографии представляют известный «канон»⁵ коммуникативистики, что можно проследить по количеству сносок и обилию цитат в любом мало-мальски относящем себя к данной проблематике издании. С другой стороны, коммуникативный подход в социально-гуманитарном познании принимает зачастую вид своеобразного «ре-мониторинга» различных *давно* привычных и знакомых областей научного знания, в которых замечается некритическое и некогерентное заимствование и восприятие *инновационных* средств и концептов «классиков» современного коммуникатологического дискурса⁶.

Ситуацию отмеченной *рассогласованности* в понимании коммуникативного подхода и его применения в практике социальных и гуманитарных наук, думается, можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, это то, что стало уже общим местом не только в современном науковедении (В.С. Степин)⁷, но и апробировано в большинстве наук так называемого социально-гуманитарного профиля: переход от классической и неклассической к постнеклассической/неоклассической модели научных исследований⁸.

Осмысление произошедших изменений отражено в ряде монографий и проблемных статей, где в качестве важнейшего компонента авторских размышлений обозначена размытость в новом понимании статуса самого академического знания – традиционных представлений об объекте, субъекте и средствах научного поиска. Манифестации радикальных конструктивистов, в частности Э. фон Глазерсфельда, весьма показательны: в формулировке общей научно-познавательной стратегии сегодня он достаточно лаконично и категорично заявляет, что это «знание без знания как объекта познания»⁹. В радикализме дегуманистического пафоса, касающегося представлений о субъекте и его роли в объяснении системы «общества обществ», неоднократно получал упреки Н. Луман, который лишь к концу своей жизни стал замечать «слишком человеческое» в социальном развитии. Относительно определенного дрейфа в сторону постнеклассической методологии научных исследований в России называется история Московского методологического кружка (ММК) Г.П. Щедровицкого, когда сфера общей методологии развилась в рамках сформированного им «кружка» в игру чистого разума, а также и то, что в дальнейшей идейной эволюции бытования его сторонников в постсоветском пространстве приняло откровенно игровые, интеллектуально-менеджеральные, политико-технологические очертания¹⁰. Это может вызвать возражения, но,

как показывают работы современных ученых, считающих теоретически ориентированное знание определяющим (например, в социологии – А.Ф. Филиппов, в социологически ориентированной истории/историографии – И.М. Савельева, в теории и философии общественных связей – С.В. Клягин), их беспокойство вызывает почти институциональное пренебрежение к теоретическому мышлению в исследовательских практиках, а слова президента Международной социологической ассоциации Майкла Борового о том, что социология должна быть прежде всего полезной и приближаться к позициям здравого смысла, просто повергают в интеллектуальное изумление¹¹.

Добавим к этому названия серии книг по социологии, политологии, политической и русской философии, искусству, ряда статей и книг по методологии социального познания и т. д.. Во всех них, вышедших под разными названиями и в различных изданиях, вы найдете общее альтеративное «звучание» – бекар «подозрения» в отношении высокой ценности развития теоретического знания сегодня¹².

Во-вторых, *многоголосие* теоретиков и специалистов по коммуникации сегодня вполне объяснимо самой сутью разворачивающейся на наших глазах «коммуникативной революции».

В большинстве социогуманитарных наук и присущих им научных формах познания и исследовательских областях уже совершились (и совершаются на наших глазах) «свои» революции, вследствие чего постепенно утверждаются и соответствующие им институциональные порядки. Сегодня у понятия «научная революция» существует достаточно много содержательных «референтов», если не вспоминать «четкости» понимания давно забытой советской НТР¹³; это, помимо упомянутой «коммуникативной», – «сетевая», «глобальная», «технологическая», «цифровая/дигитальная», «историографическая» и т. п.¹⁴ Общее качество в «событийности» (по П. Деару и С. Шейпину¹⁵) у всех вышеперечисленных научных революций – это, на наш взгляд, то, что они порождают различного рода *расколы*¹⁶ и приводят в целом к *дивергенции* социального поля науки. Последний феномен, наряду с конвергенцией, не содержит в себе негативных коннотаций, если под дивергенцией понимать стратегию поиска единства профессиональных сообществ на базе их принципиальных интеллектуальных различий¹⁷. Наверное, существующие подходы к осмыслению феномена междисциплинарных отношений и подходов должны были бы снять все принципиально существующие противоречия. Однако ориентированность на меж-, транс-, поли- или же и вовсе без-дисциплинарность в научных исследованиях пока не дает нам ощутимого

и полноценно реализуемого академического результата. Более того, выход из сложившейся апории видится и выражается в ряде ультрапарадоксальных призывов: к необходимости опять же *новых* «коперниканской» или же «когнитивной» революций¹⁸. Впрочем, как мы знаем, в истории философии и науки они также уже происходили.

В этом смысле третье обстоятельство, которое заставляет обратить на себя внимание – это во многом связанный с куновским понятием научной революции *полифонизм* представлений о типах, способах и характере бытования научного знания в современных условиях, а также вопрос о научном статусе, на который претендует сегодня сама «коммуникативная парадигма». Думается, что именно во взглядах на «кумулятивность» и целеполагание истины в современной науке могут быть объединены, как нам представляется, попытки приблизиться к «мерцанию смысла» получаемых ответов о «пользе и вреде» современного коммуникатологического дискурса и структурно перейти к обоснованию вариантно ему существующей «дисциплинарной матрицы» коммуникативистики.

Известный афоризм из знаменитой книги Т. Куна, которой в этом году мы отмечаем 55-летие выхода в свет, гласит: «То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывается кроликом»¹⁹. Касаясь далее в «Дополнении 1969 г.» вопроса о возможностях «эволюционной точки зрения на науку», Т. Кун напрямую делает отсылку к автору «Происхождения видов» и отмечает: «...опровержение эволюции... телеологического типа... (которое. – Д. Л.)... не признавало никакой цели, установленной Богом или природой», для большинства читающей публики «было наиболее значительным и наименее принятым из предложений Дарвина»²⁰. Достаточно смело такие понятия дарвиновской теории, как «естественный отбор», «взаимодействие окружающей среды и организмов», «борьба видов» и т. д., помогают Т. Куну прекрасно адаптировать их к проблемам специфического развития научного знания. Так, по Т. Куну, «революционный отбор» в научной деятельности способствует появлению «удивительно приспособленного набора инструментов» научного знания, и так в конечном счете решается проблема кумулятивности²¹ накопленных в нем результатов: «...без помощи какой-либо общей цели, постоянно фиксируемой истины, каждая стадия... в развитии научного знания дает улучшенный образец», поскольку данный процесс «знаменует» свое возрастанием конкретности и специализации»²².

Последнее замечание дает Куну возможность обосновать существование и важность рассмотрения изменений в науке как преимущественно деятельности различных профессиональных

сообществ²³, а также прийти к прояснению специфики их бытования «во множестве парадигм», заменив таким образом критикуемое в первом издании книги категорическое утверждение о «несоизмеримости парадигм» на более многоуровневое понимание того, что они сосуществуют как структурно-функциональные компоненты символических обобщений, нормативных объяснений и ценностей научного знания внутри упорядочивающей их «дисциплинарной матрицы»²⁴. Здесь важно, что своеобразная и изначальная процессуальность возрастания и прироста научного знания покоится у Куна на «нормальном» представлении об отсутствующей структуре онтологии обязательного становления на пути к достижению истины. Последняя, по сути, – не обязательный атрибут научной деятельности и не единственный нормативный стандарт эволюции науки. Наука теперь атрибутируется исключительно конкурентными преимуществами и существующими нормами конфликтного поведения внутри самих профессиональных сообществ как «самоорганизующихся механизмов»²⁵, т. е. различные изменения и революции теперь основываются на «объяснении диахронического изменения структуры сообществ в науке»²⁶.

Американским физиком и философом обозначается то, что потом будет осмыслено как «аутопоэзная организация» всего живого (Умберто Р. Матурана и Франсиско Х. Варела²⁷), т. е. как процесс самовоспроизводства автономных профессиональных сообществ, которые на уровне социального сопряжения внутри себя приобретают *коммуникативные* характеристики, а в структурном сопряжении внешнего взаимодействия между собой как сообществами – координируются *коммуникационно*²⁸. И, если продолжить интерпретировать Т. Куна в духе размышлений чилийских нейробиологов далее, то их критика «метафоры коммуникационного канала» окажется ключом к пониманию возникающего у читателей Куна вопроса, – «парадигма или много парадигм?», – и тогда станет понятно окончательное решение данного вопроса введением термина «дисциплинарная матрица». Парадигмальный *взгляд* реализует как раз представление о том, если идти за Матураной и Варелой, что наука как парадигма *не способна увидеть себя*, и поэтому ей необходима «фигура» *наблюдателя*. В варианте «много парадигм» мы имеем много наблюдателей, для которых другая парадигма никак структурно не детерминирована, неочевидна своей внутренней динамикой и несет в себе внутреннюю неопределенность. Выход в дисциплинарную матрицу означает смещение акцента от значимости того, «что *передается*», к важности понимания, «что происходит с тем, кто *воспринимает* передаваемое»²⁹. Здесь возникает, как бы сказал Н. Луман, «наблюдатель второго

порядка» (медиум коммуникации), для которого *очевидно* различимы уже коммуникативно-коммуникационные связи и результаты структурных сопряжений матричного соотнесения парадигм как ее внутренних компонентов. Факты передачи, пишет в этом смысле Режи Дебре, теперь воспринимаются как «*процессы* (ничего мгновенного, необходимо помедлить); эти процессы представляют собою *приключения* (ничто не разыгрывается заранее, никакого автоматизма); а приключения эти представляют собой *метаморфозы* (под конец мы выходим из них другими, нежели были вначале)»³⁰. Наверное, коммуникативная революция, как и научная революция Т. Куна, способна также обращать «уток» в «кроликов».

Одним же из недооцененных и необычайно актуальных тезисов Т. Куна является проблема «перевода» в процессе «ломки» научной коммуникации³¹, в которой важная роль отводится самим коммуникантам, поскольку в результате данного конфликта они сами способны «осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой»³². Как это согласуется с тем, о чем размышляет Ю. Хабермас в главе «Философ как местоблеститель и интерпретатор»!³³

Таким образом складывается устойчивое представление о том, что многие проблемы существования современных научных профессиональных сообществ достаточно созвучны с тем коммуникативным дискурсом, который выстраивался после кризиса социологических и философских институциональностей (или же, по Ж.-Ф. Лиотару, «метанарративов»), после преодоления и критики теорий рационального и социального действия, деконструкции различных «социетальных» порядков в структуре описания современных обществ.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, аутопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы и последующая рецепция их идей в работах Н. Лумана, собственно развитие теории и философии коммуникации в трудах М. Кастельса, К.-О. Аппеля, Дж. Ваттимо и многих других в изучении того, что мы хотели бы назвать коммуникатологией, но останавливаемся на более нейтральном – коммуникативистика, – стали очевидны, «переводимы» и необычайно востребованы, когда изменились привычные контуры классической (институциональной) модели рациональности и произошел переход в поле коммуникативной (процессуальной) рациональности научной постнеклассики. Неудивительно поэтому, что коммуникативная теория претендует сегодня на статус континуальной «онтологии» понимания и упорядочивания почти что всех смыслов современности.

Перечисление всех аспектов произошедшего коммуникативного «взрыва» в научном познании и знании разрушило бы сами основы и структуру данной статьи, поэтому позволительно будет преодолеть разрыв различных интеллектуальных эпох, воссоздав в заключение воображаемый диалог цитат из Ф. Ницше и Н. Лумана. Первый, размышляя «о пользе и вреде истории для жизни», писал о том, что «история продолжает оставаться замаскированной теологией»³⁴. Нечто сходное проделал и Н. Луман во «Власти» с эсхатологией, когда писал о ней как о царстве исключительно *необходимого* и призывал переориентировать и расширить такую позицию до того, что должно быть осмыслено в современной социальной теории как иная установка – учет интеллектуальных порядков *необходимо контингентного*³⁵.

Можно надеяться, что требование и необходимость интеллектуальной редукции комплексности контингентного (так называемая двойная контингенция Н. Лумана³⁶) в процессуально выраженном будущем коммуникатологического дискурса сделают его все более невероятным (научное «путешествие в неизвестное»), но при этом и более понимаемым и институционально зримым для большинства существующих профессиональных сообществ.

Примечания

¹ См.: [Рядинская М.В.] Коммуникативный подход // Теория и методология исторической науки: Терминолог. слов. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 221–222.

² См.: Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009; Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху: Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. М.: ИФРАН, 2011.

³ См.: Кастельс М. Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. С. 73–76.

⁴ См.: Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книж. дом «Либроком», 2011. С. 175–223.

⁵ См.: Назарчук А.В. Указ. соч.

⁶ Приведу пример. В СССР «коммунистическое воспитание молодежи» опиралось на нравственные принципы «Морального кодекса строителя коммунизма». Кстати, возглас «Один за всех и все за одного» мушкетеров из советского сериала заимствован напрямую из данного «кодекса»: «каждый за всех, все за одного» (Хрестоматия по марксистско-ленинской философии. М.: Гос. изд-во

полит. лит., 1962. Т. 3. С. 97). Формирование «социального образования молодежи» в постсоветской России предполагается сегодня на новых принципиальных основаниях «духовной коммуникации». Нет принципов коммунистической морали, но есть «аксикреация» как педагогическая стратегия социализации современной молодежи (См.: *Рыбак Е.В.* Духовная коммуникация как аксикреативная составляющая социального образования молодежи // Вестн. Твер. ун-та. 2011. № 16. С. 117–123). Многочисленные предложения в Интернете воспользоваться «транскоммуникативным общением с загробным миром» вызывают не только сочувственное любопытство: налицо адаптация профанным сознанием коммуникатологической лексики как проявление надежной и основательной практики номинации в «ускользающем» мире.

⁷ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 533–702.

⁸ См.: *Лубский А.С.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.В. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 256–339; *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013.

⁹ См.: *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (с переводами оригинальных работ Я. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Фёрстера, У. Матураны, Ф. Варелы и Г. Рота) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vixri.ru/?p=11681> (дата обращения 03.03.2017).

¹⁰ [Розин В.М.] Переход от методологии науки к методологии деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/perehod-ot-metodologii-nauki-k-metodologii-deyatelnosti.html> (дата обращения 03.03.2017).

¹¹ Доклад «Арьергардные бои теоретической социологии», прочитанный А.Ф. Филипповым в РГГУ 12.10.2016 г., в рамках открытия Центра социальной теории и политической антропологии им. Н.Н. Козловой.

¹² См.: Ускользающий контекст: Русская философия в постсоветских условиях: Материалы конф. (Бремен, 25–27 июня 1998 г.). М.: AD MARGINEM, 2002; Социология под вопросом: Социальные науки в постструктуралистской перспективе: Альм. Росс.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. М.: Практис; Ин-т эксперимент. социологии, 2005; *Гройс Б.* Под подозрением: Феноменология медиа / Пер. с нем. А. Фоменко. М.: Худож. журн., 2006; *Марков Б.В.* Понятие политического. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007 (Россия: В поисках себя); *Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2006; *Бойцов М.* Несколько меланхолических тезисов об историке и глобализации // Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова; [пер. с фр. Е.И. Балаховской, Е.В. Дворниченко, Л.А. Пименовой]. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. С. 393–413; *Тоштендаль Р.* Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А.Ю. Серegiной. М.: Нов. хронограф, 2014.

¹³ См.: *Старостин Б.С.* Параметры развития науки. М.: Мысль, 1980.

¹⁴ См., например: *Больш Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011 (Сер. «Политучеба»); *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Практис,

- 2010 (Сер. «Образ общества»); [Лубский А.В.] Историографическая революция // Теория и методология исторической науки: Терминолог. слов./ Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 158–160.
- ¹⁵ См.: Шейпин С. Научная революция // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / Пер. с англ. А. Маркова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. С. 315–515.
- ¹⁶ Социокультурная категория, подробно разработанная А.С. Ахиезером и вошедшая в широкий историографический контекст как концепт для осмысления российской истории (см.: Россия: расколотая цивилизация?: Круглый стол // Отечеств. история. 1994. № 4–5. С. 3–45). У Норберта Болца встречается определение «цифровой раскол» (Болц Н. Указ. соч. С. 6).
- ¹⁷ У Габриэля Марселя это понимание, что «каждый для самого себя есть “мы”». Цит. по: Старовойтов В.В. Современный психоанализ: интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. М.: ИФРАН, 2004. С. 60.
- ¹⁸ См.: Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008; Когнитивный подход / Отв. ред. РАН В.А. Лекторский. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008; Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М.: Книж. дом «Либроком», 2016.
- ¹⁹ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. Налетова. М.: АСТ, 2015. С. 174.
- ²⁰ Там же. С. 258.
- ²¹ Там же. С. 153.
- ²² Там же. С. 259.
- ²³ Там же. С. 269.
- ²⁴ Там же. С. 273.
- ²⁵ Там же. С. 271.
- ²⁶ Там же. С. 269.
- ²⁷ Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 40.
- ²⁸ Там же. С. 172.
- ²⁹ Там же. С. 173.
- ³⁰ Дебре Р. Указ. соч. С. 193.
- ³¹ Кун Т. Указ. соч. С. 302.
- ³² Там же.
- ³³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 7–33.
- ³⁴ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Лит. памятники / Сост, ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер с нем.: Я. Берман, Г.А. Рачинский, К.А. Свасьян, С.Л. Франк. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 207.
- ³⁵ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 155.
- ³⁶ См.: Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012. С. 73–77.

Политическое измерение исторического

В последние десятилетия в России и в целом ряде европейских стран развернулись настоящие «бои» за историю. Самым значимым является то, что они разворачиваются не только в академической среде, но и в общественном и политическом пространствах. В статье анализируются факторы и причины, повлиявшие на актуализацию исторического знания и на своеобразие общественно-политической дискуссии по проблемам истории. Особое внимание уделяется тому, как это изменило социальную роль исторического знания и как повлияло на содержание самой исторической науки.

Ключевые слова: модернизация общественного сознания, архаизация общественного сознания, функции исторической науки, историческая память, политическое пространство, политический дизайн.

Проблематика взаимосвязи истории (как систематизированного знания о прошлом) и политики приобрела в последние годы такую практическую и интеллектуальную актуальность, что стала оформляться и исследоваться в качестве предметного поля *«исторической политики»* или *«исторической памяти»*. Несмотря на определенные расхождения в определениях понятия в литературе, можно считать наиболее распространенными интерпретации исторической политики как системы специальных приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические группы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий в качестве доминирующих¹.

Соглашаясь с правомочностью подобного определения, известная немецкая исследовательница исторической памяти Ютта Шерер считает необходимым сделать уточнение о том, что в странах с развитой демократией историческая политика выполняет важнейшую функцию посредничества между формами опыта и памяти, характерных для различных социальных групп².

Российская же ситуация отличается целым рядом существенных признаков. Как указывают авторы обзора об особенностях

использования исторического ресурса крупнейшими российскими партиями КПРФ и ЕР, эти отличия могут быть сведены к следующим.

1. Реальное взаимодействие различных партий и движений в области исторической политики не сложилось в силу общественного опыта работы с историей.
2. Российская партия власти не имеет своей последовательной идеологии и целостного представления об истории.
3. Отсутствует реальная политическая конкуренция³.

Из этих наблюдений авторы делают весьма значимый вывод: «...в России даже в условиях отсутствия политической конкуренции и возможности влиять на политическое настоящее различные партии нередко сталкиваются между собой именно в борьбе за прошлое»⁴.

Причины актуализации исторической политики достаточно всестороннее проанализированы. О. Малинова, например, обращает внимание на две группы причин.

Во-первых, на те, которые превращают коллективную память в постоянный ресурс политики (прошлое является важнейшим символическим ресурсом любого общества; одновременно оно обладает потенциалом, определяющим содержание массовых представлений)⁵. А. Семячко очень тонко подмечает, что крупные исторические события нередко играют роль своеобразных скреп в развитии наций. «Одним из элементов, необходимых для формирования политической нации, является *учредительное событие* (курсив мой. – А. Л.), за которое цепляется народная память», – пишет автор⁶.

Во-вторых, в начале XXI в. эти базовые возможности оказались усилены масштабными и трагическими событиями XX в., новыми техническими возможностями, качествами современных политических процессов⁷. Неслучайно поэтому политические элиты используют исторические знания для собственной легитимации, стремятся с их помощью укрепить солидарность общества, мобилизовать электорат, используют для критики оппонентов⁸.

А. Миллер в одном из своих интервью подчеркивает, что с 2014 г. эта политика не только в России и Украине, но и в Европе стала крайне жесткой и агрессивной⁹. Особенно тщательно политические шаги по управлению историей со времени украинского конфликта были проанализированы В. Гусаровым, сделавшим, однако, неоднозначный вывод о том, что политика в области истории все больше превращает ее (историю) в инструмент информационной войны¹⁰. И. Курилла, проанализировавший феномен своеобразной реабилитации И.В. Сталина, отметил что «язык, подменяющий

политику историей, стал особенно популярен с начала украинского конфликта»¹¹.

В этих развернувшихся «боях за историю», на первый взгляд, очень спокойно ведет себя общество. Общественное мнение, в своем большинстве, спокойно воспринимает и идущие от власти ограничения на право интерпретации исторических событий, и «державные» идеи власти. В своем, как обычно, талантливом интервью А.Л. Зорин излишне резко возложил большую часть вины на профессиональных историков¹². На наш взгляд, есть и более глубокие причины таких настроений и сложившейся атмосферы вокруг «права на историю».

В свое время Э. Хобсбаум высказал быстро ставшее почти хрестоматийным суждение о «долгом» и «коротком» веке¹³. Опираясь на логику его размышлений, допустимо предположить, что могут быть «долгие и короткие» десятилетия. Для истории постсоветской России это вполне очевидно, если рассматривать 1990-е годы. Как правило, исследователи связывают перелом с 1996 годом – временем избрания Б.Н. Ельцина на второй президентский срок. При всей значимости этого факта нередко на стороне остаются некоторые качественные изменения этого перелома.

Еще в начале XX в., анализируя содержание нового этапа движения современных обществ к демократии, Г. Уоллес критиковал специалистов в сфере еще только формирующейся политической науки за то, что они мало внимания уделяют исследованию взаимосвязи между политическим поведением и природой человека. Сам же, делая акцент на этой связи, высказывает два очень важных наблюдения. Во-первых, он выделяет социальные, культурные и расовые факторы в качестве формирующих природу человека. Во-вторых, выдвигает небесспорное суждение о том, что искусство политики сводится к созданию общественного мнения путем эксплуатации подсознательных настроений¹⁴. Эти наблюдения позволяют ему выделить противоречие, имманентно присущее социальному движению к утверждению демократии. Человеческая природа не противоречит идеалам, ценностям и интересам демократии. Однако одновременно чрезмерное расширение демократического участия граждан в социально-политических процессах может высвобождать иррациональные силы человека. Вот почему Уоллес считает необходимым постоянное осуществление рационального контроля над демократическими процессами¹⁵.

Очередная волна демократических транзитов, пришедшая на конец XX – начало XXI в., хотя и по-своему, но в значительной степени подтвердила эти наблюдения Г. Уоллеса¹⁶. «...Демократия, – пишет Майкл Манн, – всегда предполагала возможность тирании

большинства над меньшинствами, и эта возможность оборачивается зловещими последствиями...»¹⁷.

Выход России из коммунизма, начавшийся в период перестройки, сопровождался разрушением *советского мифа*, бывшего во многом основой общественного сознания и социальной идентификации. Этот процесс и сам по себе не мог быть однозначным. Он использовался властью для усиления политических позиций постбрежневской элиты и подготовки к проведению радикальных реформ в сфере внешней политики, управления и экономики. Идеологической основой должна была стать концепция *нового политического мышления*. М.С. Горбачев впервые в советской истории рискнул выдвинуть тезис о приоритете общечеловеческих ценностей¹⁸.

Объявленная политика *гласности* и ориентация на то, что не может быть *зон вне критики*, стимулировали развитие процессов переосмысления прошлого. Однако новая власть очень скоро стала утрачивать контроль над ними. Критическое переосмысление прошлого в заметной степени совпадало с развитием общественно-политических процессов.

Во-первых, официальная историческая наука, как и центральная политическая власть, утрачивала свой авторитет и каналы воздействия на общественное мнение. Формировались более авторитетные центры интерпретации истории. Исторические публицисты, литераторы, интеллигенция национальных республик, любители оказывались более востребованными, чем официальная историческая наука. Непривычный для советского общественного сознания полифонизм в сфере наиболее идеологизированного и политизированного знания порождал одновременно и определенную растерянность официальных структур, непривычных к коммуницированию в условиях возникшего многоголосья, и *сверхожидания* от возможности быстрых перемен и радикального обновления.

Во-вторых, различные интерпретации прошлого, становившиеся нормой, усиливали не только борьбу за право на собственную историю, но и за право на собственную современность. Не только в республиках СССР, но и в административных образованиях внутри России и других республик усиливались претензии на собственную культурную и политическую самостоятельность.

В-третьих, критика советского опыта, начавшаяся с негативных интерпретаций *брежневского застоя*, распространилась на анализ *сталинской эпохи*, а затем и на все центральные вехи советской истории: *революцию, Гражданскую войну, индустриализацию, коллективизацию*. Неизбежным сопровождением активной критики становилась прямая дискредитация исторических событий

и традиционных советских героев. Появление в центре Москвы живых муляжей Ленина, Сталина, публикация в русском издании Playboy фотографий обнаженных моделей на фоне советской символики и многое другое свидетельствовали о размывании большинства традиционных социальных ориентиров.

«С середины 80 – начала 90-х годов... базовый тип советского общества начинает размываться (деградировать, по мнению Левады), новые правила игры начинают формировать новые ценности», – делает вывод С.В. Нестерова¹⁹. Эти перемены, естественно, становились предметом анализа многих исследователей, стремившихся выявить содержание базовых векторов строительства постсоветской социальности²⁰. При всей неоднозначности и внутренней противоречивости этих процессов, на что справедливо указывают исследователи, как и неизбежности доминирования непреодоленного советского социального опыта, трудно формирующиеся новые элиты до середины 1990-х годов вполне могли эксплуатировать настроения значительной части общества, в основе которых были сверхожидания:

- надежды на *быстроту* радикальных перемен;
- надежды на *минимизацию* цены, которую придется платить за глубокую модернизацию общества;
- надежды на то, что неизбежные потери, как в советское время, будут *компенсироваться* государством;
- надежды на то, что есть только вполне *конкретные преграды* на пути к социальному обновлению (засилье коммунистической номенклатуры и их привилегии; диктат «Москвы» т. п.), устранение которых и даст позитивный результат;
- надежды на *всемирное сочувствие*, поддержку, помощь в проведении реформ, благодарность мирового сообщества за проведение демократических реформ.

Новые государственные элиты не только не стремились к рационализации этих, во многом иррациональных, ожиданий и надежд, но всемерно поддерживали их, пытаясь именно в опоре на них выстраивать политику формирования позитивного общественного мнения. «Шоковой терапии» в Польше, кровопролитному распаду Югославии, мощному вооруженному противостоянию в Румынии противопоставляется мирная и более цивилизованная трансформация в России.

Эти ориентации власти не могли быть бесконечно успешными. Борьба внутри самих элит, ослабленное государство, отсутствие опыта управления расколотым обществом, ограниченность экономических ресурсов – все это делало неэффективными манипулятивные технологии и усиливало тенденцию к отчуждению власти

и общества. Власть все более разочаровывалась в собственном народе, а народ все меньше понимал и принимал власть (вполне допустимыми оказываются многочисленные предположения о прямых фальсификациях выборов 1996 г.). Долгое время наиболее весомым аргументом в руках политических элит оказывался тезис о том, что Россия наконец прочно вошла в число «цивилизованных государств» в качестве равноправного и всемирно значимого партнера. Однако и этот аргумент растаял в связи с югославскими событиями 1998 г.

Вместе с тем все более важным для формирования общественных настроений оказывалось действие других факторов. Радикальные экономические реформы очень быстро выявили неподготовленность не только широких народных масс, но и элит к успешной деятельности в условиях рыночных отношений. Реорганизация, например, колхозов отнюдь не привела к созданию эффективных фермерских хозяйств не только из-за ограниченности финансовых возможностей, но и из-за психологической и экономической неподготовленности вчерашних колхозников к успешному самостоятельному хозяйствованию. Одновременно требовалось осознать, что реальная стоимость денег не является константой. Приватизация же промышленных предприятий, проведенная по российским сценариям, тоже не превращала вчерашних рабочих и управленцев в эффективных собственников... Эти примеры можно было бы продолжать, но они достаточно полно описаны в литературе. Государственная власть, выступавшая инициатором разгосударствления, сохраняла за собой многие распорядительные возможности практически вне общественного контроля, что самым естественным образом приводило к усилению роли и обогащению государственной бюрократии. Темпы ее роста превысили темпы роста в советские годы. По существу, восстанавливалась еще дореволюционная традиция, когда именно близость к власти становилась главной предпосылкой и гарантией экономического успеха предпринимателей.

Для нас важно отметить, что процесс проведения реформ и их результаты не могли не вести к трансформации общественных настроений.

Рост криминала, открытая, почти нескрываемая коррупция, прямая террористическая опасность, этнонациональные конфликты – все это влияло на содержание реальной жизни.

Ориентация на резкие прорывы к новому, более высокому качеству жизни постепенно сменялась переориентацией на ценности выживания, сопровождаемой не только *разочарованием* в реформах и демократических ценностях, но и *неуверенностью*,

страхами, растерянностью, социальной дезориентацией. В системе массовых настроений явно стали актуализироваться *иррациональные* компоненты.

Свобода слова и либеральные законы в области СМИ позволяли весьма широко транслировать эти настроения. Очень показательной реакцией населения стало сокращение рождаемости. Россия вступила в полосу затяжного демографического кризиса. «Негативные изменения в рождаемости особенно обострились в начале 90-х годов, — отмечает В.В. Елизаров, — в 1990 г. общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 жителей) составлял 13,4, к 1999 г. снизился до 8,3. В 1999 г. число родившихся составило 1216 тыс. — самый низкий уровень в нашей современной демографической истории, в 1998 г. — 1283 тыс. человек (для сравнения: в 1987 г. — 2500 тыс. рождений, в 1990 г. — 1989 тыс.). Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,194 в 1986–1987 гг. до 1,887 в 1990 г. и составил 1,242 в 1997 г. Сократилось как число первенцев, так и родившихся вторыми и третьими»²¹. Наряду с этим широко распространились *иррациональные* социальные практики: финансовые пирамиды, распространение всевозможных лотерей, популяризация гадательных салонов, оккультной литературы т. п. Все это происходило на фоне дискредитации рациональных ценностей, что типично для обществ, переживающих кризисные периоды.

Для нашего контекста важным является еще одно обстоятельство. Развернувшиеся на территории Евразии глобальные процессы трансформаций были отмечены разнонаправленными содержательными тенденциями. Страны демократической Европы подошли к новому уровню межгосударственных отношений и практик, для которых было характерно явное стремление к мультикультурализму и полицентричности. Выходящие из коммунизма страны Европы и Центральной Азии стремились, напротив, к созданию мононациональной государственности. Эти стремления сопровождались иногда высокой степенью радикализма, породившей бегство русскоязычного населения из новых республик Центральной Азии, вооруженные грузино-абхазские и грузино-осетинские конфликты, дискриминацию по языковому и национальному признакам значительных групп населения в странах Балтии.

При столь категоричном различии в направленности основных векторов развития общим оказывалось оживление и актуализация *эмоциональной* памяти, что становилось более действенным и значимым, чем апелляция к рационально организованным пластам исторической памяти. Именно данное обстоятельство создавало

наиболее благоприятные предпосылки для манипулирования общественным сознанием. Поэтому бои за историю разворачивались на различных уровнях социальности, открывая широкие перспективы для использования исторических знаний в политической борьбе.

Актуализация эмоциональной памяти приводила к тому, что формировались предпосылки для использования исторических знаний и представлений как мощного инструмента воздействия на общественные настроения. При этом явно прослеживаются два качественно различных этапа использования исторических знаний в политическом пространстве.

Для *первого этапа* наиболее характерным становится стремление к *модернизации* общественного сознания, преодоление стереотипов социалистического прошлого и социалистических ценностных ориентиров. Модернизация общественного сознания в дискурсе реформаторов включала в себя несколько характеристик: ориентация на западноевропейские ценности (как общечеловеческие), стремление к распространению европейского (североамериканского) образа жизни, раскрепощение личности и индивидуализация общественной жизни. Исторический материал, к тому же эмоционально окрашенный, давал возможность погрузиться в эпоху чудовищных сталинских репрессий, историю российского государства, которое не создавало благоприятных условий для развития личности, заново переосмыслить колоссальную цену, которую заплатили советские народы за победу в Великой Отечественной войне, увидеть, как трудно и противоречиво решались задачи восстановления народного хозяйства. В результате не могли не формироваться представления о сверхдорогой цене, которую платили советские народы за каждый шаг продвижения вперед. Чем более активным оказывалось обращение к советской истории, тем более укреплялось в общественном сознании представление о том, что так, *как мы жили, жить нельзя*, что государство не защищало, не служило народу, а эксплуатировало его, что есть другие, более человеческие, более гуманные пути общественного развития.

Это бесспорно способствовало трансформации общественного сознания, но в реальных социальных практиках реализовались не только позитивные моменты. Кроме роста индивидуальной активности, частных инициатив, открытости общества, свободы СМИ, формировались негативные тенденции к локализации жизни, нарастанию расколов в обществе, раскрепощению не только позитивных, но и негативных элементов социального поведения. Задача консолидации общества в качестве первоочередной

осознавалась и властью, и значительной частью общества. Однако не было сколько-нибудь четких ориентиров, на какой основе или вокруг чего можно сплотить расколотое общество?

К концу 90-х годов стало ясно, что в стране нет общенационального лидера. Феномен М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина оказался слишком кратковременным.

Не реализовались и попытки выработать общенациональную идею. Несколько столетий общенациональная идея питалась представлениями об *особой миссии России*. В национальном самосознании было укоренено представление о том, что Россия спасала мир на протяжении всей своей истории: защитила Европу от монгольской угрозы, принесла себя в жертву на несколько столетий, стала единственной защитницей христианских ценностей, защитила мир от наполеоновской агрессии, была единственным защитником славянского мира, спасала мир от самых мрачных и уродливых форм капиталистической эксплуатации, и, наконец, вершина из вершин – победа над фашизмом. И вот теперь, в 90-е годы, все это растаяло. Россия оказалась зависимой от субсидий и одобрения своей политики другими странами. Выработать новую альтернативную идею не удалось.

Вместе с тем оживились идеи об особом пути России, которая не повторяет западный опыт, но вместе с тем и не является носительницей восточных ценностей. Это могло бы сделать национальную историю центром консолидации общества. Тем более что представление об особенностях весьма близко к понятию мессианства. Неслучайно на протяжении 90-х годов проводятся многочисленные опросы общественного мнения о том, какие события российской истории имеют особое значение и какие общественные деятели сыграли самую значимую роль в российской и мировой истории. Эти опросы проводятся как федеральными социологическими службами, так и СМИ. С событийными характеристиками исторического развития все оказалось неоднозначно. Критика национальной истории в период перестройки и первые постперестроечные годы привели к тому, что не было почти ни одного события, в оценке которого можно было бы достичь общенационального консенсуса. Пожалуй, лишь два из них получали максимальное одобрение и поддержку: *победа в Великой Отечественной войне* и *полет человека в космос*. С оценкой исторических деятелей все оказывалось не менее сложно и противоречиво. К концу 90-х годов, стало ясно, что тройку лидеров в общественных опросах достаточно стабильно возглавляют Петр I, Екатерина II и... Сталин, т. е. главные строители империи и одновременно те, кто создавал и перестраивал большую Европу.

Национальная история не стала консолидирующей идеей, но явно обнаружилось в процессе ее обсуждения формирующиеся запросы. И они были услышаны политическими элитами.

Начало 2000-х годов стало временем глубоких перемен. Новый президент и его окружение оценивали сложившуюся социальную реальность не просто как *расколотое общество*, но как реальную угрозу распаду государства и государственности. Поэтому в центр новой политики и была выдвинута задача консолидации и сплочения. Политические реформы сопровождались значительными подвижками в формировании идеологических приоритетов. Концепциями *управляемой*²², а затем *суверенной*²³ демократии наносился удар по распространенным в 90-е годы представлениям о демократии как универсальной ценности. Следующим естественным шагом стала актуализация идей и представлений о наличии *национальных* ценностей, которые и должны находиться в центре социально-исторического развития народов. Отсюда оставался один шаг (который и был сделан) до признания *традиционных* ценностей в качестве центрального элемента в строительстве современности.

Постепенно в ходе политических и общественных дискуссий стал вырисовываться круг этих традиционных ценностей: *семья, государство, сильная власть, религия, коллективизм*. Сами по себе они настолько универсальны, что могут существовать и в XIX и в XXI в. Однако ясно, что семья или государство XIX и XXI вв. не могут быть идентичными. И вот здесь возникала потребность разобраться в том, какие элементы развития соответствуют *традиционным* ценностям, а какие им противоречат, какие выработаны в ходе естественного развития, а какие насильственно привнесены извне?

Произошел новый всплеск интереса к истории и историческому. Но теперь это формировалось совсем на иной основе. Если в 80-е годы интерес к истории формировался снизу, теперь инициаторами дискуссий становились чаще всего политические элиты (причем это характерно не только для российской действительности). Споры об оценках исторических событий вышли на трибуны парламентов и вошли в официальные заявления и протесты министерств иностранных дел, речи президентов.

При таких переменах потребовались и новые формы организации, и новые методологии исторических исследований. Пожалуй, наиболее открыто существо этого движения выразил В. Мединский в ходе дискуссии вокруг его докторской диссертации: «У меня методология очень простая: я к оценке тех или иных исторических событий подхожу не с абстрактной точки зрения, а с точки зрения национальных интересов государства на данном историческом

этапе», – подчеркнул он (цит. по сообщению ТАСС). Министр подчеркнул, что интересы страны для него важнее «абстрактных позиций, общего историзма»²⁴. На принципиальную опасность для будущего исторической науки уже указал в своей аналитической статье Алексей Макаркин: «Подход, использованный в диссертации Мединского, очень напоминает подход, главенствовавший в период, который наши историки в подавляющем большинстве не любят, – период 1920-х годов. Когда молодые люди мерили истинность, исходя из близости к принципам марксизма-ленинизма. Соответствует что-то принципам марксизма-ленинизма – значит, правильно; не соответствует – значит, колчаковская белогвардейщина! У Мединского идеология совершенно иная, больше напоминающая графа Уварова с его “православием, самодержавием, народностью”. Но большой разницы в этом на самом деле нет, если брать сам подход. И там и там имеет место подгонка фактов под идеологию. Факты соответствуют идеологии – и прекрасно, не соответствуют – значит, источники врут!»²⁵.

Такое небрежение к правилам академического сообщества в сфере истории вряд ли было возможным, если бы за предшествующие десятилетия историческое знание не было органично включено в российский политический дизайн. Все началось с сомнений в целесообразности наличия в образовательном пространстве нескольких вариантов учебников по отечественной истории. Даже президент высказался о том, что различные трактовки истории в школе не способствуют консолидации общества, а ведут к росту непонимания. Естественно, развернулась работа по подготовке единого учебника истории для школы (правда, мало кто учитывал, что это отнюдь не исключит конкуренции интерпретаций школьного учебника с широким и разнообразным интернет-пространством). Параллельно с этим шел процесс создания общественных объединений историков, которые почему-то возглавлялись высшими чиновниками РФ. Нередко даже МИД РФ выступал с резкими заявлениями в связи с интерпретациями исторических событий. Постепенно определялся круг исторических тем и проблем, исследование которых оказалось под пристальным общественно-политическим контролем. Определенным этапом в этом процессе стало принятие решением Министерства образования об обязательности ЕГЭ по отечественной истории для всех выпускников средних школ. (Как известно, ЕГЭ проводится в форме тестов. А тест исключает вариативность суждений. Только один ответ может быть признан правильным.)

Считать подобный процесс уникальным только для российской действительности было бы и неверным, и ошибочным.

В большинстве молодых стран познавательная и развивающая функции истории оказались подчиненными задаче формирования и защиты «традиционных» национальных ценностей.

Примечания

- ¹ См., например: *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3. С. 6–23; Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Нов. лит. обозрение, 2012; *Семячко А.* Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю [Электронный ресурс] // Т&Р. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> (дата обращения: 15.08.2017); и др.
- ² *Шерпер Ю.* Историческая политика в демократических обществах: Инициатива гражданина // Общая тетрадь: Вестн. моск. шк. граждан. просвещения. 2010. №1 (51).
- ³ *Бондаренко С., Щербакова И., Черникова Ю.* Российская историческая политика: особенности использования исторического ресурса в деятельности «Единой России» и КПРФ [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://old.memo.ru/d/2856.html> (дата обращения: 14.07.2017).
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Малинова О.* Прошлое, которое не прошло: что ищут политики в истории [Электронный ресурс] // Forbes. 02.02.2015. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/279017-proshloe-kotoroe-ne-proshlo-cto-ishchut-politiki-v-istorii> (дата обращения: 11.06.2017).
- ⁶ *Семячко А.* Указ. соч.
- ⁷ *Малинова О.* Указ. соч.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Миллер А.И.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Гусаров В.* Фальсификация истории как эффективная информационная политика [Электронный ресурс] // Информационное сопротивление. 07.07.2016. URL: <http://sprotyv.info/ru/news/kiev/falsifikaciya-istorii-kak-effektivnaya-informacionnaya-tehnologiya> (дата обращения: 10.07.2017).
- ¹¹ *Курилла И.* «Возвращение Сталина»: как понять обострение исторической политики в России? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 11.10.2016. URL: <http://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Vozvraschenie-Stalina-Kak-ponyat-obostrenie-istoricheskoi-politiki-v-Rossii-18419> (дата обращения: 20.07.2017).
- ¹² Запрещать обсуждать победу – значит приравнять ее к поражению / Интервью с А.Л. Зориным [Электронный ресурс] // Полит.ру. 6 окт. 2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/06/zorin/> (дата обращения: 19.08.2017).
- ¹³ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий XX век: 1914–1991. М.: Независ. газ. 2004.
- ¹⁴ *Wallas G.* Nature in Politics. L.: Constable, 1908.

- ¹⁵ Wallas G. Op. cit.
- ¹⁶ См., например: *Мани М.* Темная сторона демократии: Объяснение демократических чисток. М.: Пятый Рим, 2016.
- ¹⁷ Там же. С. 40.
- ¹⁸ См.: *Горбачев М.С.* Новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987.
- ¹⁹ *Нестерова С.В.* Некоторые особенности политической культуры в современной России (психологический аспект) // Гражданская культура в современной России: Сб. науч. работ грантополучателей МОНФ. М.: МОНФ, 1999. С. 82.
- ²⁰ См., например: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993; *Левада Ю.А.* «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994: предварительные итоги сравнительного исследования // Эконом. и соц. перемены: Мониторинг обществ. мнения. 1995. № 1. С. 9–14; *Шестопал Е.Б.* Демократические ценности в сознании россиян // Обществ. науки и современность. 1996. № 2. С. 45–60; *Вайнштейн Г.И.* Формирование гражданского общества: ожидания и психологическая реальность // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998. С. 204–220; и др.
- ²¹ *Елизаров В.В.* Демографический кризис в России: факторы и последствия [Электронный ресурс] // Государство и антропоген. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a115.htm> (дата обращения: 10.07.2017).
- ²² Подробнее см.: *Балзер Х.* Управляемый плюрализм: формирующий режим В. Путина // Обществ. науки и современность. 2004. № 2; *Кравченко В.* «Управляемая демократия» в России: миф или реальность? // Телескоп. 2005. № 1. С. 47–48; *Прибыловский В.* Что такое «управляемая демократия»: концепция, история, российский опыт [Электронный ресурс] // Информац.-аналит. центр Сова. 17.03.2005. URL: <http://www.sova-center.ru/democracy/publications/2005/03/d3986/> (дата обращения: 15.07.2017); и др.
- ²³ См.: *Сергеев Г.Г.* Феномен суверенной демократии в политической жизни современной России // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Политика и политические науки. 2007. С. 184–188; Суверенная демократия: от идеи к доктрине: Сб. ст. М.: Европа, 2008; и др.
- ²⁴ Владимир Мединский надеется на профессионализм ВАК в оценке его диссертации [Электронный ресурс] // Коммерсант.ру. 05.10.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3429388> (дата обращения: 05.10.2017).
- ²⁵ *Макашкин А.* Мединского подвела методология [Электронный ресурс] // Полит. ру. 03.10.2017. URL: <http://polit.ru/article/2017/10/03/disser> (дата обращения: 03.10.2017).

Группы интересов как объект научного исследования: на пути к теоретико-методологическому синтезу

Статья посвящена различным теоретико-методологическим подходам к интерпретации групп интересов как объекта исследований. Сопоставляются концепции плюралистической теории групп интересов, теории общественного выбора (М. Олсон), взгляды коммунитаристов и теоретиков социального капитала, выводы Т. Парсонса и О. Уильямсона. Сравнение подходов демонстрирует необходимость и перспективность теоретико-методологического синтеза в анализе феномена групп интересов. Новое научное знание может стать результатом подобного синтеза, вовсе не требуя новых парадигмальных революций.

Ключевые слова: группы интересов, организации ассоцианистского типа, распределительные коалиции, гибридное управление.

Понятие группы интересов как одно из центральных дефиниций современной политической науки оказалось объектом интерпретаций разных теоретико-методологических подходов. В первую очередь группы интересов, воспринимаемые как один из медиаторов, наряду с политическими партиями, между гражданским обществом и государственной властью, анализировались в теоретических моделях групповой репрезентации¹. В данном типе политических теорий заведомо предполагается, что в государственной политике в той или иной степени происходит представительство интересов гражданского общества, его отдельных групп и социальных общностей. В рамках этого обобщенного похода сложились разные школы социально-политической групповой репрезентации: плюрализма (Дж. Мэдиссон, А. Бентли, Д. Трумэн, Э. Латэм), элитизма (Т. Дай, Х. Зиглер, Р. Миллс, М. Паренти), неокорпоративизма (Ф. Шмиттер), неомарксизма (М. Хилл, У. Домхофф)². Концепции школы плюрализма в рамках подхода групповой репрезентации часто называют теорией групп интересов.

Теоретико-методологические подходы других направлений, такие как модели теории общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, Г. Беккер), модели коммунитаристской концепции (А. де Токвиль, Д. Белл, Р. Патнэм, П. Норрис) и концепции социального капитала (Дж. Коулмэн, Р. Патнэм), внесли заметный вклад в интерпретацию групп интересов. При этом исследователи часто использовали собственную терминологию, но, как мы покажем далее, эта терминология тождественна понятию группы интересов.

В данной статье хотелось бы привлечь внимание к редко упоминаемому в связи с феноменом групп интересов структурно-организационному подходу Т. Парсонса, а также интерпретировать с точки зрения теории групп интересов выводы как сторонников коммунитаризма, так и следствия из концептуального подхода М. Олсона. Новым акцентом, как представляется, будет обращение к совершенно пропущенному политологами неоинституциональному подходу О. Уильямсона (в рамках теории транзакционных издержек и теории контрактов).

В поздних работах Т. Парсонса (1970–1971) была высказана мысль о роли организаций ассоцианистского типа³ в современных обществах и о структурной тенденции, заключающейся в плюрализации подобных ассоциаций⁴.

Что понимает Т. Парсонс под ассоциацией? Эти организации (сообщества) являются структурами, которые обладают тремя признаками, кардинально отличающими их и от рыночных, и от бюрократических организаций: 1) эгалитаризм – равенство членов ассоциации, 2) добровольность вступления и возможность отставки; 3) наличие процедурных институтов, регулирующих как дискуссии и поиск компромиссов, так и принятие окончательного решения.

Т. Парсонс обнаруживает черты организаций ассоцианистского типа среди таких современных структур, как суды присяжных; группы интересов, связанные с политическими партиями; ассоциации вокруг общественных проблем; надзорные и наблюдательные комитеты в секторах делового предпринимательства; объединения по профессии и факультеты западных университетов; институт профессии, в том числе академические преподавательские профессии.

Итоговая мысль Т. Парсонса заключена в словах: «В действительности основная тенденция состоит не в росте бюрократии, пусть последняя сама по себе и не преобразуется, а в развитии организаций по типу добровольных ассоциаций»⁵. Таким образом, по Т. Парсонсу, группы интересов, которые можно отнести к ассоциативным в типологии групп интересов, предложенной Г. Алмондом

и его соавторами⁶, являются частным случаем организаций ассоцианистского типа, чья роль и влияние в современных обществах усиливаются.

Подтверждаются ли прогнозы Т. Парсонса и были ли продолжены исследования в этом направлении? Исследованиям добровольных ассоциаций (ассоциативных групп интересов) посвящены работы сторонников коммунитаризма и концепции социального капитала Р. Патнэма⁷ и П. Норрис⁸. Данные исследователи отмечают тенденцию исхода людей из числа членов все более формальных и бюрократизируемых классических ассоциаций в постиндустриальных странах. Из этого делаются различные выводы. С точки зрения Р. Патнэма, это приводит к уменьшению гражданской активности и социального капитала. Согласно П. Норрис, в постиндустриальных англо-американских обществах гражданская активность и социальный капитал не уменьшаются, а даже растут. При этом наблюдается переход от членства в классических ассоциациях к участию в противоэлитных формах гражданской активности. В терминологии теории групп интересов это означает, что наблюдается переход от членства в ассоциативных и в институциональных группах к участию в неупорядоченных группах. Таким образом, наблюдения и выводы сторонников коммунитаристского подхода и концепции социального капитала вносят важный вклад в анализ тенденций развития ассоциативных групп интересов.

Теоретические конструкции М. Олсона (публикации 1965 и 1982 гг.)⁹, развиваемые параллельно с упомянутыми публикациями Т. Парсонса, но в рамках моделей теории общественного выбора, имеют большое значение для объяснения феномена групп интересов и группового поведения. Термины М. Олсона «организации для коллективных действий», «организации с особыми интересами» означают такую организованную группу (узкий сегмент общества), которая слабо заинтересована или не заинтересована совсем в том, чтобы приносить значительные жертвы ради интересов общества. В подавляющем большинстве случаев подобные организации, согласно М. Олсону, ориентированы на борьбу за распределение дохода, а не на увеличение продукта, что дает право называть их «распределительными коалициями» или организациями с «рентоориентированным поведением». Такие организации могут быть картелем (профессиональная ассоциация, профсоюз, отраслевая ассоциация, олигополистический сговор) или лобби, а также и тем и другим одновременно. Безусловно, все перечисленное можно обобщить одним термином политической науки – *группы интересов*, т. е. группы, стремящиеся повлиять различными методами на политическую власть.

Выводы М. Олсона¹⁰ (всего их насчитывается 9) требуют интерпретации в терминологии теории групп интересов. В качестве примера предложим свой вариант возможной интерпретации лишь некоторых утверждений этого исследователя (см. табл. 1).

Таблица 1

Интерпретация части выводов М. Олсона
в терминах теории групп интересов

М. Олсон	Интерпретация
Не существует стран, достигших симметрии в организации групп с общими интересами и вследствие этого добившихся оптимального исхода на основе всесторонних и всеобъемлющих переговоров.	Равновесного состояния в борьбе групп интересов не существует даже в плюралистической системе. Волнообразный процесс поиска межгруппового равновесия отмечался уже Д. Трумэн ¹¹ .
Распределительные коалиции снижают возможности общества по внедрению новых технологий и перераспределению ресурсов в ответ на изменяющиеся условия и тем самым снижают темпы экономического роста.	Развитая плюралистическая система групп интересов приводит (с точки зрения М. Олсона) к «британской болезни» – замедлению темпов экономического роста за счет картелизации и институционального склероза.
Распределительные коалиции, став достаточно большими, чтобы быть успешными, приобретают закрытый характер и стремятся ограничить различия в доходах и системах ценностей своих членов.	Ассоциативные группы интересов, и малые группы в частности, стремятся ограничить вступление новых членов. Например, Фабианское общество в Великобритании.

Таким образом, методология М. Олсона оказывается полезной с точки зрения интерпретации феномена групп интересов, частично пересекаясь с выводами плюралистической школы групповой репрезентации. Концепция «распределительных коалиций» дает своеобразное (в рамках теории общественного выбора) описание организаций ассоцианистского типа Т. Парсонса, понятие всеохватывающих организаций пересекается с моделями неокорпоративизма. Новизна теоретических моделей М. Олсона, конечно, в концепции эффективности малых групп, в резко отрицательной оценке плотных сетей распределительных коалиций, сложившихся, например, в Великобритании. М. Олсон не делает особого акцента на особенностях структуры самих групп интересов как организаций, уделяя больше внимания тенденциям развития систем групп интересов.

В связи с этим, как представляется, стоит обратиться к результатам исследований О. Уильямсона, одного из основоположников экономического неоинституционализма как теории транзакционных издержек, уделявшего много внимания организационным формам. «Организационное многообразие преследует цель поиска различных путей минимизации транзакционных издержек»¹², утверждает автор «Рынков и иерархий»¹³ и «Экономических институтов капитализма». Анализ О. Уильямсона экономических организаций построен на исследовании контрактных отношений и транзакционных издержек, институты рассматриваются как механизмы управления контрактными отношениями.

Приведем результат О. Уильямсона, который может быть применен для анализа групп интересов. Выбор организационной формы управления контрактом, казалось бы, располагается в диапазоне между полюсами: рынком и внутрифирменным иерархическим административным управлением. При высоком уровне неопределенности нужно либо единое управление, гарантирующее выполнение обязательств, т. е. фирма, либо отсутствие каких-либо механизмов управления вообще, т. е. рынок.

Согласно О. Уильямсону, для среднеспецифичных активов и низкой неопределенности (что подразумевает высокий уровень доверия между сторонами) оптимальная форма управления контрактом не рынок и не фирма (административная иерархия), а гибридная форма управления. Гибридная форма контрактации (по О. Уильямсону) – долгосрочные контрактные отношения, сохраняющие автономность их участников, но обеспечивающие по сравнению с рынком дополнительные транзакционно-специфические гарантии¹⁴. Эти гарантии возникают в ситуации, когда между участниками контракта «развиваются межинституциональные и межличностные доверительные отношения»¹⁵.

Контракт двух участников – не что иное, как вырожденный случай организации и ее устава. Гибридная форма контрактации описывает, с моей точки зрения, вырожденный до двух участников случай организации ассоцианистского типа. Оптимальное соответствие, по О. Уильямсону, структур управления и формы организации контракта параметрам транзакции представлено в табл. 2¹⁶.

Попробуем интерпретировать результаты О. Уильямсона для случая не экономических, а политических организаций. Для этого потребуется привлечь положения теории общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок). В рамках этой концепции политический процесс – это рыночная сделка, обмен, транзакция, в которой «каждый заботится о себе и только о себе, что логически вытекает из методологического принципа рационального индивидуализма.

Избиратели отдают “государственным мужам” голоса на выборах и налоги в госбюджет, получая за это производимые правительством общественные блага (например, военную защиту), а также некоторые частные блага (например, социальные пособия, бюджетные субсидии и кредиты)»¹⁷.

Таблица 2

Выбор оптимальной формы организации контракта
из всего спектра экономических обменов
в соответствие с параметрами трансакции

Параметры трансакции	Низкий уровень специфичности активов в контракте	Средний уровень специфичности активов в контракте	Высокий уровень специфичности активов в контракте
Высокий уровень неопределенности	Рынок		Фирма
Низкий уровень неопределенности	Рынок	Гибридная форма управления	Фирма

Считая политический процесс трансакцией, получаем следующую схему (см. табл. 3) соответствия политических организационных форм параметрам трансакций, таким как уровень неопределенности (обратно пропорциональный уровню межличностного доверия) и уровень специфичности.

Уровень специфичности в политической сфере, по-видимому, следует интерпретировать как свободу выбора агента в политическом обмене. Низкий уровень соответствует высокой степени свободы выбора политической программы партии на свободных выборах (без необходимости вступления в эту партию). Высокий уровень специфичности следует интерпретировать как идиосинкратичность государственного управления (т. е. можно выйти из системы государственного административного управления только сменив гражданство). Средний уровень специфичности будет соответствовать системе групп интересов, когда принадлежность к группе хотя и не является раз и навсегда данной, но налагает определенные нормативные обязательства.

Таким образом, группы интересов (или организации ассоциативного типа, или распределительные коалиции) предстают как вполне закономерная форма организации политического обмена. Форма, не вытесняющая иерархические административные струк-

туры управления или рынок политических партий, а дополняющая их в условиях достаточно высокого уровня межличностного доверия в обществе. В этом, по-видимому, состоит аналитический вклад применения неоинституциональной концепции транзакционных издержек О. Уильямсона и базовых положений теории общественного выбора к проблемам теории групп интересов. Пример синтеза подходов двух теоретических школ оказывается вполне продуктивным.

Таблица 3

Политический процесс как обмен.
Выбор формы организации из всего спектра
политических обменов в соответствии
с параметрами транзакции

Параметры транзакции	Низкий уровень специфичности – свобода выбора	Средний уровень специфичности	Высокий уровень специфичности – идиосинкратичность государства
Высокий уровень неопределенности (Низкий уровень межличностного доверия)	Рынок политических партий	Административное бюрократическое управление	
Низкий уровень неопределенности (Высокий уровень межличностного доверия)	Рынок политических партий	Группы интересов (ассоциативные) = организации ассоциативного типа = распределительные коалиции	Административное бюрократическое управление

Разнообразные теоретические подходы к объяснению политических процессов при их применении к интерпретации понятия группы интересов дают непротиворечивую и взаимодополняющую картину этого феномена. И, как представляется, дальнейшее продвижение аналитических исследований групп интересов и систем групп интересов возможно на основе методологического синтеза разных подходов.

-
- ¹ *Дестярев А.А.* Принятие политических решений: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2004. С. 111.
 - ² Обзор данных школ см.: *Павероз А.В.* Группы интересов в политике. СПб.: Изд-во РХГА, 2015.
 - ³ *Парсонс Т.* Система современных обществ М.: Аспект Пресс, 1998. С. 41.
 - ⁴ *Парсонс Т.* О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // *Парсонс Т.* Система современных обществ. С. 244.
 - ⁵ *Парсонс Т.* Система современных обществ. С. 155.
 - ⁶ *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 134.
 - ⁷ *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996; *Putnam R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000.
 - ⁸ *Norris P.* Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2002.
 - ⁹ *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995; *Он же.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Нов. изд-во, 2013.
 - ¹⁰ *Олсон М.* Возвышение и упадок народов... С. 103–104.
 - ¹¹ *Truman D.* The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. N. Y.: Knopf, 1967. P. 59.
 - ¹² *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. С. 631.
 - ¹³ *Williamson O.* Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: Free Press, 1975.
 - ¹⁴ *Уильямсон О.И.* Указ. соч. С. 689.
 - ¹⁵ Там же. С. 120.
 - ¹⁶ Таблица составлена на основе графика, см.: *Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М.* Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2006. С. 245
 - ¹⁷ *Патрушев С.В.* Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Полит. наука. 2001. № 2. С. 164.

Политико-коммуникативное взаимодействие государства и общества в современной России

Статья посвящена вопросам политико-коммуникативного взаимодействия государства и общества, а также становления и использования политико-коммуникативных практик в России в период с 2000–2010 гг. Автор связывает развитие политико-коммуникативной сферы с формированием гражданского общества в стране, отмечает важность и ключевую роль государственных коммуникаций в процессе стратегического проектирования, создания площадки для общественного диалога. В статье рассматривается роль социальных сетей как альтернативных и независимых источников информации и средств выражения общественного мнения.

Ключевые слова: политико-коммуникативные практики, государственная коммуникация, гражданское общество, связи с общественностью, общественный диалог.

Использование политико-коммуникативных практик в современной России имеет определенную специфику и ряд характерных черт, отраженных в теоретических подходах специалистов и исследователей коммуникативной сферы. В статье рассматривается период становления политико-коммуникативных практик в России, охватывающий два первых президентства В.В. Путина¹.

В первую очередь, политико-коммуникативное взаимодействие государства и общества в России характеризуется тем, что в современной отечественной политологии не существует однозначной дефиниции, позволяющей определить коммуникационные технологии как социальный феномен и провести их классификацию на основе унифицированных критериев².

Достаточно часто используемый термин «правительственные коммуникации»³ представляется слишком узким, поскольку не отражает многообразия уровней и видов коммуникативного взаимодействия властных структур с обществом. Подобный подход практически исключает из коммуникационного взаимодействия

власти и общества целый ряд важнейших институтов, в первую очередь относящихся к законодательной и судебной ветвям власти. Иной подход предполагает термин «государственная коммуникация», который понимается как регулирующий и координирующий механизм во взаимоотношениях государства и общества, обеспечивающий стабильность и эффективность функционирования общественного организма в целом⁴.

Также существует характеристика коммуникативных технологий, которая выражается в том, что их рассматривают через призму предвыборных кампаний, в ходе которых происходит активное коммуницирование политических лидеров и электората.

Такой тип коммуникативного взаимодействия власти и общества, который направлен на формирование постоянного конструктивного диалога с целью обеспечения легитимности существующего порядка, придания ему стабильности, а также с целью обеспечения «обратной связи» между государством и обществом, практически не исследован. Этот теоретический подход, по сути, является лишь отражением сложившейся политической практики. Данный вид коммуникации не слишком широко распространен и в практике деятельности российских политических субъектов (органов государственного управления в том числе), которые предпочитают серию информационных «атак» в электоральный период планомерному формированию общественного мнения с использованием механизма обратной связи⁵.

Однако меняющаяся социально-политическая и экономическая ситуация в нашей стране диктует иные приоритеты в области коммуникативной политики. Сама российская политическая система и этапы ее становления в последние десятилетия способствовала возникновению новых способов политической коммуникации в постсоветской России.

Стоит отметить, что сегодня одним из наиболее востребованных направлений определения научно обоснованных вариантов решения актуальных проблем общественного развития выступает политическое проектирование⁶. Возрастающий интерес к возможностям использования проектного менеджмента в политико-коммуникативной сфере обусловлен прежде всего стремлением к повышению степени эффективности управления социально-политическими процессами. Проектирование предполагает создание вполне конкретного образа будущего, обладающего некоторыми желаемыми свойствами и характеристиками.

Каким образом складывалось политико-коммуникативное взаимодействие власти и общества в современной России в последние 20 лет? В 1990-х годах сформировалось информационное

пространство, обладавшее определенными характеристиками, к которым исследователь С.В. Володенков относит деидеологизацию и отсутствие тотальной цензуры со стороны государства, отсутствие ограничений на информационное освещение запрещенных ранее тем и событий; увеличение числа доступных населению информационных каналов; внедрение интерактивных методов коммуницирования (телемосты с США), прямые эфиры с возможностью населения высказывать в режиме реального времени свою точку зрения, интерактивные голосования в прямом эфире и т. д.⁷

В этот период информационное взаимодействие общества и власти стало именно моделью взаимодействия, а не информационного управления со стороны государства, как прежде. Появились элементы двухсторонней коммуникации между властью и обществом, посредством СМИ общество получило возможность артикулировать свои запросы по отношению к власти. Также появилась возможность публичных оценок деятельности государства и представителей власти со стороны населения. В отдельных случаях формировались механизмы влияния на принятие государственных управленческих решений со стороны населения посредством выражения общественного мнения через крупные СМИ, реагировавшие на массовые настроения. Выросло влияние самих журналистов на деятельность представителей власти посредством формирования общественного мнения по отношению к чиновникам различного уровня. Более того, у чиновников практически всех уровней появилась необходимость контактировать с представителями СМИ для формирования собственного политического имиджа, реагировать на публичные запросы⁸.

Однако формирование нового информационного пространства привело и к возникновению ряда существенных негативных моментов, имевших далеко идущие последствия. Так, критическое отношение значительной части СМИ к органам государственной власти и ее представителям (порою основывавшееся исключительно на стремлении привлечь массового потребителя информации) повлекло за собой существенный подрыв доверия со стороны населения к государству как основному институту власти (к примеру, телеканал НТВ проводил в 90-е годы ярко выраженную оппозиционную по отношению к государственной власти информационную политику).

Кроме того, появление большого числа коммуникативных центров влияния, зачастую обслуживавших политические и экономические интересы появившихся в России финансово-промышленных групп, привело к разрыву на территории Российской Федерации широкомасштабных информационных войн.

Характерными для данного периода времени стали такие явления, как потеря единой государственной информационной политики и эффективных механизмов влияния государства на формирование и изменение общественного сознания, хаотизация информационного поля, приведшая к его крайне слабой структурированности⁹.

Важной проблемой, порожденной созданием большого числа независимых информационных каналов, стало появление широких возможностей для внешнего идеологического воздействия на российское общество со стороны крупных зарубежных групп влияния, цели которых были направлены на подрыв государственной стабильности и безопасности. Более того, многие средства массовой информации создавались именно для реализации данных целей.

Обратная связь от общества к государству приобрела весьма специфический характер в силу того, что различные группы влияния (как внутри страны, так и вне ее) получили возможность артикулировать свои интересы на уровне государственной власти опосредованно, через манипулирование общественным сознанием (посредством подконтрольных им средств массовой информации). Сформированный посредством интенсивной информационной манипуляции социальный запрос общества, по сути, являлся опосредованным запросом именно тех сил, которые активно использовали доступные им СМИ с целью получения возможности влияния на принятие решений на уровне государства, т. е. на процесс государственного управления в целом в собственных интересах. Формирование подобного рода механизма влияния на власть привело к тому, что информационные взаимоотношения между властью и обществом по большому счету перестали носить характер взаимодействия. Сформированные под влиянием средств массовой информации массовые установки и общественные запросы зачастую не имели ничего общего с объективными интересами общества.

За последнее десятилетие в России произошло формирование и становление новых политических реалий, связанных с деятельностью специалистов в сфере политических PR-практик. Этот период имеет временную протяженность, охватывающую президентства В.В. Путина, и является ярким продолжением профессионального использования политического PR и политических технологий в 1997–2000 гг. Связан этот процесс с тем, что перед руководством страны на 2000 г. стояли новые грандиозные задачи в политико-коммуникативной сфере, в частности повышение рейтинга президента в новых политических условиях, изменение риторики российских властей на международной арене и попытки создания новых идеологических конструкций, объединяющих вокруг себя и артикулирующих интересы граждан России.

Характерной особенностью современного политического дискурса в России¹⁰ является сосуществование различных технологий информационного воздействия и политических практик: политической пропаганды, политической рекламы, политического PR, новостного менеджмента и др. Такое положение обусловлено природой информационного общества, где с возрастанием глобальной роли средств массовой информации наблюдается интенсивная медиатизация всех сторон общественной жизни, в том числе сферы политических коммуникаций.

В процессе политической коммуникации значительные трансформации переживают сегодня и такие традиционные функции СМИ, как информационная и посредническая¹¹. Все чаще использовались ресурсы массмедиа, например, для популяризации того или иного кандидата на выборах или политического деятеля. Происходит широкое внедрение коммуникативных политических технологий и механизмов манипулятивного информационного воздействия на массовую аудиторию в структуру СМИ.

В статье С.В. Паулова «Новые тенденции развития массмедиа как элемента системы политической коммуникации» прогнозировалось появление единого интегрированного комплекса массовых коммуникативных технологий в системе политической коммуникации. Задачей этого комплекса является не просто пропагандистское и информационное воздействие на аудиторию в целях политического влияния, традиционно осуществлявшееся через СМИ и носившее преимущественно тактический и фрагментарный характер. Главной задачей может стать реализация долговременной комплексной стратегии политического управления и влияния, конструирование с помощью СМИ новой политической реальности¹².

Значимым средством государственной коммуникации с общественностью Д.М. Чегин считает коммуникации через организации¹³. Связующим звеном здесь являются политические партии, инициативные группы, некоммерческие организации, которые опосредуют взаимоотношения между политической системой и средой.

Большое влияние на государственную деятельность оказывают взаимодействие государства и общественных организаций и осуществление лоббистской деятельности. Как отмечают в своей работе А. Зверев и А. Юдельсон, государству и общественным организациям необходимо поддерживать систему постоянных сложившихся коммуникаций, пространство диалога между своими представителями в социальных коммуникациях страны¹⁴. Снижение значения такой переговорной площадки, которую принято обозначать аббревиатурой GR (Government Relations – взаимодействие с органами

государственной власти), может привести к нарастанию проблем в социальной и политической сферах. Особенно опасна подмена такой коммуникативной площадки системой взяток и директив, ведущей к разрастанию коррумпированности политической власти и общества.

Личные контакты кандидатов с избирателями уступают место широкомасштабному использованию, прежде всего, телевидения, которое более эффективно «продвигает» политический товар. Стилизация телевизионного жанра коренным образом меняет политический стиль. Актуальным становится не доминирование, а общение, умение расположить к себе людей, установить с ними контакт. В центр избирательных кампаний выдвигаются не политические идеи и дискуссии, а личность и имидж политиков; происходит то, что называют персонализацией и «депрограмматизацией» политической борьбы¹⁵.

Стоит отметить, что, помимо традиционных СМИ, в политических коммуникациях активно задействован Интернет, социальные сети, которые уже прочно вошли в круг инструментов PR для политических структур. Способы применения сетевых технологий в политическом PR постепенно эволюционировали от создания простого, презентационного веб-ресурса к конструированию комплексных интерактивных каналов интернет-коммуникации и виртуальных сообществ¹⁶.

Применение Интернета как инструмента политического PR постепенно изменяло способы деятельности и рефлексии не только политиков, но и социально активной части общества. Использование киберпространства проявилось в широком распространении объединений и сообществ, альтернативных прежним формальным структурам гражданского общества. Сетевые формы активно распространяются в деятельности политических партий.

Мобилизация сторонников путем создания сообществ в Интернете стала основным трендом российской политики последних лет¹⁷. Степень политизированности контента в сети очень высока, возможно, это связано с тем, что в отечественной прессе высказать свои политические взгляды более затруднительно.

Как коммуникативный сервис социальные сети являются одной из популярных услуг широкополосного второго веба или веб 2.0, т. е. такой разновидности сайтов, на которых контент создают сами пользователи, доступ к контенту не зависит от количества пользователей и обновление контента происходит без перезагрузки компьютера¹⁸.

Популярность социальных сетей как коммуникативного механизма объясняется не только доступностью и дешевой необходимостью для его создания и функционирования программного

обеспечения и простотой работы с ними, но также и их уникальной социальной ролью в различных коммуникативных практиках (политической, образовательной, научной, медийной и т. д.)¹⁹, что, по мнению ряда ученых, позволяет говорить о новой форме социальной коммуникации²⁰.

Социальные сети зачастую рассматриваются как мощные альтернативные и независимые источники информации и средство выражения общественного мнения. Сегодня ни одна крупная политическая акция не обходится без привлечения социальных сетей как средств получения и распространения информации и формирования нужного политического имиджа, а также в целях отбора и консолидации политических сторонников²¹.

Страница в социальной сети может служить испытательной платформой для тех или иных политических манипуляций или проверки определенных идей и концепций. Часто она служит альтернативной площадкой для выражения оппозиционного мнения, когда практически все другие виды медиа (телевидение, газеты, радио) становятся недоступны оппозиции.

К исключительно политическим функциям социальных сетей можно отнести следующие: политико-мобилизационную (включая консолидацию или организацию нужного электората, проведение флэш-мобов, разнообразных политических акций); политико-имиджевую и политико-рекламную, а также функцию политической социализации электората²².

Необходимо заметить, что в последнее время социальные сети стали также цензорами традиционных медиа. Большая часть контента политических блогов является результатом мониторинга того же медийного пространства. Политически значимое событие для блоггера – это часто то, что происходит в самих медиа, а не во внемедийной реальности²³. Блоггеры могут выбирать для обсуждения и те новости, которые не публикуются традиционными СМИ, и освещать те истории, которые традиционные СМИ предпочитают часто обходить молчанием, руководствуясь иными критериями значимости события.

Тем не менее существует ряд фундаментальных проблем, характерных как для взаимодействия власти и общества в целом, так и для конкретных PR-практик, применяемых в данной сфере.

В работе М.А. Шишкиной указываются системные недостатки российских государственных связей с общественностью: непрозрачность и закрытость государственной системы и, как следствие, отсутствие реальной управляемой связи между общественным мнением и приоритетами государственной политики

в области PR; неэффективное управление ресурсами, выделяемыми на государственную PR-деятельность²⁴.

Более того, по мнению М.А. Шишкиной, к недостаткам можно отнести сверхцентрализацию управления государственными связями с общественностью и достаточно слабую гибкость и мобильность системы, «нетехнологичность» PR-продукции (государственная система не обеспечивает массовую реализацию PR-программ), а также нерешенность проблем интеллектуальной собственности в сфере разработки программ управления общественным мнением.

По мнению исследователя Е.И. Корнеевой, в государственной PR-деятельности существует подход, указывающий на необходимость усиления роли государства в управлении общественными коммуникациями²⁵. При этом развитие отечественных связей с общественностью со стороны государства связывают в основном с увеличением бюджетного финансирования, предоставлением различного рода налоговых льгот²⁶.

Государственная политика в области управления связями с общественностью за последнее 10–15 лет, как считает Е.И. Корнеева, представляла собой компромисс патерналистского (больше законодательного регулирования сферы коммуникаций со стороны государства) и либерального (саморегулирование) подходов, реализуемых ее субъектами – администрацией главы государства, глав субъектов Федерации, министерствами, профессиональными ассоциациями и профильными PR-агентствами²⁷.

Целью государственной политики России в области связей с общественностью, как отмечает И. Богатырев, должно стать преодоление социально-технологического кризиса²⁸. Многие государственные программы выделяют государственную политику в области связей с общественностью как составную часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к социально-коммуникационной и PR-деятельности, определяет цели, задачи, направления и формы деятельности органов государственной власти в области управления массовыми коммуникациями и реализации достижений современных PR-технологий²⁹.

Для государственного управления характерен особый стиль отношений с общественностью и средствами массовой информации, определяемый обоснованным стремлением общественности знать через СМИ все, что происходит в государственных учреждениях.

Подводя итоги, следует признать, что в органах государственной власти России PR-службы имеют свои особенности в осуществлении коммуникативной деятельности, слишком велик соблазн

опереться на чисто административные средства управления – распоряжения, приказы, указания³⁰. Хотя деятельность PR-служб государственной власти должна быть связана с представлением интересов различных сторон, в органах власти и управления, как полагает профессор РФ В.С. Комаровский³¹, зачастую под связями с общественностью понимается пропаганда успехов администрации, где сама программа деятельности строится, исходя из личных пристрастий и предложений главы администрации. В таком случае фундаментальные принципы связей с общественностью – согласование интересов, паритетное управление, солидарное разрешение конфликтов – трансформируются в правила пропаганды, не позволяющие реализоваться целям «паблик рилейшнз» в полном объеме.

По оценке Е. Тарашвили, необходимо повышение активности государства в области связей с общественностью, приобретение им статуса основного заказчика PR-услуг. Это ожидание он связывает с увеличением количества предложений по PR-поддержке экономической деятельности государства. Правительственным структурам будут нужны информационные кампании по пропаганде принимаемых решений, чтобы граждане страны понимали логику дальнейших мер, которые государственные чиновники планируют проводить в жизнь³².

Д.М. Чегин заключает, что в нашей стране стратегическое и долгосрочное планирование связей с общественностью пока не получило широкого распространения в силу целого ряда причин³³. Это и объективные по отношению к субъектам государственной коммуникации причины (нестабильность политической и экономической ситуации не способствует развитию таких форм коммуницирования), и субъективные, внутренние противоречия в развитии самой системы государственного управления, к которым можно отнести отсутствие опыта, знаний методик коммуницирования, а также неактивность чиновников в выстраивании общения с населением на новых, открытых, демократических основах.

Каналогичному выводу приходит исследователь Е.В. Галкина³⁴. Она отмечает, что в целом в России еще предстоит сформировать и отладить механизм повседневной коммуникативной деятельности в органах государственной власти и в сфере гражданского общества, где работа специалистов станет эффективной лишь тогда, когда органы государственной службы или гражданские инициативные группы, получая полную информацию об общественном мнении, используют ее в качестве органически встроенной части как в процесс принятия государственного решения, так и в деятельность органов государственной власти.

Наиболее яркой характеристикой современного политико-коммуникативного взаимодействия государства и общества в России является тот факт, что государственный PR чаще всего является заложником «политики ходов» (по формулировке Д. Орлова)³⁵. Это проявляется в том, что политическая власть вынуждена постоянно выступать с более или менее краткосрочными инициативами, которые при соответствующем PR-сопровождении в целом благоприятно воспринимаются населением и поддерживают рейтинг доверия Президенту РФ и элите в целом. Но при таком подходе к информационной политике решение реальных и долгосрочных проблем в других сферах, например в российской экономике или социальной сфере, остается вне конструктивной повестки дня. Таким образом, PR служат лишь для достижения краткосрочных политических целей, а их достаточно широкие возможности мобилизации не используются в полной мере.

Проанализировав приведенные в статье характерные черты политико-коммуникативного взаимодействия власти и общества современной России, необходимо отметить, что многочисленные дискуссии на тему гражданского общества в нашей стране демонстрируют высокий интерес в целом к проблеме построения диалога между властью и обществом, а также его информационной составляющей. Государственная коммуникация является регулирующим и координирующим механизмом во взаимоотношениях государства и общества, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования общественного уклада в целом. Если стратегические цели власти не соответствуют ожиданиям общества, власть рискует столкнуться с его сопротивлением, ростом социальной напряженности и потерей легитимности³⁶. В связи с этим необходимость расширения публичного диалога государства и общества актуализируется особенно с точки зрения использования политико-коммуникативных практик.

Российская практика политического проектирования, к сожалению, показывает, что Интернет-технологии по-прежнему рассматриваются как органами власти, так и общественными объединениями преимущественно в качестве еще одного инструмента «вещания», информирования, распространения одностороннего потока сообщений от коммуникатора к адресатам³⁷.

В заключение хотелось бы отметить, что в мировой практике «успешных» государств процесс стратегического проектирования является публичным, предусматривающим институционализированное участие гражданского общества, и благодаря публичности он становится площадкой общественного диалога, в котором формируется консенсус относительно приоритетов и целей развития

на долгосрочную перспективу³⁸. Без образа желаемого будущего как цели пропадает мотивация развития общества, теряется смысл самого существования нации. Как показало исследование Института социологии РАН, россияне считают целеполагание для развития одной из главных функций государства, а политика рассматривается как сфера взаимодействия государства и граждан³⁹.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Дениева А.К.* Политико-коммуникативные практики в деятельности Администрации Президента Российской Федерации (2000–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Науч. рук. А.П. Логунов. М., 2013. 27 с.
- ² *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 236.
- ³ См., например: *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001.
- ⁴ См., например: *Громова Т.Н.* Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Вестн. Росс. коммуникатив. ассоц. Вып. 1. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. С. 43–52.
- ⁵ *Кочеткова А.В., Филиппов В.Н., Скворцов Я.Л., Тарасов А.С.* Теория и практика связей с общественностью. СПб.: Питер, 2006. С. 18.
- ⁶ Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерение / Под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. М.: Мир философии, 2016. С. 447.
- ⁷ *Володенков С.В.* Модель информационного взаимодействия общества и власти в современной России [Электронный ресурс] // Сайт Коммуникационной группы ГЗ. URL: <http://gz-group.ru/projects/infvz.php> (дата обращения: 10.03.2017).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Национальный доклад о доступе к информации о деятельности органов власти в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/library/book351.pdf> (дата обращения: 31.08.2017).
- ¹⁰ *Добросклонская Е.Н.* Пропаганда в системе постсоветского политического дискурса // Социология власти. 2008. № 1. С. 114.
- ¹¹ *Паулов С.В.* Новые тенденции развития массмедиа как элемента системы политической коммуникации // PR-технологии в информац. о-ве: Материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 30–31 марта 2007 г. СПб.: Изд-во СПбПГУ, 2007. С. 15.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Чегин Д.М.* Теоретические и прикладные аспекты государственной коммуникации // PR-технологии в информац. о-ве... С. 20.
- ¹⁴ *Зверев А.Л., Юдельсон А.В.* Обеспечение связей с общественностью и органами государственной власти: Конспект лекций / Нац. ин-т «Высш. шк. управления». М., 2007. С. 107.

- ¹⁵ Елисеев С.М. Политический процесс и политические технологии // PR-технологии в информац. о-ве... С.25.
- ¹⁶ Жукова Е.Н. Неклассические организации в PR политических структур // Там же. С. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Herring S., Scheidt L. A., Kouper I., Wright E. Longitudinal content analysis of weblogs: 2003–2004 // Tremayne M. (ed.) *Blogging, Citizenship and the Future of Media*. L.: Routledge, 2004. P. 3.
- ¹⁹ Burstein D. From Cave Painting to Wonkette: A Short History of Blogging // Kline D., Burstein D. *Blog. How the Newest Media Revolution is Changing Politics, Business and Culture*. N. Y.: CDS Books, 2005. P. 30.
- ²⁰ Nardi B., Schiano D., Gumbrecht M. Blogging as social activity, or, would you let 900 million people read your diary? // *Proceedings of Computer Supported Cooperative Work 2004*; Drezner D., Farrell H. The power and politics of blogs // *Proceedings of the annual meeting of the American Political Science Association*. Chicago, IL: American Political Science Association, 2004.
- ²¹ Miller C.R., Shepherd D. Blogging as social action: A genre analysis of the weblog // Gurak L., Antonijevic S., Johnson L., Ratliff C., Reyman J. (eds.) *Into the Blogosphere: Rhetoric, Community, and Culture of Weblogs*. Minneapolis, Minnesota: Univ. of Minnesota, 2004.
- ²² Киселев А.А., Самаркина И.В. Интернет: модель и практики политического участия. Краснодар: ООО Оттиск, 2007. С. 103.
- ²³ На пути к маркетингу: Интервью с Линой Удовенко [Электронный ресурс] // Росс. гос. гуманит. ун-т. Официальный сайт. URL: <http://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=29701> (дата обращения: 14.03.2017.).
- ²⁴ Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2003. С. 45.
- ²⁵ Корнеева Е.И. Формирование государственной политики в области управления связями с общественностью: ключевые подходы и приоритетные направления // *Социология власти*. 2007. № 5. С. 91.
- ²⁶ Связи с общественностью в России: Законодательное регулирование, нормативные документы, практика / Сост. и науч. ред. С.А. Большева. М., 1998. С. 90.
- ²⁷ Корнеева Е.И. Указ. соч.
- ²⁸ Богатырев И. Рынок ждет эксклюзива // *Советник*. 2005. № 5. С. 10–12.
- ²⁹ Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг. от 24 июля 1998 г.; Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // *Росс. газ*. 1996. 9 апр.
- ³⁰ Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 62.
- ³¹ Управление общественными отношениями. М.: РАГС, 2003. С. 80.
- ³² Тарашвили Е. Связи с общественностью в государственных структурах [Электронный ресурс] // Сайт Междунар. Пресс-клуба. URL: http://pr-club.com/techn_15.htm (дата обращения: 15.02.2017.).
- ³³ Чегин Д.М. Указ. соч.

- ³⁴ Галкина Е.В. Public Relations в сфере гражданского общества: опыт взаимопроникновения // PR-технологии в информац. о-ве... С. 50.
- ³⁵ Орлов Д. Политическая доктрина суверенной демократии // Сб. Про суверенную демократию. М.: Европа, 2007. С. 25.
- ³⁶ Кулик А.Н. Стратегическое проектирование без гражданского участия? // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы XI Междунар. науч. конф. М.: Мир философии, 2016. С. 27.
- ³⁷ Борисов Н.А., Грачев М.Н. Указ. соч. С. 448.
- ³⁸ Кулик А.Н. Указ. соч. С. 27
- ³⁹ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Кrumma, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. С. 8.

Сравнительная характеристика посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ: 2000–2001

Статья посвящена исследованию посланий Президента Федеральному собранию Российской Федерации 2000–2001 гг. Автор выдвигает предположение, что качественным изменением правового дискурса является включение нового типа источников права в виде документов стратегического планирования. Данное наблюдение позволяет автору взглянуть на разбираемые документы в новом качестве. Статья содержит анализ ключевых тем посланий Президента Федеральному собранию РФ 2000–2001 гг. и позволяет судить о политико-правовой траектории развития Российской Федерации.

Ключевые слова: послания президента, источник права, документы стратегического планирования, органы государственного управления, президент.

Одной из особенностей правового дискурса в Российской Федерации в настоящее время является активное создание государственных документов, которые носят правовой статус документов стратегического планирования. К ним можно отнести: «Государственную стратегию экономической безопасности РФ», «Стратегию государственной антикоррупционной политики РФ», «Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации». Данные документы нельзя назвать исключительно политическими, политические аспекты в таких документах практически всегда сопровождаются необходимостью реагирования с помощью правового регулирования. Связано это с тем, что правовое регулирование является основным средством реализации государственной политики. Подобные размышления наталкивают на мысль о том, что документы подобного рода становятся источниками права нового порядка. В связи с этим возникает необходимость в анализе существующих документов стратегического планирования.

Важнейшим документом подобного рода является «Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию», которое регламентируется Конституцией РФ: «Президент обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства»¹. Современное законодательство относит послания президента к документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне². С этой позиции данный документ представляет для нас особое значение, так как формирует политико-правовой курс государства.

Послания президента 2000 г. и 2001 г. можно назвать знаковыми для России, так как они отражают видение В.В. Путиным проблем, сложившихся в государстве на тот момент. За счет того, что сама сущность посланий позволяет проанализировать ряд вопросов, связанных с личным отношением президента к политической обстановке, особенностями политической культуры и способами решения государственных задач, мы можем сравнить данные послания и последить за формированием нового политического дискурса, присущего В.В. Путину.

Почему существует необходимость в характеристике и сравнении посланий 2000 и 2001 гг.?

Это необходимо, во-первых, для того, чтобы понять, какие проблемы видел перед государством новый президент в конкретный период, изменились ли его представления по прошествии года на позиции Президента Российской Федерации, если изменились, то в чем это выражалось и с чем могло быть связано. Во-вторых, ряд исследователей и средств массовой информации тогда и даже сейчас присваивают посланиям определенные ярлыки, они называют послания «социальными»³, но действительно ли их можно считать таковыми?

Первой проблемой, которую обозначил В.В. Путин в рамках послания Федеральному собранию 2000 г., стал вопрос о реформировании системы налогообложения: «В России наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм. Едва ли не самой острой проблемой последних лет был неразумный уровень налогообложения... Введение единой ставки подоходного налога, снижение размеров отчислений в социальные внебюджетные фонды помогут вывести доходы из тени»⁴. Действительно, в свете экономического кризиса 1998 г. обострилось развитие теневого сектора экономики, которое к 1999 г. достиг своего пика. По подсчетам исследователей, процент сокрытия прибыли на предприятиях составлял 78,7 %, а недоимка по налоговым платежам в консолидированный бюджет на 1 июня

1999 г. составила 318,1 млрд руб., что сопоставимо с доходами консолидированного бюджета за первое полугодие 1999 г. (384 млрд руб.)⁵.

Но не менее интересным представляется контекст, в котором президент говорит об экономических проблемах: «Наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм»⁶. Здесь мы видим первую предпосылку к тому, что президент намерен выстраивать государство, основываясь на идее верховенства закона.

Еще одним основополагающим вопросом послания Федеральному собранию 2000 г. стала проблема внешней политики и государственной безопасности: «В условиях нового для нас типа внешней агрессии – международного терроризма и прямой попытки перенести эту угрозу внутрь страны – Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности... Ответ на эти и многие другие вызовы невозможен без укрепления государства»⁷. Стоит отметить, что курс на укрепление государства был объявлен прошлым президентом России, однако В.В. Путин не раз критиковал его. Одно из таких замечаний можно найти в послании президента Федеральному собранию 2000 г.: «И хотя укрепление государства не первый год провозглашается важнейшей целью российской политики, дальше деклараций и пустых разговоров мы никуда не продвинулись за эти годы. Никуда!»⁸. Стоит отметить, что В.В. Путин заявлял о необходимости укрепления государства и во время своей предвыборной кампании в рамках интервью⁹.

Под усилением государства В.В. Путин понимал усиление политических партий, реализацию свободы слова, содействие объективному восприятию России, реформирование органов государственной власти¹⁰.

Самым важным вопросом послания Федеральному собранию 2000 г. стал вопрос о реформировании органов государственной власти. Если перевести часть послания, касающуюся данного вопроса, в количественный эквивалент, то получится, что вопрос реформирования занимает 1/5 часть выступления президента (1238 слов из 5146 слов). В рамках данного вопроса были обозначены такие проблемы, как отсутствие единой вертикали власти, дублирование государственных функций в нескольких органах, противоречия между региональными и федеральными законами¹¹.

В заключение Президент отметил, что первым этапом модернизации России станет наведение порядка в органах власти¹².

Послание президента Федеральному собранию 2001 г. стало логичным продолжением послания 2000 г. в том плане, что, хотя

президент отчасти и затрагивает темы, которые не поднимались в первом послании, основная часть послания 2001 г. построена на дополнении и раскрытии тем послания Федеральному собранию 2000 г. В.В. Путин акцентирует внимание не на оглашении проблемных зон, а на способах решения проблем, которые уже были обозначены.

Президент в послании Федеральному собранию 2001 г. обращает внимание на вопросы механизма финансирования бюджетных учреждений, разделение полномочий между центром и регионами, недоверие граждан к органам государственной власти, прогрессирующее экономическое отставание¹³.

Однако самым важным вопросом по-прежнему остается проблема эффективности органов государственной власти и их реформирования. Тот факт, что положение о реформировании органов государственной власти в первом послании президента Федеральному собранию находилось в завершающей части речи президента, а в 2001 г. В.В. Путин с этого начинает свое послание, может подтолкнуть нас к неоднозначным выводам, если мы применим такой метод познания, как контент-анализ.

Для начала необходимо определить возможность изучения данных источников в совокупности, следуя ряду критериев, которые должны быть применены к ним¹⁴.

Во-первых, послания президента Федеральному собранию 2000 и 2001 гг. являются источниками одного типа, как мы определили ранее, – стратегическими документами. Они имеют один тип сообщения – послание. У них совпадают заданные стороны, участвующие в процессе коммуникации. Отправителем является президент, получателями являются Федеральное собрание и граждане Российской Федерации. Размер посланий является сопоставимым: 5149 слов в послании 2000 г. и 6246 слов в послании 2001 г. С точки зрения частоты появления сообщений послания сопоставимы, так как правовой статус и периодичность посланий Федеральному собранию РФ закреплена в 84-й статье Конституции РФ: «Президент Российской Федерации: обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства»¹⁵. Способ распространения сообщения совпадает. Послания ежегодно оглашает Президент Российской Федерации.

В качестве выбранной совокупности сообщений мы возьмем завершающую тему послания президента Федеральному собранию 2000 г. Так как послания президента достаточно четко структурированы и разделены на логические блоки, нам не составит труда выделить часть послания, относящуюся к обозначению

проблем органов государственной власти. Данный блок начинается со слов: «Нерешительность власти и слабость государства сводят на нет экономические и другие реформы. Власть обязана опираться на закон и сформированную в соответствии с ним единую исполнительную вертикаль»¹⁶. Аналогичный блок содержится в послании президента Федеральному собранию 2001 г. Стоит отметить, что он является частью вступительных слов президента. Начало данного блока можно обозначить фразой: «Стратегической задачей прошлого года было укрепление государства – государства в лице всех институтов и всех уровней власти. Было очевидно: без решения этой ключевой проблемы нам не достичь успехов ни в экономике, ни в социальной сфере»¹⁷. Таким образом, мы видим еще одно подтверждение того, что послание президента 2001 г. является прямым, четко продуманным продолжением послания 2000 г. В завершении послания Федеральному собранию 2000 г. президент обозначает приоритетные задачи, на которые Федеральному собранию необходимо обратить особое внимание. В послании 2001 г. президент подводит итоги прошедшего года и обращает внимание Федерального собрания на то, что, хотя работа в данном направлении и начата, этого недостаточно для решения проблем, стоявших перед государством.

Послания президента Федеральному собранию не раз подвергались исследованию с помощью контент-анализа. Однако в основной массе исследований применяется метод количественного контент-анализа, что, безусловно, позволяет исследователям решать задачи, поставленные в их исследованиях. Среди таких работ можно выделить статью М.В. Гаврилова «Контент-анализ посланий Президента России Федеральному собранию»¹⁸, статью А.М. Дроздова и В.Е. Зорькина «Некоторые размышления о значении ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации»¹⁹, статью И.В. Сибирякова «Ретроспективный анализ посланий президента В.В. Путина к Федеральному собранию Российской Федерации 2000–2007 гг.: в лабиринтах “Вызовов” и “Угроз”»²⁰.

Данный вид анализа позволит учесть некоторые особенности невербальной коммуникации:

- 1) место сообщений в общей структуре посланий президента;
- 2) расстановка смысловых акцентов в речи президента;
- 3) жестикуляция;
- 4) эмоциональная окрашенность сообщений в речи президента.

Если место сообщений, связанных с необходимостью реформирования органов государственного управления, в рамках данной статьи мы уже определили – это можно было сделать без опоры

на видеозаписи посланий президента Федеральному собранию, то остальные особенности можно выявить, лишь опираясь на видеозаписи.

Проследить расстановку смысловых акцентов в послании президента Федеральному собранию 2000 г. достаточно просто, так как в своей речи президент делает четкие паузы в наиболее важных местах, а также выделяет некоторые слова громкостью голоса и скоростью произношения. Например, во фрагменте «На государственной службе нужны профессионалы, для которых единственным критерием деятельности является закон. Иначе государство открывает дорогу коррупции. И может наступить момент, когда оно просто переродится, перестанет быть демократическим» президент делает акценты на словах «единственный критерий» и «закон». Во фразе «Вот почему мы настаиваем на единственной диктатуре – диктатуре Закона» акценты также делаются на словах «единственной» и «закона», а пауза в речи – перед словосочетанием «диктатура закона». Во фрагменте «Но без согласованной работы с региональными и местными властями федеральные органы власти ничего не добьются. Власть на местах также должна стать действенной» акцент делается на словосочетаниях «без согласованной работы» и «федеральные власти ничего не добьются»²¹. Это лишь несколько примеров расстановки акцентов в речи президента 2000 г., однако они являются показательными, так как в одном сообщении акцент делается на обозначении проблемы и на способе ее решения.

Послание президента Федеральному собранию 2001 г. можно назвать логическим продолжением послания 2000 г., так как смысловые акценты в области проблем органов государственного управления не смещаются: «Первая задача – это определение конкретных, четких полномочий центра и субъектов Федерации в рамках их совместной компетенции, это разграничение федеральными законами, хочу это особо подчеркнуть, именно федеральными законами, предметов ведения и полномочий между федеральным центром и региональным уровнем управления»²². Акценты в данном случае ставятся на следующих смысловых конструкциях: «определение четких полномочий» и «именно федеральными законами».

Стоит отметить, что при применении качественного контент-анализа исследователи редко прибегают к анализу такого, в данном случае дополнительного, средства коммуникации, как жестикуляция. Я считаю, что это не совсем правильно. В первую очередь, послание президента Федеральному собранию – это выступление, которое содержит визуальную и аудиальную информацию. Жестикуляцию можно отнести к типу визуальной коммуникации.

Послания президента В.В. Путина Федеральному собранию не так богаты по количеству жестов, используемых в ходе выступления, однако они все же присутствуют. Таким образом, подобные жесты символизируют о наивысшей точке эмоционального восприятия президента. Во время произнесения разбираемых сообщений можно выделить жест, использованный президентом в послании 2000 г. во время фразы «Вот почему мы настаиваем на единственной диктатуре – диктатуре Закона. Вот почему так важно указать границы той области, где государство является полноправным и единственным хозяином»²³. Акцент на словосочетании «государство является полноправным и единственным хозяином» был дополнен президентом жестом, который специалисты называют «Внимание». Логичным выводом относительно его использования в данном контексте является то, что президент хотел обратить на данное положение особое внимание. В послании 2001 г. президент также использует жест «Внимание»²⁴, делая акцент на том, что разделение полномочий центра и регионов должно происходить посредством принятия соответствующих федеральных законов: «Первая задача – это определение конкретных, четких полномочий центра и субъектов Федерации в рамках их совместной компетенции, это разграничение федеральными законами, хочу это особо подчеркнуть, именно федеральными законами»²⁵.

О значении эмоциональной окрашенности речи для политиков и ораторов написан не один труд. От того, как произнесены те или иные фразы, смысл выступлений может кардинально меняться. В одной из своих статей В.А. Георгиевская, специалист в области голосовых коммуникаций, сказала: «Произносим “я требую!”, а звучит едва-едва “я прошу”. Говорим (и чувствуем) “я скучал без тебя!”, а звучит “умирал от скуки”. Слова выражают яростный гнев, а интонации – простое недовольство»²⁶. Огромное значение в эмоциональной окраске играет интонация, с которой сделано сообщение, громкость и тембр голоса. На первый взгляд послание 2000 г. можно назвать более интенсивным относительно послания 2001 г., и это действительно так. Если взять количество слов, которые употребил В.В. Путин, и поделить на продолжительность выступления, то мы получим количество слов, произнесенных президентом за одну минуту. Таким образом, если перевести получившееся значение в процентное соотношение, то мы выясним, что темп речи президента в 2000 г. на 28 % быстрее, чем в 2001 г. Речь президента в рамках послания Федеральному собранию в 2000 г. можно назвать более эмоционально окрашенной, так как при расстановке акцентов президент говорил громче,

чем в аналогичном случае в 2001 г. Послание президента 2000 г. можно охарактеризовать как четкое и ритмичное. Послание же 2001 г. можно назвать более спокойным. Отсюда можно сделать вывод, что между 2000 и 2001 гг. произошел положительный сдвиг и В.В. Путин это понимал.

Таким образом, первые послания президента В.В. Путина Федеральному собранию отражают в значительной степени как его собственное видение, так и определенные общественные настроения. Явное совпадение прослеживается в том, что после кризисов 1990-х годов в обществе в определенной степени сформировала активный запрос на сильную и эффективную власть. Этот запрос стимулировался жестким экономическим кризисом 1998 г., наличием террористических угроз внутри Российской Федерации, резким ухудшением внешнеполитических позиций РФ после югославских событий. Путин улавливает эти настроения (а как покажет дальнейшая история, они вполне отражают и его собственное политическое видение) и выдвигает в центр стратегического планирования задачу радикального усовершенствования органов государственного управления.

Несмотря на то что в литературе сложилось представление о том, что главным лейтмотивом первых посланий президента была социально-экономическая проблематика, нельзя не прийти к заключению, что острота экономических проблем воспринималось президентом Путиным как следствие слабости и неэффективности государственного управления. Этот акцент и позволил ему определить ряд приоритетных задач в сфере государственной деятельности. Среди них можно выделить:

- 1) законодательное регулирование функций органов государственного управления;
- 2) реформирование системы налогообложения для противостояния развитию теневого сектора экономики;
- 3) реформирование механизма финансирования бюджетных учреждений;
- 4) разделение полномочий между центром и регионами.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации // Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LA W&n=2875&fld=134&dst=100329,0&rnd=0.35790995412840554#0> (дата обращения: 08.03.2017).

- ² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (действующая редакция, 2017) [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 08.03.2017).
- ³ 12 посланий президента России: ключевые темы, тезисы, обещания [Электронный ресурс] // Изв. URL: <http://izvestia.ru/news/648682> (дата обращения: 15.01.2017).
- ⁴ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 08.07.2000 г. «Какую Россию мы строим» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/ (дата обращения: 08.03.2017).
- ⁵ *Иванова А.Б.* Исследование причин распространения теневой экономики в России // Эконом. журн. ВШЭ. 1999. № 4. С. 543.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Интервью В.В. Путина телеканалу ОРТ [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24373> (дата обращения: 07.03.2016).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 03.04.2001 г. «Не будет ни революции, ни контрреволюций» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30989/ (дата обращения: 13.01.2017).
- ¹⁴ *Мангейм Дж. Б, Рич. Р.К.* Политология: методы исследования // Б-ка Михаила Грачева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 1995–2017. URL: http://grachev62.narod.ru/Mr/Mr_og.html (дата обращения: 12.01.2017).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Гаврилов М.В.* Контент-анализ посланий Президента России Федеральному собранию // Полит. анализ. 2003. № 4. С. 64–82.
- ¹⁹ *Дроздов А.М., Зорькин В.Е.* Некоторые размышления о значении ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации // Юрид. мысль. 2006. № 3. С. 32–34.
- ²⁰ *Сибиряков И.В.* Ретроспективный анализ посланий президента В.В. Путина к Федеральному собранию Российской Федерации 2000–2007 гг.: в лабиринтах «Вызовов» и «Угроз» // Социум и власть. 2014. № 1. С. 115–121.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» [видеозапись] // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 1993–2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 14.01.2017).

- ²⁴ *Назипов А.З.* Распознавание динамических жестов. Получение траектории жеста // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования. 2015. № 1. С. 76–78.
- ²⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.04.2001 «Не будет ни революции, ни контрреволюций» [видеозапись] // Официальный сайт президента РФ [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 1993–2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 14.01.2017).
- ²⁶ *Георгиевская В.А.* Интонационная выразительность речи // Ун-т риторики и ораторского искусства [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор. 1993–2017. URL: <http://orator.biz/library/tina/intonation/> (дата обращения: 14.01.2017).

Нужна ли революция в методиках преподавания иностранного языка: роль коммуникации и прагматические аспекты проблемы

Автор статьи предпринимает попытку теоретического осмысления природы учебной иноязычной коммуникации, подвергая компаративному анализу условия изучения иностранного языка, с одной стороны, и овладения родным – с другой. Потенциальным продуктом обоих процессов можно считать *смысл*, который в случае с коммуникацией на родном языке порождается, обсуждается, принимается или отклоняется непосредственно в момент коммуникации, а в случае с иноязычной – выступает как рефлексия на коммуникативный акт, осуществляемая после его завершения.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация, коммуникативная компетенция, иностранный язык, смысл, социально-культурный контекст, мотивационные основания, текст, симуляция.

Если бы какой-нибудь народ знал только
свой родной язык... если бы в его кругозор
не входило загадочное чужое слово... такой
народ никогда бы не создал философию языка.
М.М. Бахтин

Попытка рассмотрения в некотором онтологическом единстве двух феноменов – языка и коммуникации – предполагает, что, будучи пространством обмена смыслами, коммуникация немыслима без языка, но и язык неминуемо обращен к Другому, а значит, несет в себе тот внутренний заряд, который и определяет человека как homo communicativus, а человеческую коммуникацию как речевую.

Мы постигаем язык коммуникации и сами коммуникативные практики в процессе коммуницирования на языке. Другими словами, язык в речевом общении предстает перед нами одновременно как цель и средство, определяя характер смыслового наполнения

коммуникации: от обыденной, ежедневной, не всегда осознаваемой, выполняющей чаще, чем того требует сама жизнь, функцию обедненно фатическую до разветвленной, разнопланово сложной.

Современная тенденция «выпячивать» коммуникацию и низводить язык до уровня обслуживающих ее «единиц употребления» оправдывается, с одной стороны, постоянным напоминанием человеку (через медиа) о его социальной природе, а с другой – восприятием (опять же навязанным логикой СМИ) того или иного жизненного процесса как предмета и повода для коммуницирования. Роль медиа в этих процессах невозможно переоценить: они не столько отражают насущную реальность искаженно, сколько «генерируют описание этой реальности, конструкцию мира, и это и есть реальность, на которую ориентируется общество»¹. Язык в этих условиях перестал способствовать совершению в речевой коммуникации того онтологического поворота, который придавал бы последней уровень сложности, изначально присущий Слову.

Экскурс в библейскую историю Слова

Воплощением предельного смысла в языке выступает *Слово*. На древнегреческом – Логос. Именно этим значением воспользовался переводчик широко известной цитаты из Евангелия от Иоанна: «Сначала было Слово...» В связи с таким переводом данное утверждение выявляет высокое предназначение языка в его предельном онтологическом толковании. Однако у понятия *Логос* есть еще как минимум сотня значений, и собранные воедино они отождествляют его со всем тем, что *может и имеет место быть*, включая язык, но не ограничиваясь им. Так, Логос может быть интерпретирован и как *ум, основа*, и шире – как *мировой разум*. В последнем случае толкование Логоса предполагает *нечто*, что изначально («Сначала было ...») заложено в основе цивилизации, но постижению человеческого разумом не подлежит.

Еще одна трактовка цитаты сводится к тому, что сначала был *тот, кто называется словом*. При этом Иоанн Богослов не называет его, как бы накладывая языковое табу на его имя, в результате чего вся евангельская цитата воспринимается как своеобразный эвфемизм, обусловленный определенной религиозной практикой. Таким образом, под максимально расширительное толкование *Логоса* «подтягивается» то, что не рассчитано на *человека земного*, и то, что *земным человеком* не является.

Непосредственное отношение к *земному человеку* Слово имеет в мифе о Вавилонском столпотворении. Здесь оно играет роль

кода/символа, за которым стоит разделение на языки, выступающее как своеобразный сигнал, обозначающий следующее разделение, в процессе которого одни языки исчезают, другие возникают и лишь один становится *лингва франка*. Данное обстоятельство, несмотря на декларируемый плюрализм, всеобщую толерантность и абсолютную политкорректность, порождает новые проблемы языка и речевой коммуникации.

Характеристика процесса овладения иностранным языком: условия усвоения

Для тех, кто изучает иностранный язык (ИЯ), будучи взрослым, иноязычная коммуникация подобна вхождению в незнакомое пространство. Когда дело доходит до инициирования и поддержания коммуникации на иностранном языке, обучающийся обнаруживает, что он далеко не в полной мере владеет «правилами игры» и его языковые, когнитивные и социальные компетенции не подлежат транслированию в иноязычной среде. В рамках этого наблюдения возникает необходимость рассмотреть процесс иноязычной коммуникации как минимум с двух прямо противоположных точек зрения. Исходя из положения о социальной природе языка и признания коммуникации всецело социальным феноменом, сторонники *первой* точки зрения предлагают применять при обучении ИЯ нормы и стратегии языка родного. Доказав возможность применения параметров коммуникации на родном языке к иноязычной коммуникации, они подчеркивают значимость использования социально-культурного аспекта родного языка в процессе формирования устных иноязычных умений.

Сторонники противоположной точки зрения настаивают на необходимости изучения языка вместе с его социокультурным контекстом, поскольку он [язык] воспринимается как социальный медиум, глубоко укорененный в культуру того народа, который на нем говорит. Эта культурная укорененность есть именно то, что придает языку его специфические свойства, то, что в конечном итоге отличает один язык от другого. Споры возникают не в связи с философской сущностью языка, которая осталась неизменной со времен Гумбольдта, а скорее в связи с вопросом о том, что делает язык языком (What makes a language a “tongue”?). Что именно в языке нуждается в изучении? А главное, в каких условиях то, что нуждается в изучении, постигается?

Традиционно овладение иностранным языком происходит либо в процессе его изучения как учебной дисциплины, т. е. в ситуации искусственной учебной заданности, либо в условиях вынужденной или добровольной, постоянной или временной эмиграции. Во втором случае сами условия являют собой мощнейший мотив стихийного овладения ИЯ непосредственно в коммуникации, когда эмигрант *осваивает новую реальность средствами нового языка*. Новизна этой реальности относительна, поскольку на уровне подсознания она, так или иначе, «воспринимается как органичный элемент жизненного мира»². Именно реальность, окружающая иностранца, как бы подталкивает его к выбору вербальных (а на первых порах и невербальных) средств для ее освоения. И наоборот, новый язык (или опять же замена его на невербальный код), используемый эмигрантом для освоения реальности, определяет степень восприятия им ее глубины и объема. Все эти процессы взаимодополняемы, взаимовоздейственны и коммуникативны по своей природе.

В стихийной природе освоения языка в иноязычной коммуникации изначально заложены *два условия*, по-разному влияющих на процессы восприятия, понимания и адекватного реагирования. Одно из этих условий затрудняет, а иногда и вовсе блокирует коммуникативный процесс, ибо связано с «живым» коммуникативным актом, обремененным массой естественных контекстуальных помех: от шума улицы, акцента и скорости речи носителя до высочайшего «культурного барьера», который, по утверждению С.Г. Тер-Минасовой, «гораздо опаснее и неприятнее языкового, ибо он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду. Опасен он еще и тем, что культурные ошибки обычно воспринимаются гораздо болезненнее, чем ошибки языковые, несмотря на то что первые гораздо более извинительны: различия культур не обобщены в своды правил, как различия языков, нет ни грамматик, ни словарей культур»³.

В то же время попытки понимания иноязычной речи сопровождаются мощнейшей мотивацией, связанной с невозможностью прибегнуть к родному языку («Я должен быть понят только на их языке») и способствующей актуальному отбору из того, «что дано» (т. е. что проговаривается на ИЯ ими), того, что «мне надо понять». Целью понимания в связи с этим выступает не репрезентация воспринятого на ИЯ слова – фразы – текста (как это традиционно бывает на занятиях по ИЯ), что выглядело бы как раз сигналом полного непонимания, а приращение нового иноязычного смысла.

Потенциальным продуктом коммуникации на родном и иностранном языках можно считать смысл. При этом смысл, в случае с коммуникацией на родном языке, порождается, обсуждается, принимается или отклоняется непосредственно в процессе коммуникации. Он симультанен, а потому актуален в момент осуществления коммуникативного акта. Говорение в этом случае можно трактовать, по Й. Сиберсу, как «живое выговаривание (*articulation of the living present*), т. е. самообнаружение жизни как таковой в сам момент ее проявления»⁴.

Что касается иноязычного смысла, то он, вероятнее всего, продукт, порождаемый не процессом коммуникации, а «рефлексией коммуникативного акта, осуществленной после его завершения»⁵. Почему так? Иноязычный смысл требует дополнительной работы с ним – от перевода на родной язык или переформулирования (упрощения) до провоцирования на собственное отношение к нему и порождение нового смысла. Все это, так или иначе, способствует оттачиванию иноязычной формы, а значит, и совершенствованию самого смысла, предназначенного для адекватного понимания другими субъектами коммуникации. Иными словами, эмиграция как нельзя лучше способствует актуализации иностранного языка *в употреблении*, а значит – в коммуникации.

Чтобы охарактеризовать особенности овладения иностранным языком в учебных условиях, теоретически важно дифференцировать как минимум *два аспекта* – *язык и употребление языка*, поскольку именно это отделение грамматического структурного ядра языка от его социокультурного элемента помогает объяснить проблемы, с которыми сталкивается изучающий иностранный язык в процессе его использования.

Возможно ли вообще, чтобы статичная, константная целостность, называемая языком, существовала вне его употребления? В лингвистической теории есть аргументы как «за», так и «против» такого раз и навсегда установленного разделения. Ф. де Соссюр, Н. Хомский, Дж. Серль, Ю. Хабермас придерживаются точки зрения, связанной с дистинкцией между логико-генеалогическим приматом языка и продуцированием высказываний на языке. Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Ж. Деррида не разделяют такого «раздельного» (простите за тавтологию) подхода к языку, хотя их доводы в пользу не-разделения разнятся между собой. По сути же те, кто рассматривают язык «в чистом виде», отказывают ему в выполнении его главной функции – коммуникативной.

В связи с вышесказанным изучение ИЯ в учебных условиях может в худшем случае сводиться к сообщению знаний о его общей структуре (В. Гумбольдт), а в лучшем – к созданию на занятиях

по ИЯ ситуаций псевдореальной коммуникации. Приоритет «владения» иноязычной речью над «знаниями» по языку был «поднят на щит» основоположником структурализма Л. Блумфильдом: «Между знаниями о языке и владением им нет никакой связи... Владение языком – это не вопрос знания... Владение языком – это вопрос практики... В языке навык – все, а знание – ничто»⁶. Данное положение «роднит» или, по крайней мере, должно «роднить» процессы овладения коммуникацией на родном и иностранном языках, ибо и в том, и в другом случаях язык (неважно родной или иностранный) постигается практикой и в ней же себя манифестирует. Представляется, что Л. Витгенштейн (считавший, что язык есть врожденная способность человека) не дифференцировал его [язык] на родной и иностранный, подчеркивая глубинную значимость языка *вообще*. Нас же не может не интересовать, до какой степени простираются границы нашего мира, нашей *реальности*, обозначенные границами знания 2-го (3-го и т. д.) иностранного языка.

Что происходит с человеком, который говорит на иностранном языке? Ответ неоднозначен. При условии владения коммуникативной компетенцией говорящий на основании знаний об абстрактных нормах языка выстраивает смысловые аналогии/соотношения грамматических структур родного и иностранного языков и использует их в социально и культурно «соответствующих» контекстах. Такая компетенция включает знания языковой и конвенциональной коммуникации («третья культура». – И. А.), которым следует говорящий, чтобы инициировать и поддерживать коммуникативный акт.

В случае с коммуникацией на ИЯ, даже если у обучающегося языковых средств достаточно для ее осуществления, сам коммуникативный процесс может и не достичь желаемой цели из-за отсутствия связей между (1) общим подразумеваемым (де-факто) знанием абстрактных правил языка, (2) социально-культурным контекстом и (3) соответствующими языковыми средствами.

Вышеприведенные обстоятельства, объективные по своей природе, осложняют как процесс естественного (эмиграция), так и искусственно заданного (учебная аудитория) овладения ИЯ. Но существуют «осложнения», характерные только для овладения ИЯ в учебных условиях.

Первое. Традиционной в методической науке считается точка зрения, в соответствии с которой изучение ИЯ отличается от владения родным языком *по характеру потребности*. Усваивая родной язык, человек «присваивает» орудие познания действительности (которым потом пожизненно пользуется), а овладение иностранным определяется появившейся сравнительно недавно

вынужденной необходимостью использовать его в качестве вторичного средства профессиональной коммуникации. Другими словами, у коммуникации на родном языке всегда есть те или иные ценностно-нормативные мотивационные основания, она постоянно подпитывается и поддерживается ими, они имманентны ей. Никакой корневой ценностной системы, изначально, со школьной скамьи присущей иноязычной коммуникации и стимулирующей человека к овладению ею, нет. Вместо нее есть извне вставленное, предположенное, данное в виде причины или мотива готовое императивное основание: «Вы изучаете иностранный язык, потому что...» или «Вы изучаете иностранный язык, чтобы...»

Второе. Попытка привить учебному процессу овладения ИЯ *потребностное* основание была предпринята методистами и преподавателями в 70-е годы прошлого столетия. Интенсивные методы Г.К. Лозанова (позднее – Г.А. Китайгородской и Е.И. Пассова) изначально ставили в качестве актуальной цели *коммуникацию на ИЯ*, создавая ситуации вынужденной потребности учащихся в использовании иностранного языка. При этом определение «иноязычная» применительно к коммуникации дополнялось атрибутивом «учебная». Обе характеристики – иноязычная и учебная – ставят под сомнение саму сущностную природу коммуникации. Действительно, может ли быть назван процесс по обучению ИЯ коммуникативным, если профессиональное, а главное, речевое и языковое неравенство партнеров по коммуникации столь очевидно? Что касается последнего – языкового – неравенства, то оно возрастает в разы, и преподавателю в связи с этим приходится намеренно адаптировать, т. е. упрощать, отбираемый учебный материал, тем самым искажая заложенные в нем иноязычные смыслы.

Третье. Авторы большинства учебников по иностранным языкам руководствуются традиционной, со времен В. Гумбольдта артикулируемой установкой на подчинение языка сознанию. Исключение составляет лишь этап тренинга (drill), предполагающий автоматический повтор/проговаривание грамматических/синтаксических форм, когда сознание как будто бы отключается, давая возможность выработать автоматизм употребления (так, с «отключенным» сознанием, не думая, мы пользуемся грамматическими формами в родном языке). Тем не менее всякая попытка включить затверженную, «на автомате» выдаваемую структуру в более широкий, осмысленный контекст, как правило, заканчивается неудачей. Подключение сознания «переключает» интеллектуальное усилие говорящего на осмысление и формулирование будущего высказывания (что сказать?); при этом автоматизм (как сказать?) не срабатывает или дает сбой. Поэтому кажущийся плюсом

подключения сознания при изучении иностранного языка обрачивается существенным минусом. В момент, когда сознание делает чужой язык предметом (по)знания, язык перестает быть собой. И если методисты и преподаватели приходят к такому заключению исходя из практики преподавания, то аналогичные выводы философов восходят к их многочисленным, по большей части неудачным попыткам назвать рациональные, а значит, подключенные к сознанию приемы создания языка тем или иным народом: «Разве не очевидно, что ни наблюдение, ни анализ, ни индукция несколько не участвовали в создании великих орудий человеческого разума? Никто не может сказать, при помощи каких приемов народ создал свой язык»⁷. П.Я. Чаадаеву вторит В.В. Биbihин: «Попытка изучить язык приемами, к которым мы прибегаем при наших логических построениях, т. е. приемами привычного рационального познания, промахивается мимо своего предмета. Язык от этих приемов ускользает»⁸.

Подключение сознания к языку со всей очевидностью предполагает отношение к языку как к *структуре*. Ранний У. Эко объясняет изначально заложенный в структуре языка парадокс и в конце концов сводит на нет и данное определение, и сам подход к языку как к структуре. По мнению Эко, анализируя структуру вообще и структуру языка в частности, исследователь неизбежно видит за каждой предыдущей структурой следующую, более элементарную, и так продолжается до тех пор, пока не наступает очередь последней, которая «по своей простоте уже не структура, а нераздельное единство... структура как нечто объективное взрывается и определяющим остается то, что уже более не структурно... тогда естественным завершением такого онтологически последовательного структурного исследования будет смерть идеи структуры»⁹.

Четвертое. Не столько модное в наше время стремление к междисциплинарности, сколько неполнота оформления методического знания как науки заставляет методику «пить» из целого ряда лингвистических источников, имеющих при этом в качестве объекта обучения *язык*. Системный подход к языку, которым традиционно пользуется лингвистика, предполагает изучение его структуры без использования этих знаний в практике речи. В то же время заложенное в языке свойство функциональности подразумевает значительную долю речевой практики, в процессе которой язык престаёт быть предметом и/или целью обучения, выполняя традиционную роль средства выражения и транзита смыслов об объективной действительности (свойства и закономерности которой составляют предметы изучения других дисциплин).

И в первом, и во втором случае язык крайне неудобен в качестве учебной дисциплины, ибо беспредметен, беспределен и неогорожен. Что же тогда можно считать предметом, а точнее – учебной единицей языка, когда последний становится целью изучения? С некоторых пор таковым в методике считается *текст*. Но привязанность говорящего к тексту как к модели и образцу говорения, репродукция заложенных в тексте смыслов вместо продукции своих – все это ограничивает свободу речепорождения и уж никак не способствует овладению иноязычной коммуникацией. Более того, если предметом изучения становится не сам язык (его грамматика и лексика), а текст, то последний, как правило, подвергается членению (вопросы к тексту, перевод отдельных абзацев и т. д.), способствуя развитию не понятийного, но клипового мышления обучающихся (неумение оперировать понятиями и как следствие – неумение вычленить смысл прочитанного). Анализ учебников показывает: членение разновариантно и длительно (большое число заданий по диверсифицированному анализу, от фонетического чтения отдельных слов до перевода отдельных абзацев), в то время как задания по синтезу одновариантны и немногочисленны. В большинстве случаев это репродукция, а именно разного рода пересказы (близко к тексту, своими словами, от лица героев и т. д.). Что может быть предложено взамен? Отношение преподавателя к тексту как к некому базису, оттолкнувшись от которого необходимо немедленно осмыслить его как смысловое целое (использование языка в функции означивания смысла).

Еще одним способом успешного овладения ИЯ можно считать языковую симуляцию, ближе всего находящуюся к стихийному (естественному) овладению ребенком родным языком. В чем близость? Общим аспектом знаковости человеческой речи выступает в этих условиях [ее] прагматика. А из четырех (по классификации Ч. Морриса) типов знаков общим и в том, и в другом случае является знак-прескриптор, т. е. знак предписывающий.

И наконец, по аналогии с остроумным замечанием Д. Юма о том, что «курица – это план яйца по преумножению яиц», скажем, что овладение иноязычной коммуникацией – это план овладения иноязычным смыслом по преумножению смыслов *вообще*. Схватывание частного иноязычного смысла (даже на уровне иноязычного понятия) преумножает умение обучающегося по схватыванию любых смыслов вне зависимости от того, на каком языке они оформлены. Это преумножение – не что иное, как экстраполяция данного умения из иностранного языка в родной и наоборот. Перифразируя М. Маклюэна, отметим, что сообщение такого средства коммуникации, как иностранный язык, – это сообщение о переходе

от линейных соединений слов к творческой конфигурации смыслов¹⁰, то, к чему и следует стремиться обучающемуся в процессе овладения иноязычной коммуникацией.

Примечания

- ¹ Луман Н. Самоописания. М.: Логос; Гнозис, 2009. С. 252.
- ² Шипунова О.Д. Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2013. С. 23.
- ³ Цит. по: Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 110.
- ⁴ Сиберс Й. Покой и подлинность, или О чем молчит язык / Пер. С. Клягина // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании. СПб., 2013. С. 5.
- ⁵ Калмыков А.А. Политика знания в поле медиа // Антонова И.Б., Жукова Е.Н., Калмыков А.А., Клягин С.В., Штейнман М.А. Социальные практики как совместность слова. М.: Ленанд, 2013. С. 95.
- ⁶ Bloomfield L. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages. Baltimore, 1942. P. 44.
- ⁷ Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 16.
- ⁸ Бибихин В.В. Язык философии. М.: МГУ, 1993. С. 11.
- ⁹ Там же. С. 13.
- ¹⁰ Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. С. 17.

Современные проблемы системы международных отношений и международного сотрудничества

С.И. Сурчина

Взаимодействие России и МАГАТЭ в области радиационной безопасности

В последнее время развитие международного сотрудничества в области радиационной безопасности находится в фокусе пристального внимания со стороны государств. На особое место выходят вопросы взаимодействия с профильными международными организациями, занимающимися данной проблематикой. В предлагаемой статье рассматриваются основные направления деятельности МАГАТЭ в сфере радиационной безопасности, а также анализируются ключевые аспекты сотрудничества Агентства с Российской Федерацией в этой сфере. В первой части акцент делается на изучении параметров работы МАГАТЭ в данной области, во второй – исследуются ключевые направления взаимодействия российской стороны с Агентством в области радиационной безопасности.

Ключевые слова: ядерная безопасность, радиационная безопасность, МАГАТЭ, радионуклиды, радиационная медицина, международное взаимодействие, нормы безопасности.

В последнее время мировое сообщество всерьез озадачилось вопросами обеспечения радиационной безопасности и развитием сотрудничества в данной области на различных международных профильных площадках. Как представляется, причин этому несколько. Во-первых, радиационная безопасность является одним из основных элементов национальной безопасности государства и предполагает обеспечение защищенности здоровья людей от возможного негативного воздействия ионизирующего излучения. В целом радиоактивность – естественный процесс, и природные

© Сурчина С.И., 2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-37-11136.

источники излучения присутствуют в окружающей среде. Различные радиоактивные вещества активно применяются в медицине, сельском хозяйстве и промышленности. Те радиационные риски, которые возникают при их использовании, требуют принятия соответствующих уровней защиты, а также подлежат оценке и учету. Во-вторых, участие государств в международном сотрудничестве по укреплению радиационной безопасности позволяет постоянно повышать на национальном уровне эффективность регулирующей деятельности по обеспечению безопасности в мирном использовании атомной энергии, включая нормативно-правовое регулирование, а также гармонизировать соответствующие подходы.

Данная статья посвящена рассмотрению сущности и перспектив основных направлений деятельности Международной организации по атомной энергии (далее – МАГАТЭ) в области радиационной безопасности. Цель исследования состоит в изучении ключевых аспектов сотрудничества МАГАТЭ и Российской Федерации в данной сфере. В статье предполагается дать ответы на следующие вопросы. Как происходило зарождение проблематики радиационной безопасности на площадке Агентства? Каким образом МАГАТЭ осуществляет взаимодействие в данной области? И наконец, в чем состоят ключевые особенности сотрудничества Российской Федерации и Агентства на этом направлении?

Проблемы радиационной безопасности в научной литературе исследуются в основном с технической и медицинской точек зрения¹. Международно-политические аспекты рассматриваемой темы фактически не становились объектом изучения ни зарубежных, ни отечественных специалистов. Вместе с тем статья опирается на широкий круг теоретических разработок МАГАТЭ в данной области, а также тех, которые были представлены в рамках целевого проекта РГНФ, выполняемого на базе факультета мировой политики МГУ с 2015 г.

* * *

Незыблемый принцип международного взаимодействия государств в области ядерной безопасности состоит в том, что основную ответственность за ее обеспечение несут сами государства. Наряду с этим данная формула подразумевает, что поддержание надлежащего уровня радиационной безопасности также является исключительной прерогативой государств. Именно на этом базисе строится международное сотрудничество в рассматриваемой области, которое осуществляется на различных профильных площадках, включая МАГАТЭ. При учреждении Агентства был сформирован отдел, которому было поручено заниматься вопросами

радиационной безопасности. В 1963 г. он стал называться Отделом здравоохранения, безопасности и обращения с отходами, в дальнейшем был реорганизован в Отдел ядерной безопасности и защиты окружающей среды, чуть позже – в Отдел радиационной безопасности и безопасности отходов. В настоящее время он называется Отделом радиационной безопасности, безопасности перевозки и безопасности отходов и входит в состав Департамента ядерной и физической безопасности Секретариата МАГАТЭ.

Важным участком работы Отдела является разработка норм радиационной безопасности. Данная деятельность осуществляется в соответствии со статьей III Устава, которая «уполномочивает Агентство устанавливать нормы безопасности для охраны здоровья и сведения к минимуму опасности для жизни и имущества и обеспечивать применение этих норм как в своей собственной работе, так и в работе, при которой используются материалы, услуги, оборудование, технические средства и сведения, предоставляемые Агентством... и обеспечивать по требованию сторон применение этих норм к деятельности, проводимой на основании любого двустороннего или многостороннего соглашения, или по требованию того или иного государства к любому виду деятельности этого государства в области атомной энергии»². Публикации, посредством которых МАГАТЭ устанавливает нормы безопасности, выпускаются в серии изданий по нормам безопасности. К ним относятся основы безопасности, требования безопасности и руководства по безопасности³. Основы безопасности включают главные цели и принципы; требования безопасности предполагают набор мер, которые применяются в отношении защиты людей и охраны окружающей среды; руководства по безопасности содержат профильные рекомендации.

Нормы МАГАТЭ по безопасности вырабатываются на основе консенсуса государств-членов для определения необходимого уровня безопасности в целях предотвращения негативного воздействия ионизирующего излучения на людей и окружающую среду. Их основные пользователи – это регулирующие органы, действующие в государствах – членах МАГАТЭ, которые могут применять соответствующие нормы на добровольных началах. Наряду с этим данные нормы могут использоваться различными профильными организациями, отвечающими за проектирование, сооружение и эксплуатацию ядерных установок, а также соответствующими структурами, ответственными за использование радиоактивных источников. Особое значение имеет соблюдение таких норм в странах, приступающих к развитию национальных ядерно-энергетических программ. В этом случае они могут

применяться государствами в качестве базы для разработки соответствующей нормативно-правовой основы.

Подготовкой и рассмотрением упомянутых норм занимаются пять комитетов по нормам безопасности МАГАТЭ, охватывающих ядерную безопасность (Nuclear Safety Standards Committee); радиационную безопасность (Radiation Safety Standards Committee); безопасность радиоактивных отходов (Waste Safety Standards Committee); безопасную перевозку радиоактивных материалов (Transport Safety Standards Committee); аварийную готовность и реагирование (Emergency Preparedness and Response Standards Committee). Все разработанные нормы проходят утверждение через Комиссию по нормам ядерной безопасности, в которую назначаются представители государств – членов Агентства. Некоторые документы выносятся на одобрение директивных органов, в частности Совета управляющих МАГАТЭ.

Базой для выработки соответствующих норм МАГАТЭ служат различные профильные международно-правовые инструменты⁴, рекомендации Научного комитета ООН по действию атомной радиации (НКДАР ООН) и ряда международных экспертных структур⁵. Некоторые из документов разрабатываются во взаимодействии с другими органами системы ООН или соответствующими специализированными учреждениями⁶.

К числу основных документов, опубликованных Агентством в области радиационной безопасности, относится публикация Серии норм МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Радиационная защита и безопасность источников излучения: международные основные нормы безопасности» (Основные требования безопасности GSR. Part 3)⁷. Цель данного документа – «установить требования по обеспечению охраны здоровья людей и окружающей среды от вредного воздействия ионизирующих излучений и по обеспечению безопасности источников излучения»⁸. Публикация также содержит ряд общих требований по поддержанию должного уровня радиационной защиты, подробно описывает «ситуации планируемого, аварийного и существующего облучения», а также включает список категорий закрытых радиоактивных источников и пределы доз в ситуациях планируемого облучения.

Наряду с этим стоит отметить следующие публикации: руководство по безопасности Серии норм МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Аспекты радиационной защиты при проектировании атомных электростанций» (NS-G-1.13)⁹; конкретные требования безопасности Серии норм МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей

среды «Правила безопасной перевозки радиоактивных материалов» (№ SSR-6)¹⁰; общие требования безопасности Серии норм МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Государственная, правовая и регулирующая основа обеспечения безопасности» (часть 1, GSR Part 1)¹¹ и т. п.

В настоящее время, помимо разработки профильных норм, Секретариат МАГАТЭ фокусируется также на решении таких задач в области радиационной безопасности, как обеспечение безопасности людей при условии постоянного воздействия радиации. В первую очередь это касается тех категорий населения, которые проживают в районах с высоким естественным уровнем радиации или с остаточной радиацией. Особое внимание уделяется разработке критериев для регулирования малых доз радиации¹². Среди других направлений деятельности Агентства в этой области стоит отметить совершенствование коммуникации по вопросам радиационной безопасности и безопасности отходов; радиационную защиту населения в процессе радиационной диагностики и терапии; радиационную защиту рабочих, подвергающихся воздействию высоких доз облучения из естественных источников; оказание соответствующей помощи государствам по их запросу.

Все эти задачи оказывают существенное влияние на деятельность МАГАТЭ в области радиационной безопасности, включая разработку профильных норм. Перманентная поддержка государств-членов, а также международных организаций занимает особое место в данном процессе.

* * *

Российская Федерация придает большое значение поддержке международных усилий, направленных на сокращение возможного негативного воздействия атомной радиации на здоровье людей и окружающую среду, которое может происходить как от естественных источников излучения, так и от источников, созданных человеком. Результаты различных миссий МАГАТЭ по оценке функционирования профильных российских объектов подтверждают высокий уровень ядерной безопасности в нашей стране. Россия приветствует ведущую работу в Агентстве по сбору и научной оценке информации в области радиационной защиты, а также вносит свой вклад в изучение вопросов действия атомной радиации в таких сферах, как ядерная медицина, профессиональное облучение и т. п.

Одновременно в России существует развитая нормативно-правовая база в этой области. Основными документами, регламенти-

рующими обеспечение радиационной защиты населения и окружающей среды, являются «Нормы радиационной безопасности НРБ-99/2009»¹³, Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» (действующая редакция, 2016 г.)¹⁴, Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (ред. от 5 апреля 2016 г. с изменениями, вступившими в силу с 1 июля 2016 г.)¹⁵, Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2014 г. № 639 «О государственном мониторинге радиационной обстановки на территории Российской Федерации»¹⁶ и т. д.

Наряду с этим на территории РФ реализуются Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности на период до 2025 г.¹⁷ В соответствии с данным документом главной целью государственной политики в области ядерной и радиационной безопасности провозглашается «последовательное снижение до социально приемлемого уровня риска техногенного воздействия на население и окружающую среду при использовании атомной энергии, а также предупреждения чрезвычайных ситуаций и аварий на радиационно опасных объектах» (раздел III п. 7)¹⁸. В качестве одной из основных задач для достижения упомянутой цели предполагается сосредоточить усилия на «дальнейшем развитии международного сотрудничества в области ядерной и радиационной безопасности» (раздел III п. 7ж)¹⁹.

В связи с этим особое внимание уделяется взаимодействию на площадке МАГАТЭ, которое осуществляется посредством реализации соответствующих практических договоренностей. Они представляют собой рамочные двусторонние соглашения, охватывающие все действующие проекты сотрудничества в этой области между Агентством и профильными структурами. Госкорпорация «Росатом» стала первой российской организацией, с которой МАГАТЭ подписало такую договоренность. Торжественная церемония состоялась 14 сентября 2015 г. «на полях» 59-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ.

Документ предусматривает «проведение работ по проектам, связанным с оценкой и управлением радиационными рисками для здоровья работников атомной отрасли при планируемом профессиональном воздействии внешнего облучения»²⁰. Проект рассчитан на три года. Планируется, что по его результатам будет создана «методика индивидуальной оценки радиационного риска для работников атомной отрасли России на основе их персональных доз»²¹, а также подготовлено руководство, посвященное вопросам оценки и управления радиационными рисками на случай ситуаций планируемого облучения. Фактически Россия может стать первым

государством в мире, реализующим такой подход в области оценки соответствующего воздействия радиации. В дальнейшем разрабатываемое руководство предполагается опубликовать в качестве технического документа, который планируется использовать для распространения передового опыта Российской Федерации в этой сфере на другие государства – члены МАГАТЭ, включая те, которые активно сотрудничают с российской стороной на предмет развития собственных ядерно-энергетических программ.

В июле 2016 г. в ходе визита в Россию заместителя генерального директора, руководителя Департамента ядерной и физической безопасности Секретариата МАГАТЭ Х. Лентихо состоялось подписание практических договоренностей в области обеспечения радиационной безопасности с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) и Федеральным медико-биологическим агентством (ФМБА) России.

По итогам переговоров МАГАТЭ и Роспотребнадзор условились развивать сотрудничество «в сфере медицинского облучения и облучения населения и работников природными источниками (радон) и в рамках контроля радионуклидов в продуктах питания и питьевой воде»²². Результаты реализации проекта будут способствовать вкладу Российской Федерации в выработку международных гигиенических норм, а также налаживанию профильного научного взаимодействия в соответствующих областях.

В свою очередь, в рамках практических договоренностей с ФМБА России планируется сосредоточиться на следующих четырех направлениях: разработка подходов по оптимизации радиационной защиты населения при реабилитации бывших ядерных объектов; оценка вредных факторов вследствие поступления в организм радионуклидов (возможность пересмотра норм радиационной защиты в случае попадания в организм альфа-излучающих радионуклидов); аппаратурный комплекс для оценки ингаляционного поступления радиоактивных газоаэрозольных смесей; изучение частоты онкологических заболеваний среди населения Восточно-Уральского радиоактивного следа²³. Работа по этому проекту, как и в случае с Госкорпорацией «Росатом», рассчитана на три года. В Агентстве исходят из того, что его реализация будет направлена на укрепление обмена опытом в области радиационной безопасности и развитие соответствующих программ взаимодействия на этом участке.

* * *

Развитие международного сотрудничества в области радиационной безопасности и защиты продолжает оставаться одним из основных направлений программной деятельности МАГАТЭ в сфере ядерной безопасности. Данные вопросы представляют особую актуальность еще в связи с тем фактом, что учет и оценка соответствующих рисков является залогом успешной реализации национальных ядерно-энергетических программ. В первую очередь это относится к тем странам, которые только встают на путь мирного использования атомной энергии. В этих условиях Российская Федерация как государство, обладающее передовыми ядерными технологиями и уникальным опытом в осуществлении различных проектов в области радиационной безопасности, продолжает играть одну из ведущих ролей в укреплении многостороннего взаимодействия в этой сфере.

Примечания

- ¹ Бородин П.Г., Хренников Н.Н. Расчетно-экспериментальные исследования радиационной нагрузки на корпусах и опорных конструкциях ВВЭР-1000 в фактических реакторных условиях [Электронный ресурс] // Ядерная и радиационная безопасность. 2015. № 1 (75). URL: www.secnrs.ru/publications/nrszine/1-75-2015/st-1-b-15.pdf#page/1 (дата обращения: 07.05.2016); Строганов А.А., Курьиндин А.В., Шаповалов А.С. О радиационном воздействии выбросов брызгальных бассейнов атомных станций [Электронный ресурс] // Ядерная и радиационная безопасность. 2014. № 4 (74). URL: <http://www.secnrs.ru/publications/nrszine/4-74-2014/st2.pdf?download=Y> (дата обращения: 07.05.2016); Khadhim N., Adnan O. Measurement of natural radioactivity in Al-Dora Refinery by using (HPGe) detector // Advances in Applied Science Research. 2016. № 7 (4). P. 197–208; Singer M. Electromagnetic Radiation from the acceleration of charged particles // Advances in Applied Science Research. 2012. № 3 (1). P. 342–348.
- ² Устав МАГАТЭ [Электронный ресурс] // МАГАТЭ. URL: www.un.org/ru/documents/bylaws/iaea_statute.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
- ³ IAEA Safety Standards Programme [Электронный ресурс] // МАГАТЭ. URL: www-ns.iaea.org/standards (дата обращения: 10.05.2016).
- ⁴ В Конвенции о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации 1986 г.; Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. и т. п.
- ⁵ В частности, Международной комиссии по радиологической защите (МКРЗ).
- ⁶ Речь идет о Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Программе ООН по окружающей среде, Международной организации труда, Агентстве по ядерной энергии ОЭСР, Панамериканской организации здравоохранения и Всемирной организации здравоохранения.

- ⁷ IAEA Safety Standards for protecting people and the Environment «Radiation Protection and Safety of Radiation Sources: International Basic Safety Standards» (General Safety Requirements Part 3 № GSR Part 3). Vienna: IAEA, 2014.
- ⁸ Ibid. P. 14.
- ⁹ Нормы МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Аспекты радиационной защиты при проектировании атомных электростанций» (Руководство по безопасности NS-G-1.13) [Электронный ресурс] // МАГАТЭ. URL: www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/Pub1233r_web.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
- ¹⁰ Нормы МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Правила безопасной перевозки радиоактивных материалов» (конкретные требования безопасности № SSR-6) [Электронный ресурс] // МАГАТЭ. URL: www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/P1570r_web.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
- ¹¹ Нормы МАГАТЭ по безопасности для защиты людей и окружающей среды «Государственная, правовая и регулирующая основа обеспечения безопасности» (общие требования безопасности, часть 1, № GSR Part 1) [Электронный ресурс] // МАГАТЭ. URL: www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/Pub1465r_web.pdf (дата обращения: 15.06.2016).
- ¹² Видов радиационного облучения, не поддающегося контролю; малым источникам радиации и т. п.
- ¹³ Нормы радиационной безопасности НРБ 99/2009 [Электронный ресурс] // Роспотребнадзор. URL: www.ritverc.ru/normadoc/NRB_2009.pdf (дата обращения: 16.06.2016).
- ¹⁴ Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» (действующая редакция, 2016 г.) [Электронный ресурс] // База КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797/ (дата обращения: 01.07.2016).
- ¹⁵ Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (ред. от 5 апреля 2016 г. с изменениями, вступившими в силу с 1 июля 2016 г.) [Электронный ресурс] // База Гарант. URL: base.garant.ru/10105506 (дата обращения: 15.07.2016).
- ¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2014 г. № 639 «О государственном мониторинге радиационной обстановки на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] // База КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165525/ (дата обращения: 01.07.2016).
- ¹⁷ Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 1 марта 2012 г. № Пр-539) [Электронный ресурс] // Совет безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document128/> (дата обращения: 01.07.2016).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ Росатом и МАГАТЭ подписали Практические договоренности по сотрудничеству в области радиационной безопасности [Электронный ресурс] // Госкорпорация «Росатом». URL: http://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-i-magate-podpisali-prakticheskie-dogovorennosti-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-radiatsionnoy-bezopasnosti-522/?sphrase_id=80669 (дата обращения: 30.06.2016).
- ²¹ Там же.
- ²² О подписании практических договоренностей с МАГАТЭ [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: http://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=6802&sphrase_id=927354 (дата обращения: 20.06.2016).
- ²³ 18 июля 2016 года состоялось подписание Практических договоренностей между ФМБА России и МАГАТЭ [Электронный ресурс] // ФМБА России. URL: <http://fmba.pba.su/Public/Ru/fmba/MediaContentPage/Detail/3120> (дата обращения: 20.06.2016).

Энергетическая безопасность: факторы риска и проблемы сотрудничества

В статье раскрывается взаимосвязь безопасности и энергии за счет использования результатов различных исследований и подходов к анализу содержания энергетической безопасности. Автором отмечается, что участники энергетических отношений по-разному трактуют содержание энергетической безопасности, что создает дополнительные трудности для сотрудничества. Экономические, политические, техногенные и экологические риски, а также неравномерное ресурсное обеспечение источниками энергии ведут к необходимости определения общих взаимоприемлемых стратегий кооперации в деле решения проблем энергетической безопасности.

Ключевые слова: энергетическая стратегия, энергетическая безопасность, сотрудничество, спрос и потребление, риски и угрозы.

Проблема безопасности является одной из центральных в теории и практике международных отношений и находится в поле зрения исследователей и государственных деятелей. Эта проблема носит комплексный характер, ее содержание и методы обеспечения зависят от исторического этапа развития общества¹.

Сегодня выделяют такие виды безопасности, как государственная (национальная), общественная, техногенная, экономическая, энергетическая, информационная, личная. Энергетическая безопасность является частью национальной безопасности государства.

Проблема энергетической безопасности возникла в начале XX в. с развитием технического прогресса и более широким использованием нефти, газа, угля. Нефтяной кризис 1973 г., когда арабские страны-экспортеры по политическим мотивам ввели эмбарго на поставку нефти (в европейские страны, США, Канаду и Японию, поддержавшие Израиль ходе войны Судного дня в его конфликте с Сирией и Египтом), заложил основы исследования энергии как источника конфликтов.

Современный этап развития мировой энергетики характеризуется появлением новых глобальных вызовов и углублением старых противоречий, усиливающих угрозы надежному функционированию мировой энергетической сферы. Проблемы энергетической безопасности XXI в. выходят за рамки поставок нефти и охватывают широкий круг вопросов. Сегодня наиболее потребляемыми энергоресурсами являются углеводороды, также используется электроэнергия, ядерное топливо и возобновляемые источники энергии (ВИЭ). На фоне растущей конкуренции за доступ к ограниченным ресурсам наблюдается усиление государственного контроля в области энергетики.

В настоящее время энергетическая сфера многих государств регулируется в соответствии с энергетическими стратегиями, сформированными под влиянием национальных особенностей, геополитических целей, обеспеченности собственными энергетическими ресурсами. Вследствие этого существует большое количество разнообразных определений понятия «энергетическая безопасность», представленных в официальных документах государств и международных организаций, монографиях и научных статьях. Для лучшего понимания различных подходов российский эксперт С. Жизнин предлагает рассматривать энергетическую безопасность на *трех уровнях*: энергетическая безопасность (1) отдельных государств, (2) групп государств и (3) глобальная, или международная, энергетическая безопасность².

Министерство энергетики и изменения климата Великобритании констатирует, что энергетическую безопасность можно разделить на непосредственную безопасность на физическом уровне, ценовую безопасность и геополитическую безопасность³.

Общепринято в контексте энергетической безопасности выделять две группы стран: *страны – производители* энергоресурсов (как правило, это и страны их экспорта) и *страны-потребители* (импортеры ресурсов). К ним можно добавить еще одну группу – *страны-транзитеры* (как правило, они же и потребители), для которых главным является коммерческая и политическая выгода от транзита по их территории нефте- и газопроводов и энергетических сетей.

Большая часть исследований энергетической безопасности отражает проблему потребителей. Для *стран-потребителей* главными задачами обеспечения энергетической безопасности являются диверсификация поставок, внедрение энергосберегающих технологий, создание стратегических сырьевых запасов, разработка альтернативных источников энергии.

Для большинства государств – импортеров энергоресурсов именно *безопасность поставок* выступает наиболее важным аспектом и чаще всего обсуждается в документах и научных исследованиях. Безопасность поставок и энергетических услуг зависит от того, насколько хорошо отлажена цепь инфраструктуры и коммуникаций, состоящая из добычи энергии, ее транспортировки, преобразования, переработки, распределения на всем пути и, наконец, использования.

Угрозы безопасности поставок могут отличаться по разным признакам: в зависимости от типа негативного воздействия, временных рамок и происхождения проблемы. Ими могут стать неадекватные производственные мощности, технические или эксплуатационные ошибки, погодные явления или враждебные действия, такие как террористические атаки, блокады, войны. Кроме того, неустановленный правовой статус географического объекта может помешать эксплуатации ресурсов.

При этом очень часто безопасность поставок анализируется с помощью количественных и качественных методов⁴. Показатели включают, например, соотношение зависимости от импорта, индексы разнообразия (в том числе источников энергии и поставщиков рынка) и экономической оценки стоимости воздействия (отключения электроэнергии), а также скачков цен.

Например, Д. Ергин считает, что современная система энергетической безопасности направлена только на преодоление проблем в экспортирующих странах в случае нарушения поставок⁵. С точки зрения потребителей, страны-поставщики оказывают давление на международный энергетический рынок, используя энергетические ресурсы для удовлетворения своих политических и экономических интересов. В качестве примера всегда приводится энергетический кризис 1973 г.

Страны-производители (экспортеры), в свою очередь, заинтересованы в надежном и бесперебойном спросе, расширении рынка сбыта ресурсов, а также поддержании и развитии своего топливно-энергетического комплекса. С их точки зрения, ключевые вопросы энергетической безопасности – диверсификация рынков сбыта, заключение долгосрочных контрактов на продажу, поддержание энергетической инфраструктуры, привлечение инвестиций для развития отрасли, совершенствование применяемых технологий, увеличение доходов от экспорта. Для них внешним аспектом энергетической безопасности является безопасность спроса. В частности, в «Энергетической стратегии России на период до 2030 г.» отмечается, что «энергетическая безопасность – это состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз

надежному топливно- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и собственно состоянием и функционированием энергетического сектора страны»⁶.

Для стран – экспортеров энергоресурсов *безопасность спроса* может быть столь же важной, как обеспечение надежности и безопасности предложения. В этих странах экономика и государственный бюджет сильно зависят от доходов от экспорта энергоресурсов. Например, на долю нефтяной промышленности приходится 42% ВВП Саудовской Аравии, 87 % доходов бюджета и 90 % экспорта⁷. По бюджетным соображениям сохранение стабильного дохода представляет большой интерес для стран-экспортеров, а неустойчивость цен вызывает серьезное беспокойство.

Однако между производителями и потребителями могут возникать противоречивые мнения относительно уровня цен и оптимальных темпов разведки. Международное энергетическое агентство (МЭА), объединяющее страны-потребители, рассматривает энергетическую безопасность как бесперебойный доступ к источникам энергии и по доступной цене⁸.

Задача Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) – поддержание стабильности нефтяных рынков для обеспечения регулярных поставок нефтепродуктов потребителям и получения стабильного дохода производителями⁹. В свою очередь, Группа Всемирного банка определяет энергетическую безопасность не только как использование энергии по приемлемым ценам, но и ее стабильное производство¹⁰.

Неравномерное ресурсное обеспечение также оказывает влияние на формирование различных подходов к способам защиты государств в энергетической области и очень часто является причиной конфликтов за доступ к ресурсам, в то же время выступая побудительной причиной *глобального взаимодействия всех стран*.

Потребители и поставщики энергоресурсов, несмотря на ряд разногласий, заинтересованы в сотрудничестве и стабильности мирового энергетического рынка. В начале XXI в. энергетическая сфера столкнулась с новыми вызовами – ухудшением экологии, увеличением рисков транспортировки энергоресурсов, истощением легкодоступных источников, резким ростом потребления углеводородов в развивающихся странах, необходимостью больших инвестиций в разработку новых месторождений и др. Решение этих вопросов требует скоординированных действий всего мирового сообщества. Однако существует ряд факторов, которые создают трудности для сотрудничества в области энергетики и формирования общей системы международной энергетической безопасности.

Факторы риска энергетической безопасности

К основным факторам риска, негативно воздействующим на энергетическую безопасность, следует отнести: экономические, политические, техногенные и экологические риски, кибератаки на системы производства, поставок и передачи энергии.

Экономические и политические факторы риска. Международные конфликты за доступ к ограниченным ресурсам могут быть отнесены к политическим аспектам энергетики. Текущие или потенциальные конфликты из-за небольших островов и акваторий, например в Южно-Китайском море и в Арктике, часто связывают с существованием потенциально ценных энергетических ресурсов¹¹.

Кроме того, часто утверждается, что военные действия США на Ближнем Востоке, например в Ираке, продиктованы желанием контролировать энергоснабжение. Существует и точка зрения, что вмешательство США не столько обеспечивает их собственные энергетические интересы, сколько поддерживает идею о глобальном лидерстве и гарантирует сохранение универсальных интересов мирового капитализма в целом¹².

Экономическое значение энергии может содействовать странам в укреплении своих геополитических позиций. Некоторые аналитики отмечают, что китайские инвестиции иногда обмениваются на политическую поддержку общих политических позиций на мировой арене¹³. Кроме того, эмбарго, санкции или блокады, направленные на поставщиков энергоресурсов, использовались время от времени (например, в отношении Ирана и Ирака) для достижения политических целей.

Одним из важных аспектов связей между энергией и безопасностью является отсутствие, кроме Западной Европы, региональных систем безопасности, что ведет к дополнительным трудностям выстраивания кооперативной модели сотрудничества между потребителями и производителями энергоресурсов.

Технологические факторы риска. Вторая сфера угроз безопасности и надежности, исходящих из энергетических систем, основана на физических и технологических свойствах энергии, приводящих к возникновению различных рисков природных/технических опасностей и угроз. Повреждения дамб гидроэлектростанций, нефтяных танкеров, газовых хранилищ и атомных станций, вытекающие из технических и операционных ошибок, могут иметь разрушительные последствия. Эти объекты также служат потенциальными целями для террористических групп.

Кроме того, существует риск распространения ядерного оружия, так как процесс обогащения ядерного топлива тесно связан

с потенциалом для производства ядерного оружия. Ядерные отходы также могут быть мишенью для преступных группировок (возможно, с целью незаконной продажи или как объект шантажа) или террористов.

Экологические риски. В последнее время проблемы безопасности часто обсуждаются в связи с изменением климата. Сжигание ископаемого топлива является важнейшим фактором, способствующим изменению климата. Меры климатической политики по сокращению использования ископаемого топлива также могут привести к возникновению конфликтов между государствами и новых угроз безопасности.

Трагические события, высветившие взаимосвязь экологии и энергетики, активизировали эту проблему. Такими событиями, нанесшими колоссальный ущерб и экологии, и энергетике, стали: авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г., разлив нефти супертанкером «Эксон Вальдес» на Аляске в 1989 г. и в Мексиканском заливе в апреле 2010 г., авария на АЭС «Фукусима-1» в результате цунами в 2011 г.

Обостряющиеся проблемы экологии все больше беспокоят мировое сообщество и вынуждают государства учитывать экологический аспект при разработке национальных подходов к энергетической безопасности. В рамках этого «экологического» направления появилось понятие «зеленая энергетика» как возможность сохранить окружающую среду и предотвратить изменение климата. К ней относится использование ВИЭ, переход на природный газ как менее загрязняющий вид топлива, внедрение энергосберегающих технологий¹⁴.

Кибератаки на объекты энергоснабжения, системы добычи и переработки нефти и газа также могут привести к колоссальному экологическому ущербу. За последние десятилетия цифровая революция настолько изменила мир, что в киберпространстве войну против целых государств могут вести небольшие хакерские группировки. Поэтому многие страны уже разработали доктрины цифровой войны и уделяют внимание подготовке своих кибервойск¹⁵.

В 2007 г. в небольшом городе Ок-Ридж, в штате Теннесси, США, был проведен уникальный эксперимент: специалисты из Агентства национальной безопасности (АНБ) имитировали в «национальной лаборатории» удар по иранской ядерной программе без ракет, боевых самолетов или бункерных бомб. Их оружием был компьютерный вирус «Stuxnet», который наращивал число оборотов центрифуг для обогащения урана, пока те не разрушились¹⁶.

При этом не делается различий между внутренней безопасностью и внешней, между гражданскими целями и военными,

поскольку театром военных действий могут стать не только военные, но и другие объекты жизнеобеспечения, в первую очередь энергетические.

Очевидно, что обозначенные риски и несогласованность позиций участников международных энергетических отношений представляют угрозу энергетической безопасности многих стран мира, а односторонние эгоистические действия могут привести к использованию энергии как оружия¹⁷.

Возможности для сотрудничества

Несмотря на имеющиеся разногласия в подходах разных стран к обеспечению энергетической безопасности из-за национальной специфики, а также различных факторов риска существует реальная потребность и объективная возможность объединения усилий мирового сообщества для разработки единой стратегии международной энергетической безопасности.

К общим задачам обеспечения энергетической безопасности, требующим сотрудничества и интеграции, можно отнести: совместное участие в добыче, переработке и транспортировке энергоресурсов, обмен технологиями, инвестирование в новые проекты. Внешний глобальный аспект связан с преодолением общих для всех опасностей, препятствующих эффективному функционированию мирового энергорынка и равному доступу стран к энергоресурсам. Этот глобальный аспект – наиболее уязвимое место в мировой энергосистеме. Неравномерное развитие энергетики в мире еще больше углубляет противоречия между развитыми и развивающимися странами.

Однако формирование таких взаимоотношений, которые характеризуются балансом интересов между всеми участниками рынка, является сложной политической задачей, требующей политической воли для своего решения и готовности разделить общие риски. И хотя мировое сообщество сегодня пока не может договориться о координации своих действий на общем энергетическом рынке, рано или поздно ему придется искать точки соприкосновения для широкого сотрудничества в этой области, так как проблемы обеспечения энергетической безопасности станут в ближайшие годы еще более насущными, поскольку расширяется спектр угроз.

За установление такого баланса и координацию интересов участников в решении задачи равномерного и сбалансированного распределения энергетических ресурсов выступает Россия. В статье президента РФ В. Путина, опубликованной в “Wall Street

Journal” в 2006 г., отмечается, что «позиция России в отношении энергетической безопасности остается ясной и неизменной. Мы твердо убеждены в том, что перераспределение энергии, полностью направляемое приоритетами небольшой группы самых развитых стран, не служит целям и интересам международного развития. Мы будем стремиться к созданию такой системы энергетической безопасности, которая отвечала бы интересам всего мирового сообщества. По сути дела, человечеству нужно лишь создать сбалансированный потенциал, чтобы устойчиво обеспечивать каждое государство энергоресурсами, и международное сотрудничество открывает для этого все пути. Россия готова активно содействовать дальнейшему прогрессу в данном направлении»¹⁸.

Вопросы энергетической безопасности вошли в ключевую повестку дня саммита «большой восьмерки», прошедшего в 2006 г. в Санкт-Петербурге.

По инициативе России главной темой обсуждения стала энергетическая безопасность. В принятой декларации участники встречи отметили ряд взаимосвязанных проблем в области добычи, продажи и транспортировки углеводородных ресурсов. Среди прочих была выделена проблема высоких и неустойчивых цен на нефть. Было заявлено, что «в связи с глобальным характером этих проблем и растущей взаимозависимостью между странами-производителями, транзитными странами и государствами-потребителями необходимо развивать партнерские отношения между всеми заинтересованными сторонами в целях укрепления глобальной энергетической безопасности». «Мы единодушны в том, что лучший способ добиться наших целей в этой области – формирование прозрачных, эффективных и конкурентных мировых энергетических рынков», – подчеркнули лидеры¹⁹.

На саммите «большой восьмерки», исходя из результатов встреч, Россия выступила с инициативой *создания координирующего института для сотрудничества всех стран в области обеспечения безопасности*. Однако сегодня так и не сформирован механизм глобального уровня для координирования энергетических интересов заинтересованных участников.

В настоящее время в международном сообществе не выработано единое понимание понятия «энергетическая безопасность», а в некоторых случаях значения, которые в него вкладываются, прямо противоположны друг другу. Ряд стран, включая Россию, пытаются предложить максимально широкий подход, учитывающий разные интересы, соглашаются с тем, что на данный момент энергетическую безопасность нельзя рассматривать в отрыве от процесса глобализации.

Таким образом, за последние два десятилетия исследования в области энергетической безопасности эволюционировали от классических исследований, посвященных поставкам нефти для промышленно развитых стран, до изучения более широких и разнообразных проблем энергетики. Различные подходы государств к решению вопросов международной энергетической безопасности создают дополнительные трудности в ее обеспечении.

Необходим дальнейший поиск общих основ для понимания энергетической безопасности и взаимоприемлемых стратегий различных акторов энергетических отношений для кооперации в решении глобальных проблем в данной сфере.

Примечания

- ¹ Завальнев В.Н. Безопасность в политическом мировосприятии мыслителей прошлого: аналитическая ретроспектива // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «История и политические науки». 2016. № 1. С. 176–189.
- ² Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005.
- ³ Chaudry M., Ekins P., Ramachandran K., Shakoor A., Skea J., Strbac G. Building a Resilient UK Energy System. Working Paper. L.: Energy Research Centre, 2009.
- ⁴ Coq C. Le, Paltseva E. Measuring the Security of External Energy Supply in the European Union // Energy Policy. 2009. Vol. 37. P. 4474–4481; Hedenus F., Azar C., Johansson D.A. Energy Security Policies in EU-25 – the Expected Cost of Oil Supply Disruptions // Energy Policy. 2010. Vol. 38. P. 1241–1250.
- ⁵ Ергун Д. Гарантировать энергетическую безопасность // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 50–56.
- ⁶ См.: Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 01.09.2016).
- ⁷ CIA: The World Factbook. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sa.html> (дата обращения: 06.10.2016).
- ⁸ Energy Security Refers to the Uninterrupted Availability of Energy Sources at an Affordable Price [Электронный ресурс] // The International Energy Agency. URL: <http://www.iea.org/topics/energysecurity/> (дата обращения: 01.09.2016).
- ⁹ The Organization of the Petroleum Exporting Countries [Электронный ресурс]. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/about_us/23.htm (дата обращения: 15.09.2016).
- ¹⁰ Energy Security Issues [Электронный ресурс] // The World Bank Group Moscow – Washington DC, Dec. 5, 2005. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/Energy_Security_eng.pdf (дата обращения: 07.09.2016).

- ¹¹ *Klare M.T.* Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. N. Y., 2008.
- ¹² *Stokes D.* Blood for Oil? Global Capital, Counter-Insurgency and the Dual Logic of American Energy Security // Review of International Studies. 2007. Vol. 33. P. 245–264.
- ¹³ *Howell S.* Jia You! (Add Oil!) Chinese Energy Security Strategy // G. Luft, A. Korin (eds.). Energy Security Challenges for the 21st Century. A Reference Handbook. Santa Barbara, California: Praeger Security International, 2009. P. 191–218.
- ¹⁴ Зеленая книга: Европейская стратегия безопасности энергоснабжения. С. 23. [Электронный ресурс] // Европейская комиссия, 2006. URL: http://esco.co.ua/journal/2006_7/art063.pdf (дата обращения: 07.09.2016).
- ¹⁵ *Rothkopf D.* Cool War [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2013. Febr. 20. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/01/16/pennsylvania-avenues-cold-war/> (дата обращения: 07.09.2016).
- ¹⁶ *Гэбауэр М., Хаммерштайн К., Хоффманн К., Розенбах М., Шиндлер Й.* Прохладная война // Профиль. 2016. № 36 (969). С. 37.
- ¹⁷ *Lefèvre N.* Measuring the Energy Security Implications of Fossil Fuel Resource Concentration // Energy Policy. 2010. Vol. 88. P. 1635–1644.
- ¹⁸ *Путин В.В.* Энергетический эгоизм – это дорога, ведущая в никуда [Электронный ресурс] // Иносми.Ру. Перевод статьи, опубликованной в “The Wall Street Journal” 28.02.2006. URL: <http://inosmi.ru/world/20060228/225816.html> (дата обращения: 10.09.2016).
- ¹⁹ Глобальная энергетическая безопасность. Декларация группы «большой восьмерки». Санкт-Петербург, 18 июля 2006 г. [Электронный ресурс] // G8russia.ru. URL: <http://civilg8.ru/6443.php> (дата обращения: 10.11.2016).

Abstracts

A. Akramov

Comparative characteristics of the addresses by President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2000–2001

The article is devoted to the study of the messages of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2000–2001. The author suggests that a qualitative change in the legal discourse is the inclusion of a new type of sources of law in the form of strategic planning documents. This observation allows the author to look at the documents in question in a new capacity. The article contains an analysis of key topics of the President's messages to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2000–2001. And allows to judge the political and legal trajectory of the development of the Russian Federation.

Keywords: addresses by the President, the source of law, strategic planning documents, government bodies, the president.

I. Antonova

Do we need the revolution in the methods of teaching of a foreign language: Impact of communication and pragmatic aspects of challenge

The paper investigates the nature of instructional communication comparing conditions of learning a foreign language, on the one hand, and a native one, on the other, The potential product of both processes is meaning which, in case with communication in a native language, is being born, discussed, accepted or declined right at the moment of communication, and in case with instructional communication, meaning is a kind of reflection to a communicative act being realized after its completion.

Keywords: foreign language communication, communicative competence, foreign language, sense (meaning), socio-cultural context, motivation grounds, simulation.

A. Astashov

Deserters in the revolution of 1917

The article is devoted to the analysis of desertion in the course of the Russian revolution of 1917. The work is based on new archival documents, which were first attracted to scientific research. The main object is the causes, forms, dynamics of manifestations of desertion in the army units at the front and in the rear. The subject of the analysis is the influence of desertion development on the combat capability of the army and the development of the revolutionary movement within the country, the effectiveness of the struggle of the military leadership with the help of “democratic” methods with this kind of military crime. The author comes to the conclusion that the military authorities failed to use effectively both ideological and legal measures, including “revolutionary courts”, against desertion, which turned into an important factor in the disintegration of the army and the deepening of the revolution.

Keywords: the spontaneous nature of the masses, the Russian Revolution of 1917, the fighting efficiency and disintegration of the army, desertion, “revolutionary courts”.

A. Denieva

Political communicative interaction of state and society in contemporary Russia

The article is devoted to the issues of political and communicative interaction between the state and society, as well as the formation and use of political and communicative practices in Russia in the period from 2000–2010. The author connects the development of the political and communicative sphere with the formation of civil society in the country, notes the importance and key role of state communications in the process of strategic design, creating a platform for public dialogue. The article is also dedicated to the role of social networks as alternative and independent sources of information and means of expressing public opinion.

Keywords: politico-communicative practices, state communication, government relations, civil society, public relations, public dialogue.

E. Dolgova

“Scientific work in the era of revolution”.
The Moscow psychological institute in 1914–1923

The article analyzes the note “The Moscow Psychological Institute since World War I and the interruption of communication with America” by the philosopher, psychologist and organizer of psychological science G.I. Tschelpanow (which was found in the Department of Manuscripts of the Russian State Library in Moscow); the fact of Russian-American scientific correspondence by George I. Tschelpanow and Edward B. Titchener and the historical circumstances of these documents.

Keywords: History of science, George I. Tschelpanow, Edward B. Titchener, E.B.T., Moscow Psychological Institute, Cornell University, Ino Hall, psychological laboratory, scientific experiment, reflexology, reactology, subjective method in psychology.

V. Fedianina

The teaching of the Japanese new religious movement
Kofuku-no Kagaku: Creating the image of Russia

This paper offers a first study of the image of Russia as it is presented in the political aspect of the Japanese new new religious movement *Kofuku-no Kagaku*. Since it is a newcomer in the religious landscape of Russia the paper briefly introduces main points of its doctrine. In this study, we analyze writings of Okawa Ryuho, the founder of *Kofuku-no Kagaku*, to trace creating the image of Russia. It is created on the ground of *Kofuku-no Kagaku* theoretical points to offer solutions to foreign and domestic problems in Japan.

Keywords: Japanese new new religious movement, religious doctrine, Okawa Ryuho, foreign policy, Russia.

N. Filin

Implementation of image of the 1979 Iranian Islamic
revolution in the modern political life of the country

The Islamic revolution in Iran that took place in 1979 constituted the 1st attempt to build a state on the religious principles rather than secular ones. Over the years the country succeeded in preserving its ideology, one element of which was a creation of the desired image

of the revolution in the collective consciousness. An answer to the following questions is of serious scientific interest: what exactly is an implementation of this image in the country's political life? And how is this implementation effected?

Keywords: Iran, Islam, Shiism, revolution, Ruhollah Khomeini.

O. Khlopov

Energy security: risk factors and the problems of cooperation

The article covers the interrelations between energy and security through using the results of various studies and approaches to the analysis of the essence of energy security. The author underlines that the actors of energy relations differently interpret the content of energy security that creates additional difficulties for cooperation. Economic, policy, technological and environmental risks as well as uneven resource providing leads to the need of having mutual acceptable cooperation strategies in the solution of problems of energy security.

Keywords: energy strategy, energy security, demand and consumption, cooperation, global risks, Russia.

A. Logunov

Measuring history politically

Real "battles" for history have been unleashed in Russia and a number of European countries in recent decades. Even more importantly is that they are being waged not only in the academic field but in public and political spheres as well. The paper analyzes factors and reasons that effected historical knowledge having been actualized and socio-political issues having been debated recently. All this has changed the social role of historical knowledge and influenced the content of historical science.

Keywords: modernization of public consciousness, archaization of public consciousness, functions of historical science, historical memory, political space, political design.

D. Lukyanov

Benefit of “communicatologic” understanding Thomas Kuhn’s conception of scientific revolutions

Fragmentation of scientific discourse and the relative status of professional scientific communities characterize modern post-non-classical model of socio-humanitarian knowledge development, which is formed in the paradoxical situation of many perpetrated by “scientific revolutions”. The concept and categorical apparatus of science and of scientific knowledge by T. Kuhn gives an opportunity to analyze the meaning and content of the results obtained “communicative turn” and the “communicative revolution” in humanitarian cognition. From the standpoint of the emerging communicatologists discourse in the article the attempt of the modern reading and the “Gestalt shift” in the perception of the concept of the famous American philosopher.

Keywords: post-non-classical science, the scientific revolution, communication revolution, communication studies, communicology, paradigm, scientific community.

T. Molodchikova

Jose Vasconcelos and the problem of Indian education in post-revolutionary Mexico

The article considers the ideas of the Mexican philosopher, educator and statesman José Vasconcelos (1882–1959), about the problem of Indian education in Post-Revolutionary Mexico. The period following the Mexican revolution was marked by radical political and socio-cultural changes in the country that were necessary to create a unified Mexican nation. The ideological base of educational and cultural projects was developed by prominent Mexican philosophers and professors, among which a special place occupied by José Vasconcelos.

Keywords: Mexico, José Vasconcelos, indian integration, in digenismo, education, socio cultural changes.

S. Novoselskiy

Conservative model of counteractions of the revolutionary movement in 1905 (on materials of general's E.V. Bogdanovich and his fellow campaigner's activities)

The article analyzes the nature and results of the social and political activity of members of the monarchist movement in 1905, grouped around the general's E.V. Bogdanovich salon. Particular attention is paid to projects of measures to counter the revolutionary movement, which were worked out by some of them, mainly by B.V. Nikolskiy. Based on the involvement of archival materials, first introduced in the scientific revolution, it is concluded that the conservative model of counter revolutionary movement did not succeeded among the authority in 1905.

Keywords: The First Russian Revolution, 1905, political thought, E.V. Bogdanovich, B.V. Nikolskiy.

D. Plotnikov

Interest groups as the object of scientific research: towards a theoretical and methodological synthesis

The article is devoted to various theoretical and methodological approaches to the interpretation of interest groups as an object of research. Compares the concept of a pluralist theory of interest groups, public choice theory (M. Olson), communitarians and social capital theorists, the conclusions of T. Parsons and O. Williamson. A comparison of approaches demonstrates the necessity and the prospects of methodological synthesis in the analysis of the phenomenon of interest groups. New scientific knowledge can be the result of this synthesis, not requiring new paradigmatic revolutions.

Keywords: interest groups, associational organizations, distribution coalitions, hybrid form of governance.

S. Surchina

Cooperation between the IAEA and the Russian Federation in radiation safety

Last decades have witnessed a remarkable surge of interest in enhancing international cooperation on radiation safety. Special attention is paid to the interaction with relevant international organizations that are dealing with these issues. This paper seeks to consider the key IAEA activities in radiation safety as well as to analyze the main aspects of the cooperation between the Russian Federation and the IAEA in the abovementioned field. The first section emphasizes on IAEA programme areas of work in radiation safety; the second one examines the key activities of the relevant cooperation between the Russian side and the Agency.

Keywords: nuclear safety, radiation safety, IAEA, radionuclides, radiation medicine, international cooperation, safety standards.

Сведения об авторах

Акрамов Александр Рустамович – заместитель декана по учебной работе факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, fpp11@mail.ru

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, heidel@rambler.ru

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Средневековья и Нового времени Историко-архивного института РГГУ, astashsh@yandex.ru

Дениева Айна Кюриевна – кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, ayna.denieva@mail.ru

Долгова Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, факультет истории, политологии и права Историко-архивного института, заместитель руководителя Научно-образовательного центра междисциплинарных гуманитарных исследований РГГУ, dolgova-evg@rambler.ru

Логунов Александр Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры мира и демократии, декан факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, al.logunov@yandex.ru

Лукьянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, lukadmiv@mail.ru

Молодчикова Татьяна Сергеевна – аспирант, ассистент преподавателя в Учебно-научном Мезоамериканском центре им. Ю.В. Кнорозова, факультет истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, tatiana20emr@gmail.com

Новосельский Сергей Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, novoselsky.rggu@gmail.com

Плотников Дмитрий Викторович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, mit.plotnikov@gmail.com

Сурчина Светлана Игоревна – кандидат политических наук, третий секретарь МИД России, syruna@mail.ru

Федянина Владлена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, fedlada@mail.ru

Филин Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, FilinNikita@yahoo.com

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-экономических процессов и современных проблем народонаселения РГГУ, rggu2007@rambler.ru

General data about the authors

Akramov Alexander R. – Deputy Dean on educational work, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, fipp11@mail.ru

Antonova Irina B. – Ph.D. in Methods of Teaching, associate professor, professor, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Astashov Alexander B. – Ph.D. in History, associate professor, Department of the History of Russia in the Middle Ages and Modern Times, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, astashsh@yandex.ru

Denieva Ayna K. – Ph.D. in Political Science, Deputy Head of the Department of Social Communications and Technology, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ayna.denieva@mail.ru

Dolgova Evgeniya A. – Ph.D. in History, senior lecturer, Knorozov Center of Mesoamerican Studies, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Deputy Director of the Center of Inter Humanities, Russian State University for the Humanities, dolgova-evg@rambler.ru

Fedianina Vladlena A. – Ph.D. in History, associate professor, Head of Department of Japanese Language, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, fedlada@mail.ru

Filin Nikita A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, FilinNikita@yahoo.com

Khlopov Oleg A. – Ph.D. in Political Science, associate professor, Department of Socio-economic Processes and Contemporary Problems of the Population, Russian State University for the Humanities, rggu2007@rambler.ru

Logunov Alexander P. – Dr. in History, professor, Head of the Department of Culture of Peace and Democracy, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, al.logunov@yandex.ru

Lukyanov Dmitriy V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, lukadmiv@mail.ru

Molodchikova Tatiana S. – graduate student, assistant, Knorozov Center of Mesoamerican Studies, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, tatiana20emr@gmail.com

Novoselskiy Sergey S. – postgraduate student, assistant, Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, novoselsky.rggu@gmail.com

Plotnikov Dmitriy V. – postgraduate student, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, mit.plotnikov@gmail.com

Surchina Svetlana I. – Ph.D. in Political Science, third secretary, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, sypruna@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 18.09.2017.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Усл. печ. л. 9,9. Уч.-изд. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 164

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71127
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!